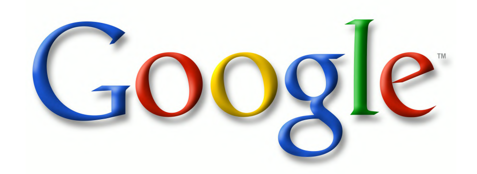
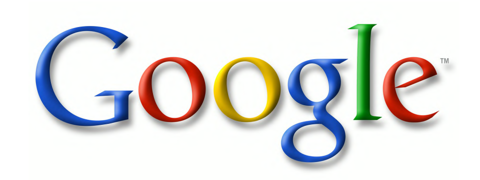
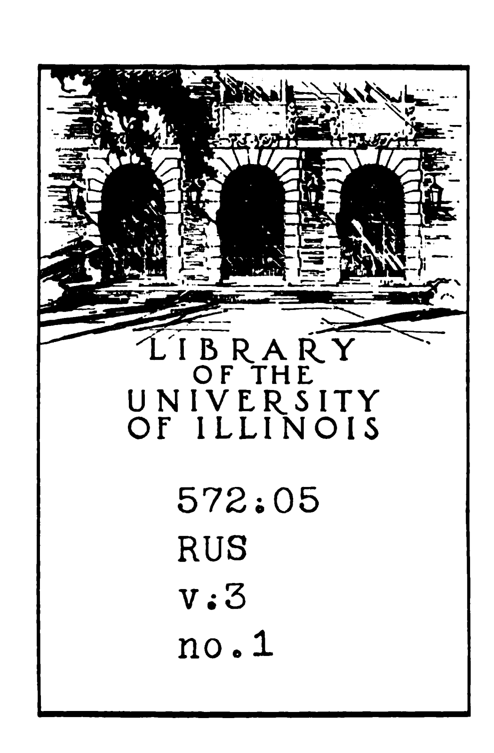

Google

Годъ 3-й. Кн

Русскій Антропологическі Журналъ

Изданіе Антропологическаго Отдѣла

Императорскаго Общества Любителей Естествознанія Антропологіи и Этнографіи, состоящаго при Москов скомъ Университетѣ.

Основанъ ко дню 25-лѣтія дѣятельности въ Антропологическомъ Отдѣлѣ (30 марта 1900 г.) предсѣдателя Отдѣла, проф. Д. Н. Анучина.

подъ редакціей
Секретаря Антропологическаго Отдѣла
А. А. Ивановскаго.

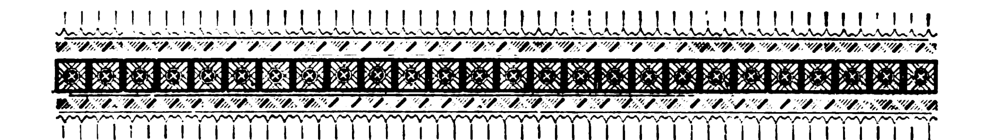
1902 г., № 1.

МОСКВА.
Типо-литографія А. В. Васильева и К°, Петровка, домъ Обидиной.
1902.

Печатано по постановленію Совѣта Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи.

СОДЕРЖАНIЕ.

Къ антропологической характеристикѣ алтайскаго племени теленгетъ.

Пять лѣтъ тому назадъ мнѣ посчастливилось попасть въ глушь Алтая. Я особенно заинтересовался его инородцами, которые извѣстны въ литературѣ подъ различными именами: алтайцевъ, телесъ, теленгетъ, черневыхъ татаръ, кумандинцевъ и др. Проживъ среди черневыхъ татаръ, телесъ и теленгетъ цѣлое лѣто, я успѣлъ собрать нѣкоторый антропологическій матеріалъ, состоящій частью изъ измѣреній на живыхъ (239 особей), частью краніологическій (95 череповъ, хранящихся въ настоящее время въ Антропологическомъ музеѣ Московскаго университета). Въ журналѣ «Землевѣдѣніе» (1898 г.) я представилъ предварительный отчетъ о своей поѣздкѣ, въ которомъ касался исключительно этнологическихъ данныхъ. Время до сихъ поръ не позволило мнѣ обработать полностью собранные мною антропологическіе матеріалы. Обработана только часть ихъ, касающаяся главнымъ образомъ краніологіи.

Приступая къ изложенію результатовъ обработки этой части, я не могу не сказать нѣсколько словъ о народностяхъ, населяющихъ Алтай, и въ частности о теленгетахъ, ближе мнѣ извѣстныхъ.

Н. А. Аристовъ, авторъ изслѣдованій объ этническомъ составѣ тюркскихъ племенъ, дѣлитъ всѣхъ инородцевъ Алтая, на основаніи большей или меньшей чистоты ихъ языка, на 1) чистыхъ тюрокъ и 2) отуреченныхъ самоѣдовъ и енисейцевъ. Къ послѣдней, второй категоріи относится рядъ племенъ т. наз. «черневыхъ» инородцевъ, т.-е. живущихъ въ сѣверныхъ предгорьяхъ Алтая, покрытыхъ «чернью» (густымъ лѣсомъ), таковы: кумандинцы, черневые татары, шоры. Изъ нихъ наибольшій интересъ для насъ представляютъ черневые татары, живущіе къ сѣверу отъ Телецкаго озера, въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ теленгетами; племя это послужило, между прочимъ, объектомъ антропологическихъ изслѣдованій Н. М. Ядринцева во время его поѣздки на Алтай, въ результатѣ которыхъ

оказалось, что черневые татары не носятъ никакихъ монгольскихъ чертъ и по головному указателю имѣютъ значительную тенденцію къ длинноголовости, чего нѣтъ ни въ одномъ изъ алтайскихъ племенъ, расположенныхъ къ югу отъ Телецкаго озера.

Чистые тюрки Алтая, обитающіе въ верховьяхъ Біи и Катуни съ ихъ притоками, раздѣляются на а) собственныхъ *алтайцевъ*, называемыхъ обычно алтайскими калмыками; b) *теленгетъ* (бассейнъ Чуи, Архыта, Башкауса) и с) *телесъ*—къ сѣверу отъ Башкауса, особенно по Чулышману и Телецкому озеру. Относительно этихъ послѣднихъ этнографы и до сихъ поръ не согласны, считать ли ихъ третьимъ самостоятельнымъ отдѣленіемъ алтайцевъ, или же лишь мѣстнымъ ихъ подраздѣленіемъ. Такъ, Потанинъ (Очерки Сѣв.-Зап. Монголіи) склоненъ считать ихъ самостоятельнымъ отдѣленіемъ алтайскихъ тюрокъ; Аристовъ идетъ въ этомъ направленіи дальше, предполагая даже, что телесы—вѣтвь совсѣмъ другого происхожденія, чѣмъ теленгеты; по его мнѣнію, послѣдніе произошли отъ древняго племени «*теле*» (или уйгуровъ), а первые—отъ племени «*тукю*». Очень многое заставляетъ согласиться именно съ этимъ послѣднимъ толкованіемъ, независимо отъ соображеній чисто лингвистическаго и этнологическаго свойства. Однако, въ настоящее время практически совершенно невозможно обозначить точно границы разселенія того и другого племени, потому что телесы и теленгеты тѣсно слились между собою. Можно предполагать только, что на Чулышманѣ и Телецкомъ озерѣ остатки этого народа сохранились больше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ Алтая. Поэтому-то свою краніологическую коллекцію я и раздѣляю прежде всего по мѣстонахожденію—на Башкаусѣ, Чулышманѣ и Телецкомъ озерѣ, въ надеждѣ подмѣтить какую-либо разницу въ этническомъ составѣ этихъ двухъ группъ. Иное дѣло съ измѣреніями на живыхъ: здѣсь, вмѣсто мѣстныхъ, ничего не говорящихъ, подраздѣленій, мы можемъ использовать дѣленія по родамъ, исходя изъ соображенія объ различномъ этническомъ ихъ происхожденіи; напримѣръ, рода Йиттасъ и Оргончи, размѣщенные, въ противоположность большинству другихъ, на очень ограниченной территоріи (Чулышманъ), съ большою вѣроятностью могутъ быть отнесены къ настоящимъ телесскимъ родамъ.

Не могу не повторить еще разъ, что очень часто всѣхъ алтайцевъ вообще называютъ «калмыками»,—названіе, противъ котораго нельзя не возражать. Такимъ названіемъ алтайцы обязаны, вѣроятнѣе всего, монголовидной наружности большинства изъ нихъ, что показываетъ только, что они, какъ и другіе тюрки, относятся къ монгольской или, лучше, азіатской расѣ (разумѣя подъ расой естественно-историческую разновидность). Но, во-первыхъ, даже въ этомъ чисто расовомъ смыслѣ нельзя назвать калмыками всѣхъ алтайцевъ, особенно черневыхъ татаръ и другихъ черневыхъ инородцевъ, такъ какъ ничего монгольскаго эти народы не имѣютъ; во-вторыхъ, названіемъ «калмыкъ» воспользовались для того, чтобы усма-

тривать полное этническое тождество алтайцевъ съ калмыками, называть первыхъ *отуреченными монголами* наперекоръ доказанной чистотѣ и древности тюркскаго языка, которымъ они говорятъ. Въ послѣднемъ случаѣ, очевидно, дѣло идетъ уже не о расовомъ только уподобленіи алтайцевъ монголамъ, а и о *племенномъ* ихъ тождествѣ, чему противорѣчатъ не только приведенныя соображенія лингвистическаго свойства, но нѣкоторыя антропологическія черты, поскольку могутъ существовать антропологическія различія между мелкими подраздѣленіями одной и той же расы. Указать нѣкоторыя такія черты, опровергающія *племенное* тождество теленгетъ съ калмыками, и есть задача предлагаемаго краткаго краніологическаго очерка.

Средняя величина черепного указателя для 83 череповъ коллекціи Антропологическаго музея [1]) (85,61) указываетъ на значительную корот-

Черепной указатель (распредѣленіе по рядамъ; см. діагр. 1).

	Улаганъ.			Чулышманъ.			Телецкое озеро.			Ядринцева.			Всѣхъ.		
	м.	ж.	Всѣхъ.	м.	ж.	Всѣхъ.	м.	ж.	Всѣхъ.	м.	ж.	Всѣхъ.	м.	ж.	Всѣхъ.
76,31—80. . . .	1	—	1	3	—	3	1	2	3	—	—	—	5	2	7
80,01—82. . . .	1	2	3	3	1	4	—	—	—	—	—	—	4	3	7
82,01—84. . . .	3	2	5	3	6	9	1	1	2	1	—	1	8	9	17
84,01—86. . . .	4	5	9	2	3	5	—	—	—	2	1	3	8	9	17
86,01—88. . . .	4	3	7	2	3	5	1	—	1	1	—	1	8	6	14
88,01—90. . . .	1	2	3	—	3	3	1	—	1	—	1	1	2	6	8
90,01—92. . . .	2	2	4	1	1	2	—	—	—	—	—	—	3	3	6
92,01—94. . . .	1	1	2	2	—	2	1	—	1	—	—	—	4	1	5
94,01—95,67 . . .	—	—	—	—	—	—	—	1	1	—	1	1	—	2	2

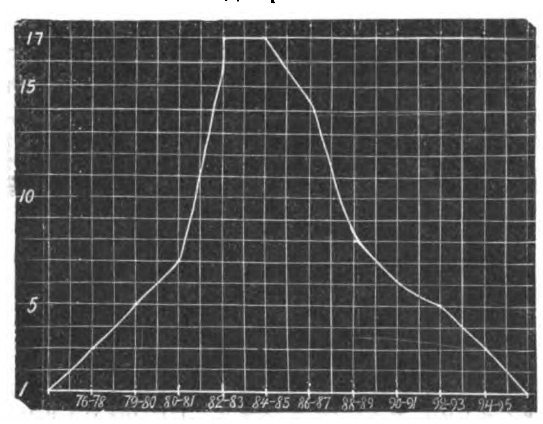
коголовость интересующаго насъ племени; но сама по себѣ эта средняя даетъ сравнительно мало: нашъ матеріалъ можетъ считаться не вполнѣ однороднымъ уже потому, что заключаетъ въ себѣ черепа индивидуумовъ не вполнѣ одинаковаго этническаго происхожденія. Напомню, что коллекція

---

[1]) Не приняты въ расчетъ 18 юношескихъ череповъ (показатель ихъ = = 85,69) и 1 дефектный.

моя собрана, главнымъ образомъ, въ двухъ мѣстахъ, на Улаганѣ и Чулышманѣ, не считая болѣе десятка череповъ съ Чуи и Телецкаго озера и 7 привезенныхъ раньше меня Н. М. Ядринцевымъ, мѣстонахожденіе которыхъ неизвѣстно. Такимъ образомъ, является естественнымъ раздѣленіе моей краніологической коллекціи на двѣ упомянутыхъ мѣстныхъ группы, соотвѣтствующихъ до нѣкоторой степени двумъ этническимъ или, по крайней мѣрѣ, родовымъ дѣленіямъ телесовъ и теленгетъ. По среднему обѣ эти группы вообще короткоголовы, но нѣсколько различаются между собою въ степени этой короткоголовости. Въ то время, какъ указатель улаганцевъ достигаетъ 86,14, соотвѣтствующая величина для чулышманцевъ равна только 84,88, а для женскихъ череповъ съ Телецкаго озера даже 83,86. Эти различія станутъ для насъ еще болѣе понятными и убѣдительными при расположеніи отдѣльныхъ указателей въ рядахъ Бертилльона (діагр. 1).

Діагр. 1.

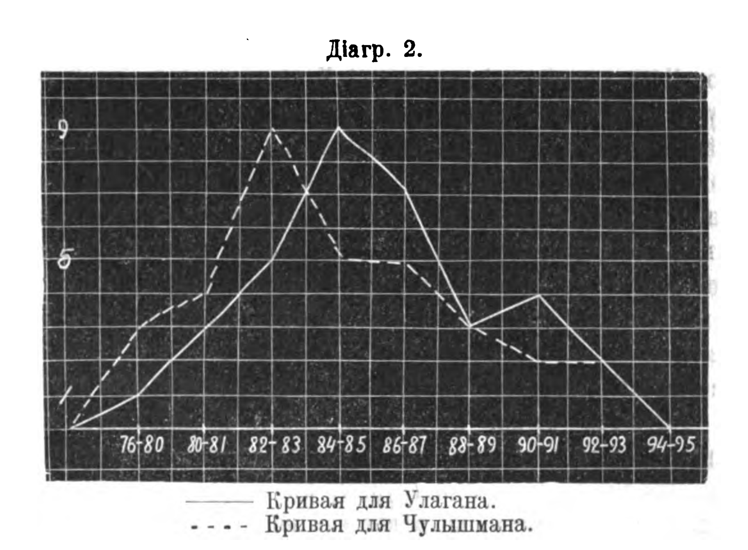
При разсмотрѣніи кривой, построенной на основаніи рядовъ, отличающихся другъ отъ друга на 2 единицы, прежде всего должно бросаться въ глаза, что она не имѣетъ ясно выраженной вершины. Наибольшее количество череповъ обладаетъ показателями 82 — 83 и 84 — 85, затѣмъ кривая круто падаетъ въ сторону меньшихъ показателей и довольно полого опускается въ сторону большихъ. Это доказываетъ, что въ составѣ нашей коллекціи черепа средне-и длинноголовые очень незначительны по числу, наоборотъ, короткоголовый элементъ занимаетъ въ нихъ преобладающее мѣсто. Надо замѣтить, что и слѣдующая высшая степень брахицефаліи, выражаемая показателемъ 86—87, имѣетъ достаточно представителей среди нашего матеріала.

Дальнѣйшій анализъ рядовъ каждой изъ нашихъ мѣстныхъ группъ отдѣльно выяснитъ намъ и причину двойной вершины только-что представленныхъ кривыхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ дастъ представленіе о томъ, какъ слѣдуетъ относиться къ факту преобладанія среди всего нашего матеріала двухъ показателей ширины головы—83 и 85.

Діаграмма 2-я, совмѣщающая въ себѣ двѣ кривыя для череповъ съ Улагана и Чулышмана, объяснитъ намъ это отношеніе. Кривыя вообще можно считать вполнѣ подобными, но въ то время, какъ кривая для Ула-

тана имѣетъ вершину, отвѣчающую показателю 84—85, кривая для Чулышмана указываетъ на господство въ этой группѣ меньшей короткоголовости, опредѣляемой показателемъ 82—83. Можетъ быть, фактъ меньшей

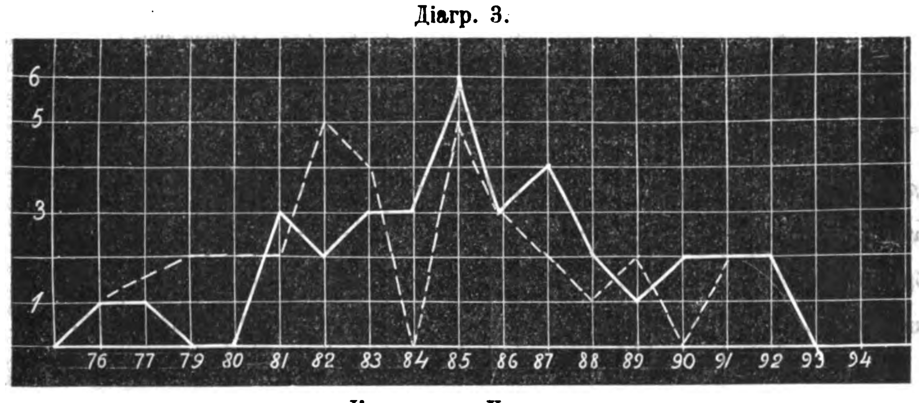
Діагр. 2.

——— Кривая для Улагана.
- - - - Кривая для Чулышмана.

короткоголовости обитателей Чулышмана, выразившiйся уже въ среднихъ цифрахъ, получитъ надлежащее освѣщенiе еще болѣе изъ двухъ кривыхъ для тѣхъ же мѣстностей, построенныхъ на основанiи болѣе мелкихъ ступеней, именно черезъ единицу (дiагр. 3).

Дiагр. 3.

——— Кривая для Улагана.
- - - - Кривая для Чулышмана.

Кривая, характеризующая черепной index улаганцевъ, не даетъ намъ ничего новаго; она только опредѣляетъ преобладанiе указателя 85. За-то чулышманская кривая имѣетъ двѣ ясныхъ вершины, одна изъ которыхъ

соотвѣтствуетъ характерному для Чулышмана указателю 82—83, другая же—тому самому указателю, который господствуетъ и среди улаганскихъ черепов. Итакъ, если насъ не обманываетъ анализъ кривыхъ, основанныхъ на рядахъ Бертилльона, двѣ установленныя мною мѣстныя группы—Чулышманская и Улаганская—нѣсколько разнятся между собой по черепному указателю. Надо думать, что теленгеты Улагана представляютъ группу болѣе чистую, однородную, чѣмъ телесы или теленгеты Чулышмана. Въ составъ обѣихъ этихъ группъ входятъ элементы съ высокой степенью короткоголовости (съ черепомъ, ширина котораго составляетъ болѣе 85% длины); но среди чулышманцевъ, кромѣ того, играютъ, повидимому, такую же значительную роль элементы нѣсколько менѣе короткоголовые, скорѣе субрахицефальные (указ. 82—83), чѣмъ объясняется и пониженіе средней цифры черепного указателя чулышманцевъ (84,83 противъ 86,14 для улаганцевъ).

Невозможно подобнымъ же образомъ проанализировать группу черепов съ Телецкаго озера, несомнѣнно ближе примыкающую къ группѣ Чулышманской, какъ составляющей съ ней одно этническое цѣлое (телесы). Въ виду немногочисленности этой группы, къ ней, конечно, совершенно не приложимъ методъ кривыхъ, но нѣкоторое понятіе объ особенностяхъ, которыя она, можетъ быть, представляетъ, даетъ намъ рядовое расположеніе по крупнымъ подраздѣленіямъ Брока. Это тѣмъ болѣе кстати, что такое расположеніе лишній разъ подтвердитъ намъ тѣ отличія, которыя мы только-что констатировали, въ частности же укажетъ на большую неоднородность группы Чулышманской.

	Улаганъ.			Чулышманъ.			Телецкое оз.			Черепа, привез. Ядринцевымъ.			Общая таблица.			%	
	м.	ж.	Всѣхъ.	м.	ж.	Всѣхъ.	м.	ж.	Всѣхъ.	м.	ж.	Всѣхъ.	м.	ж.	Всѣхъ.		
Субдолихоцефалы.	1	—	1	1	—	1	—	—	—	—	—	—	2	—	2	2,41%	8,43%
Мезатицефалы. . .	—	—	—	2	—	2	1	2	3	—	—	—	3	2	5	6,02%	
Суббрахицефалы .	3	4	7	6	5	11	—	—	—	1	—	1	10	9	19	22,89%	91,56%
Брахицефалы. . .	13	13	26	7	12	19	4	2	6	3	3	6	27	30	57	68,67%	

Настоящихъ долихоцефаловъ среди нашихъ теленгетъ нѣтъ ни одного; процентъ субдолихоцефаліи и мезоцефаліи въ общемъ не великъ (8,43), тогда какъ короткоголовые и подкороткоголовые (въ особенности первые) составляютъ главную массу, такъ что болѣе 90% общаго количества черепов (91,56%) должно быть отнесено въ эти двѣ послѣднія категоріи. Ко-

роткоголовость нашей краніологической коллекціи очень высокаго порядка, на что указываютъ нерѣдко встрѣчающіеся указатели выше 90 (составляющіе 15,6% всего числа). Чтобы подмѣтить разницу въ черепномъ указателѣ нашихъ мѣстныхъ группъ при такомъ расположеніи рядовъ, лучше всего прослѣдить, насколько часто въ той или другой изъ нихъ встрѣчаются элементы, для нашей коллекціи не характерные, свидѣтельствующіе какъ бы о посторонней примѣси, точнѣе—элементы не короткоголовые (субдолихоцефалы и мезоцефалы). Большая чистота или однородность улаганцевъ въ сравненіи съ чулышманцами выступитъ тогда вполнѣ рельефно. Среди первыхъ—всего около 3% не короткоголовыхъ, тогда какъ среди послѣднихъ ихъ втрое больше (9% или 3 чер.). Черепа, добытые еще далѣе къ сѣверу, на юго-восточномъ побережьи Телецкаго озера (въ урочищахъ Беле

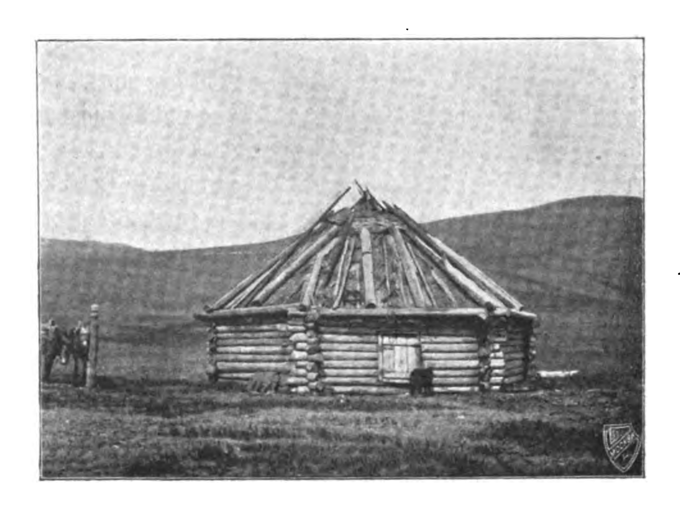

Рис. 1. Шестиугольная юрта теленгетъ.

и Чилишъ), несмотря на ихъ немногочисленность, представляютъ весьма интересную картину: они рѣзко распадаются на 2 группы—мезоцефаловъ и брахицефаловъ. Нѣтъ причинъ сомнѣваться, что, при большемъ количествѣ наблюденій, такое рѣзкое раздѣленіе не имѣло бы мѣста; однако, фактъ значительной неоднородности телесъ съ Телецкаго озера, мнѣ кажется, можетъ быть констатированъ и при наличности тѣхъ немногихъ данныхъ, которыми я располагаю. Надо предполагать, что телецкіе телесы еще болѣе смѣшаны, чѣмъ ихъ сородичи на Чулышманѣ. Если это такъ, то примѣсь не короткоголоваго элемента къ основной массѣ короткоголовыхъ телегентъ увеличивается отъ юга къ сѣверу.

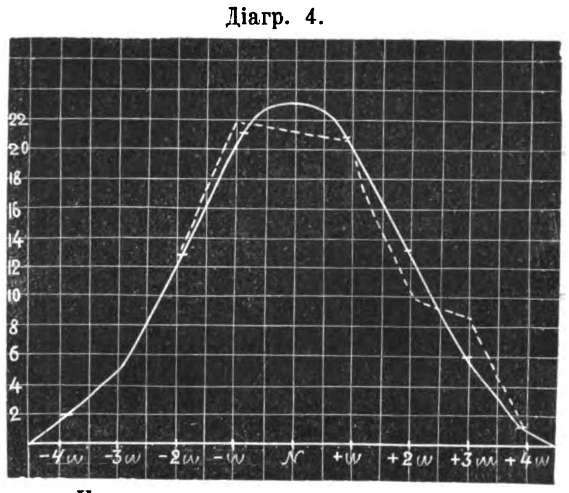
Можетъ быть, этотъ фактъ получитъ надлежащее освѣщеніе, если припомнить, что южными сосѣдями нашихъ алтайцевъ будутъ несомнѣнно

короткоголовые монголы и киргизы; на сѣверѣ же чулышманскіе и въ особенности телецкіе телесы только незначительнымъ пространствомъ, верстъ въ 60, отдѣлены отъ передовыхъ постовъ другой алтайской народности—черневыхъ татаръ или тува. Этотъ народъ, мѣсто котораго въ тюркской группѣ должно быть признано сомнительнымъ, несмотря на чистый тюркскій языкъ, отличается значительнымъ смѣшеніемъ. Среди 16 измѣренныхъ Ядринцевымъ черневыхъ татаръ есть представители всѣхъ подраздѣленій головного указателя, начиная съ долихоцефаловъ и кончая чистыми брахицефалами, но элементы не короткоголовые вообще преобладаютъ (долих.—4, субдол.—2, мезоцеф.—3, суббрахицеф.—4, брахицеф.—3).

Чтобы еще точнѣе проанализировать тѣ отличія въ мѣстныхъ группахъ, которыя представляетъ черепной указатель, считаемъ нелишнимъ обратиться къ указателю отклоненій Ihering'а и методу идеальныхъ кривыхъ Stieda. Какъ извѣстно, Ihering предложилъ формулу $\frac{S\delta}{n}$ для опредѣленія степени неоднородности состава данной группы. Чѣмъ больше цифра, полученная изъ этой формулы, тѣмъ менѣе однородна, слѣдовательно, анализируемая группа, тѣмъ болѣе заключается въ ней элементовъ, ей не свойственныхъ. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ не установлено, при какомъ предѣльномъ указателѣ Ihering'а данная группа можетъ считаться болѣе или менѣе однородной. Во всякомъ случаѣ, указатели выше 3-хъ свидѣтельствуютъ о значительной неоднородности данной группы (3,34 для якутовъ Геккеръ считаетъ цифрой очень высокой). Показатель Ihering'а для череповъ моей коллекціи, различаясь по мѣстнымъ группамъ ея, вполнѣ подтверждаетъ высказанное предположеніе объ увеличеніи неоднородности племенного состава теленгетъ отъ юга къ сѣверу. Въ то время, какъ обитатели Улагана могутъ считаться племенемъ менѣе смѣшаннымъ, потому что обладаютъ умѣреннымъ показателемъ Ihering'а — 2,78, чулышманцы, въ особенности мужчины, уже значительно превосходятъ ихъ въ этомъ отношеніи,—ихъ показатель (3,28) долженъ быть признанъ большимъ, подходящимъ къ показателю, напр., якутовъ Геккера; показатель же для 9 череповъ съ Телецкаго озера (5,52), въ свою очередь, значительно превосходитъ послѣдній. Я не сомнѣваюсь, что весьма большая цифра (5,52) показателя въ значительной степени зависитъ отъ недостатка наблюденій (9) и случайнаго подбора череповъ, и цифра эта уменьшилась бы при большемъ количествѣ наблюденій. Но и при томъ маломъ матеріалѣ, которымъ мы располагаемъ, позволительно предполагать о значительной смѣшанности этой группы (если не большей, то, по крайней мѣрѣ, не меньшей, чѣмъ на Чулышманѣ). Если не принимать въ расчетъ 9 телецкихъ череповъ, то средній указатель для всѣхъ теленгетъ будетъ равенъ 3, что подходитъ къ соотвѣтственной цифрѣ для головного указателя 239 измѣренныхъ мною живыхъ теленгетъ (2,8).

Вотъ теоретическая и эмпирическая кривыя, построенныя на основанiи формулы Штиды и Тома: $W = 0,8453 \frac{\Sigma\delta}{n}$. На нихъ замѣтно полное совпаденiе въ восходящей вѣтви и незначительныя колебанiя въ ту или другую сторону въ нисходящей. Значитъ, мой матерiалъ, несмотря на его сравнительно небольшую численность, настолько однороденъ или равномѣрно смѣшанъ, что и выводы изъ него представляются въ значительной степени вѣроятными. Однако, должно помнить, что близкое совпаденiе кривыхъ Stieda отнюдь не говоритъ о чистотѣ расы, а лишь о равномѣрномъ смѣшенiи въ ней элементовъ и объ отсутствiи двухъ рѣзко отличныхъ типовъ.

Дiагр. 4.

——— Идеальная кривая.
- - - - Эмпирическая кривая (для нашего матерiала).

Теперь опредѣлимъ, въ какихъ границахъ можетъ колебаться наше среднее. Оказывается $\left(\text{по формулѣ } F = \frac{W}{\sqrt{n}}\right)$, что, выражаясь словами Stieda, можно держать 999 противъ 1, что оно во всѣхъ случаяхъ будетъ заключаться въ предѣлахъ отъ 84—87. Иначе, если бы мы располагали 1000 коллекцiй теленгетскихъ череповъ, по 83 въ каждой изъ нихъ, то изъ нихъ 999 дали бы намъ въ среднемъ черепной указатель, соотвѣтствующiй высокой брахицефалiи, т. е. 84 слишкомъ, 85, 86 и 87. Такимъ образомъ, мы можемъ считать вполнѣ установленнымъ фактъ высокой брахицефалiи (84—87) на черепахъ нашихъ теленгетъ.

Остается сдѣлать еще одно послѣднее приложенiе теорiи Stieda. Попытаемся сравнить наши отдѣльныя группы—чулышманскую и улаганскую—относительно среднихъ величинъ, полученныхъ для нихъ. Мы уже замѣтили, что чулышманцы нѣсколько менѣе короткоголовы, чѣмъ улаганцы; является вопросъ, произошло ли это только отъ нѣсколько большей примѣси некороткоголовыхъ элементовъ, или же мы имѣемъ дѣло съ двумя совершенно различными типами. Опредѣлимъ границы колебанiй головного указателя для этихъ двухъ группъ отдѣльно. Въ результатѣ для Улагана онъ можетъ быть въ среднемъ 85, 86 и 87, для Чулышмана же—83,5, 84, 85, 86. Въ обѣ группы входятъ только элементы брахицефалическiе, указатели 85, 86 свойственны обѣимъ группамъ; вся разница состоитъ

лишь въ томъ, что для улаганской группы характеренъ указатель 87, который не входитъ въ предѣлы колебаній чулышманской группы, а для чулышманской—низкій указатель 84, котораго нѣтъ въ улаганской. Значитъ, дѣло идетъ не о двухъ рѣзко отличающихся типахъ, но лишь о нѣсколько различно смѣшанныхъ, причемъ на чулышманцахъ болѣе сказывается примѣсь менѣе короткоголоваго элемента. Среднія той и другой группы лежатъ вполнѣ въ предѣлахъ теоретически возможныхъ при данныхъ условіяхъ колебаній (84,16—87,06).

Чтобы покончить съ интересующимъ насъ соотношеніемъ, мы можемъ воспользоваться еще болѣе обильнымъ матеріаломъ, представленнымъ измѣреніями 239 живыхъ особей. Средняя для 204 взрослыхъ теленгетъ

Головной указатель (распредѣленіе по родамъ).

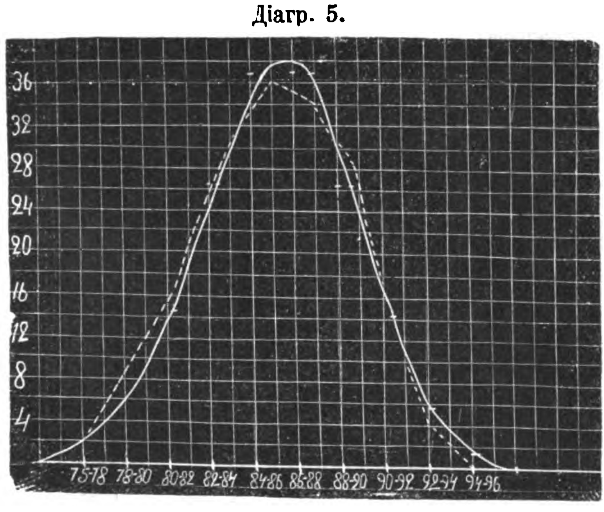
Названія родовъ.	75,37—77,77.	77,78—80.	80,01—82.	82,01—84.	84,01—86.	86,01—88.	88,01—90.	90,01—92.	92,01—94.
Кобокъ	—	4	6	6	9	7	4	3	—
Саалъ	—	1	4	5	7	6	6	6	1
Оргончи	—	—	3	7	6	3	6	1	—
Йиттасъ	—	1	2	1	2	4	3	1	2
Алматъ	—	2	1	4	2	4	2	1	1
Ябакъ	—	—	—	1	2	2	3	2	—
Телесъ	1	—	—	—	3	3	2	—	—
4 остальн.	—	1	—	3	5	5	2	—	—
Всѣхъ . .	1	9	16	27	36	34	28	14	4

(86,06) превосходитъ соотвѣтственную среднюю для мужскихъ череповъ (85,18) на 0,88, т.-е. въ круглыхъ цифрахъ на 1. Какъ извѣстно, головной указатель всегда выше черепного, но размѣры этого превышенія не могутъ считаться строго установленными; у различныхъ наблюдателей они колеблются отъ 1,2 до 2,1% [1]); можно считать его, слѣдовательно, во всякомъ случаѣ превосходящимъ единицу. Разница, полученная мною, нѣсколько мала. Комментировать какъ-нибудь этотъ фактъ, разумѣется, нельзя;

[1]) См. *А. А. Ивановскій*—Монголы-торгоуты, стр. 297.

онъ могъ произойти отъ массы случайностей; нелишне упомянуть, впрочемъ, что головной указатель отдѣльныхъ родовъ значительно превышаетъ приведенный нами средній для всѣхъ изслѣдованныхъ теленгетъ (такъ, родъ Ябахъ имѣетъ index 87,5, Китасъ—87). Оставляя въ сторонѣ всѣ подробности, представлю здѣсь еще идеальную кривую Stieda и весьма близко къ ней подходящую дѣйствительную кривую, выведенную для моего живого матеріала.

Діагр. 5.

—— Идеальная кривая
- - - - Эмпирическая кривая
} для взрослыхъ живыхъ.

Идеальныя кривыя для череповъ и для живыхъ носятъ совершенно тождественный характеръ; кривыя же, полученныя на самомъ дѣлѣ, экспериментальныя, отличаются лишь степенью правильности; кривая для живыхъ несравненно полнѣе совпадаетъ съ теоретической, чѣмъ кривая для череповъ, чего слѣдовало ожидать и a priori отъ матеріала втрое большаго, чѣмъ краніологическій. Интересно отмѣтить, что кривая для живыхъ не имѣетъ ясной вершины и указываетъ на преобладаніе index'овъ 84,01—86 и 86,01—88,—явленіе, совершенно аналогичное тому, что мы видѣли и для череповъ, съ той только разницей, что превалирующіе index'ы послѣднихъ одной ступенью ниже приведенныхъ, что вполнѣ понятно, если принять во вниманіе неизбѣжно меньшую цифру черепного указателя въ сравненіи съ головнымъ. Я уже говорилъ, что, по теоріи Stieda, преобладаніе двухъ сосѣднихъ разрядовъ указателей должно быть признано явленіемъ случайнымъ, такъ какъ оба они лежатъ вполнѣ въ предѣлахъ колебаній; съ другой стороны, вторичное полученіе тождественнаго результата при болѣе значительномъ матеріалѣ заставляетъ нѣсколько усомниться въ случайности его.

Головной указатель (среднія величины по возрастамъ и родамъ).

	15—20	21—30	31—40	41—50	51—60	61—70	71—80	21—80	21—50
Кобокъ	84,9	82,7	86,9	83,9	87,6	85,6	—	85,1	84,6
Саалъ	86,4	85,1	88,7	86.9	86.5	88,3	91,9	86,9	86,5
Оргончи	84,7	85,1	86,6	83,8	91,4	92,9	—	85,9	85,4
Алматъ	83,4	83,1	85.9	86,9	87.5	90,1	—	86,1	85,3
Ииттасъ	84,1	85,5	86,1	88,7	—	93.0	—	86,9	86,5
Ябакъ	88,8	87,2	90.0	86,4	—	—	—	87,5	87,5
Телесъ	90.9	84,6	85.9	—	—	—	84,3	85,2	85,3
4 остальн.	84.0	84,2	87.5	86.1	87,6	83,7	85,4	85,4	85,4
Всѣхъ	85,2	84.5	87,1	85,6	87,5	88,9	87,8	86,1	85,7

Не безынтересно узнать, какое мѣсто по головному указателю занимаетъ интересующая насъ народность восточнаго Алтая среди другихъ тюркскихъ племенъ. Тюрки, какъ извѣстно, отличаются въ главной своей массѣ брахицефаліей, превосходящей даже брахицефалію монголовъ—калмыковъ и бурятъ, если не считать селенгинцевъ, занимающихъ исключительное мѣсто среди извѣстныхъ до сихъ поръ членовъ монгольской семьи. Также общеизвѣстно, что вполнѣ естественная съ точки зрѣнія лингвистической классификаціи группа тюрокъ не представляетъ собой антропологически единаго типа и отличается большимъ разнообразіемъ въ ростѣ и головномъ указателѣ. Однако разнообразіе въ головномъ указателѣ вовсе не кажется такимъ большимъ, если разбить всѣ сколько-нибудь изслѣдованныя до сихъ поръ тюркскія народности на отдѣльныя группы. Въ большинствѣ случаевъ оказывается, что тѣ народы, головной указатель которыхъ меньше извѣстной нормы, характерной для тюрокъ, не могутъ быть причислены къ чистымъ тюркамъ даже и съ точки зрѣнія лингвистики и исторіи. Если нанести на карту распространенія тюрокъ соотвѣтствующіе каждой народности головные указатели, насколько они извѣстны, то при первомъ взглядѣ на такую карту бросилось бы въ глаза центральное пятно—область преобладанія наиболѣе высокой брахицефаліи—отъ 85 до 89 (безъ редукціи на черепъ). Къ ней принадлежатъ саянскіе и алтайскіе инородцы (сойоты, алтайцы, теленгеты, телесы, кромѣ

черневыхъ татаръ), киргизы разныхъ ордъ вплоть до Букеевской (кромѣ Большой орды, до сихъ поръ совершенно неизслѣдованной, если не считать 30 человѣкъ Мацѣевскаго и Пояркова, давшихъ, на мой взглядъ, сомнительный указатель 83), прикавказскіе тюрки—ногайцы и кумыки, какъ непосредственное ихъ продолженіе, и, наконецъ, таранчи Вост. Туркестана по работѣ Пайселя. Продолженіе этой области на западъ въ Вост. Европу характеризуется постепеннымъ уменьшеніемъ головного указателя. Башкиры, представляющіе большое разнообразіе типа по отдѣльнымъ группамъ, характеризуются также и большимъ разнообразіемъ головного указателя, колеблющагося по отдѣльнымъ родамъ отъ 85 до 82; мещеряки и касимовскіе татары имѣютъ указатель 83 — 82; тюрки—османы—83 по Ивановскому и др. (съ переводомъ черепного указателя на головной). Конечно, такое пониженіе указателя надо ставить въ связь съ меньшей чистотой основного тюрско-монгольскаго типа (если только допустить существованіе таковаго), съ примѣсью къ нему элемента менѣе короткоголоваго. Такова же, повидимому, причина пониженія головного указателя къ югу отъ области высокой брахицефаліи, именно среди тюркизированныхъ иранцевъ, напр., сартовъ, имѣющихъ указатели 84—83.

Рис. 2. Теленгетская могила.

Указатель якутовъ (по Геккеру) – 83—почти совпадаетъ съ соотвѣтственнымъ указателемъ ихъ ближайшихъ сосѣдей—тунгусовъ (по Майнову).

Наконецъ, никто не сочтетъ за чистыхъ тюрковъ крымскихъ татаръ, какъ южнобережниковъ, такъ и степныхъ, съ указателемъ 80 и 82, и въ особенности черневыхъ татаръ Алтая (79) и адербейджанцевъ (78), изъ которыхъ первые представляютъ тюркизированный народъ совершенно загадочнаго происхожденія, не имѣющій почти ничего общаго съ другими алтайцами; вторые — совершенные иранцы, отличающіеся обыкновенно средне-и даже длинноголовостью, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда они сильно тюркизированы. Послѣдніе три народа мы можемъ свободно не помѣщать въ общую тюркскую семью; ихъ зачисленіе туда слишкомъ искусственное, о чемъ свидѣтельствуютъ, между прочимъ, и головные показатели ихъ, не достигающіе чаще всего 80, т. е. предѣла суббрахицефаліи и, слѣдовательно, совершенно не характерные для тюрокъ.

Ближайшіе родственники тюрокъ—монголы, изслѣдованные въ значительно меньшей степени, отличаются отъ первыхъ, какъ уже сказано, меньшей короткоголовостью; изъ нихъ торгоуты и кульджинскіе калмыки имѣютъ index 84 — 85, волжскіе калмыки и буряты-аларцы — 82. Поразительное исключеніе представляютъ буряты-селенгинцы д-ра Шендриковскаго съ index'омъ въ 88. Представляетъ ли этотъ указатель плодъ какого-нибудь недоразумѣнія, или же онъ кажется исключительнымъ лишь потому, что мы не имѣемъ никакихъ антропологическихъ данныхъ о монголахъ восточныхъ, халха и др., отъ которыхъ могли заимствовать свою высокую брахицефалію буряты-селенгинцы,—судить трудно [1]).

Изъ этого краткаго антропо-географическаго обзора тюрко-монголовъ опредѣляется то мѣсто, которое занимаютъ интересующіе насъ теленгеты среди другихъ родственныхъ имъ народовъ по головному указателю. Они принадлежатъ, слѣдовательно, къ центральной области наивысшей брахицефаліи, т. е. стоятъ въ одной группѣ съ сойотами и киргизами, западными алтайцами и кавказскими тюрками. Если болѣе высокій головной указатель долженъ считаться характернымъ для тюрокъ въ сравненіи съ ихъ ближайшими родственниками—монголами, то теленгеты въ этомъ отношеніи приближаются, слѣдовательно, къ болѣе чистымъ типичнымъ тюркамъ.

Перехожу къ изложенію другихъ наиболѣе важныхъ соотношеній черепа интересующей насъ народности. Наибольшій лицевой діаметръ равенъ въ среднемъ 139 при полномъ отсутствіи колебаній по отдѣльнымъ

[1]) По новѣйшимъ, еще не опубликованнымъ, изслѣдованіямъ Ю. Д. Талько-Грынцевича, средній головной указатель монголовъ-халхасцевъ (по измѣреніямъ 36 живыхъ особей)—81,88, а бурятъ-селенгинцевъ (401 измѣреніе на живыхъ)—85,83. *Прим. ред.*

Наиб. лицевой попереч. діаметръ.

	Улаганъ.			Чулышманъ.			Ядринцева.			Общая.		
	м.	ж.	Всѣхъ.	м.	ж.	Всѣхъ.	м.	ж.	Всѣхъ.	м.	ж.	Всѣхъ.
127—128	—	—	—	—	2	2	—	—	—	—	2	2
129—130	—	1	1	—	—	—	—	—	—	—	1	1
131—132	—	2	2	—	1	1	—	1	1	—	4	4
133—134	—	3	3	1	2	3	—	1	1	1	6	7
135—136	1	4	5	—	5	5	—	—	—	1	9	10
137—138	1	2	3	3	4	7	—	1	1	4	7	11
139—140	3	—	3	2	3	5	—	—	—	5	3	8
141—142	5	1	6	4	1	5	1	—	1	10	2	12
143—144	—	1	1	4	1	5	—	—	—	4	2	6
145—146	3	1	4	3	—	3	—	—	—	6	1	7
147—148	1	1	2	1	—	1	—	—	—	2	1	3
149—150	—	—	—	—	—	—	2	—	2	2	—	2
151—152	—	—	—	1	—	1	—	—	—	1	—	1
153	3	—	1	—	—	—	—	—	—	1	—	1
Малые размѣры (до 129).	—	—	—	—	2	2	—	—	—	—	2	2 (2%)
Средніе размѣры (130—136). . . .	1	10	11	1	8	9	—	2	2	2	20	22 (30%)
Большіе размѣры (137 и выше). .	14	6	20	18	9	27	3	1	4	35	16	51 (68%)

мѣстнымъ группамъ; у мужчинъ онъ выраженъ сильнѣе, превосходя на 6 mm. соотвѣтствующее измѣреніе женскихъ череповъ. И рядовое расположеніе, и анализъ Stieda подтверждаютъ точность полученнаго результата и въ частности большую скулатость мужчинъ въ сравненіи съ женщинами. Цифра 139 сама по себѣ очень замѣчательна,—она превосходитъ соотвѣтствующую цифру для типичныхъ западныхъ монголовъ — торгоутовъ (135 и 136) на величину 3—4 mm., т. е. свидѣтельствуетъ о томъ, что признакъ, столь характерный для монгольской расы, развитъ у нашихъ

теленгетъ въ большей степени, чѣмъ у настоящихъ монголовъ. Казалось бы одного этого факта достаточно, чтобы заключить о монгольскомъ происхожденіи интересующаго насъ племени; однако такое заключеніе было бы рискованнымъ: вѣдь характерна же для монголовъ значительная короткоголовость, и однако тюрки (я разумѣю болѣе чистыхъ тюрокъ моего центральнаго поля, менѣе подвергнувшихся вліянію иранской крови) превосходятъ ихъ въ развитіи ширины черепа, и это превосходство, повидимому, должно считаться характернымъ, типичнымъ для тюрокъ. Намъ слѣдуетъ поэтому обратиться къ антропологической литературѣ и попытаться найти въ ней какія-либо указанія на случайность или, наоборотъ, неслучайность явленія повышенной скулатости нашихъ теленгетъ.

Наиб. лицевой поперечный діаметръ.

Улаганъ.			Чулышманъ.			Ядринцева.			Всѣхъ.		
м.	ж.	Всѣхъ	м.	ж.	Всѣхъ	м.	ж.	Всѣхъ	м.	ж.	Всѣхъ
142,3	136,8	139,5	142,1	136,1	139,1	146,7	134,0	140,3	142,6	136,3	139,4

Прежде всего не могу не упомянуть объ одномъ любопытномъ, хотя, можетъ быть, и не очень доказательномъ фактѣ. Среди коллекцій калмыцкихъ череповъ, описанныхъ А. А. Ивановскимъ, есть, между прочимъ, одна очень маленькая серія, принадлежащая томскимъ калмыкамъ. Какъ указываетъ самъ авторъ, послѣдніе—не что иное, какъ алтайцы, къ каковымъ относятся и наши теленгеты. И воти эти томскіе калмыки отличаются отъ остальныхъ калмыковъ также болѣе развитой средней шириной лица и скулъ. Ихъ наибольшій лицевой діаметръ какъ разъ равенъ найденному мною для теленгетъ. Такое сходство, впрочемъ, далеко не ограничивается однимъ только интересующимъ насъ діаметромъ; болѣе или менѣе тождественный матеріалъ всегда дастъ и болѣе или менѣе тождественные результаты. У другихъ тюркскихъ народовъ, по краніологіи которыхъ имѣются какія-либо свѣдѣнія, діаметръ этотъ развитъ такъ же сильно, какъ и у теленгетъ, напр., у ближайшихъ ихъ сосѣдей—сойотъ, или, по крайней мѣрѣ, не слабѣе, чѣмъ у торгоутовъ, напр., у киргизъ и кара-киргизъ. Всего значительнѣе наибольшій широтный діаметръ развитъ изъ тюрокъ у якутовъ, затѣмъ у киргизовъ Зеланда (147). У монголовъ Ивановскаго, при измѣреніяхъ на живыхъ, онъ оказывается развитымъ весьма сильно (158), сильнѣе, чѣмъ у всѣхъ остальныхъ до сихъ поръ

изслѣдованныхъ народовъ, превосходя наибольшую до сихъ поръ найденную цифру выступанія скулъ (именно для якутовъ и южныхъ тунгусовъ). У волжскихъ калмыковъ Деникера, измѣренныхъ въ незначительномъ числѣ, этотъ діаметръ нѣсколько менѣе (148) и приближается къ тюркскому. Соотвѣтственный діаметръ для бурятъ-селенгинцевъ и аларцевъ [1]) не отличается отъ такого же для киргизовъ и волжскихъ калмыковъ Деникера. Слѣдовательно, если не считать торгоутовъ Тарбагатайской обл., тюркскія племена ничуть не менѣе, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ якуты, даже болѣе скулаты, чѣмъ настоящіе монголы и буряты; повидимому, этотъ признакъ также характеренъ для нихъ, какъ и для этихъ послѣднихъ. Нѣкоторымъ косвеннымъ подтвержденіемъ моего положенія могутъ служить другіе діаметры, выражающіе ширину лица и выступаніе скулъ; между прочимъ, объ одномъ изъ нихъ, т. наз. скуловомъ, литература значительно полнѣе, чѣмъ о наибольшемъ лицевомъ.

Рис. 3. Теленгетъ.

Если расположить, какъ это сдѣлалъ г. Харузинъ, всѣ изслѣдованныя племена по величинѣ ихъ скулового діаметра, то окажется, что большіе размѣры его имѣютъ, съ одной стороны, кульджинскіе калмыки и торгоуты, съ другой — киргизы-букеевцы, узбеки, часть башкиръ, туркмены, кара-киргизы и друг.; средніе размѣры—съ одной стороны калмыки-чахары, арбунсумыны, турфанскіе и китайцы; съ другой — таранчи, киргизы 3-хъ ордъ, алтайцы Ядринцева, часть узбековъ и башкиръ; малые размѣры почти совершенно отсутствуютъ какъ у тюрокъ, такъ и монголовъ и свойственны, повидимому, исключительно кавказскимъ народностямъ. Авторъ «Киргизовъ Букеевской орды» съ нѣкоторымъ колебаніемъ даже рѣшается высказать ту мысль, что «у тюрокъ скуловой діаметръ абсолютно большихъ размѣровъ, чѣмъ у мон-

[1]) По указаннымъ выше изслѣдованіямъ Ю. Д. Талько-Грынцевича, наибольшій лицевой діаметръ бурятъ-селенгинцевъ (192 измѣр.) равенъ въ среднемъ 153 mm., а закаменскихъ бурятъ (18 измѣр.)—155 mm. *Прим. ред.*

головъ»; надо сознаться, впрочемъ, что такое заключеніе не вполнѣ соотвѣтствуетъ матеріалу, на основаніи котораго оно сдѣлано, какъ это замѣтилъ уже Геккеръ въ своихъ «Якутахъ». Гораздо правильнѣе было бы выразиться такъ: «у тюрокъ выступаніе скулъ столь же значительно, какъ у монголовъ, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ (якуты) можетъ даже превосходить его». Все до сихъ поръ сказанное о скуловомъ и наибольшемъ лицевомъ діаметрѣ имѣло цѣлью только показать, что большое развитіе средней ширины лица или т. наз. скулатость вовсе не есть признакъ, исключительно свойственный однимъ калмыкамъ, но въ одинаковой мѣрѣ и ихъ ближайшимъ этническимъ родственникамъ—тюркамъ, и что, такимъ образомъ, теленгеты и томскіе калмыки вовсе не должны быть относимы къ калмыкамъ только потому, что ихъ лицевой діаметръ на черепѣ превосходитъ таковой же для торгоутъ; иначе придется къ калмыкамъ же отнести и якутовъ, и сойотъ, и кара-киргизовъ.

Разсматривая наибольшій лицевой діаметръ, видимъ, что около 70% всѣхъ череповъ имѣютъ большіе размѣры этого діаметра, причемъ малые почти совсѣмъ отсутствуютъ; совершенно то же мы имѣемъ для киргизъ, кара-киргизъ, сойотъ и калмыковъ—новое подтвержденіе только-что высказаннаго положенія. Слѣдуетъ прибавить также, что и другіе діаметры, показывающіе поперечные размѣры лица на черепѣ, какъ-то: щечный, скуловой (по срединѣ швовъ скуловыхъ дугъ), внутренній и внѣшній глазничные, у теленгетъ, сойотъ, киргизъ и кара-киргизъ б. ч. абсолютно болѣе, чѣмъ у калмыковъ-торгоутовъ; поразительно одинаковыя цифры даютъ во всѣхъ случаяхъ теленгеты съ томскими калмыками и сойотами; впрочемъ, никакой самый опытный глазъ, разсматривая типичный черепъ теленгета и сойота въ лицевой и въ вертикальной нормахъ, не нашелъ бы въ нихъ никакихъ сколько-нибудь замѣтныхъ отличій; скорѣе можно найти разницу между черепами калмыцкими съ одной стороны и теленгетскими и сойотскими—съ другой, чѣмъ между двумя послѣдними.

Длина лица, выражаемая на черепѣ разстояніемъ отъ корня носа до альвеолярной точки, въ среднемъ у теленгетъ достигаетъ такихъ же

Лицевая линія.

	Улаганъ.			Чулышманъ.			Ядринцева.			Общая.		
	м.	ж.	Всѣхъ.	м.	ж.	Всѣхъ.	м.	ж.	Всѣхъ.	м.	ж.	Всѣхъ.
Малые размѣры (до 60) .			н		ѣ		т		ъ			
Средніе разрѣзы (до 70).	5	10	15	8	10	18	—	3	3	13	23	36
Большіе (71 и выше) . .	9	3	12	13	11	24	4	—	4	26	14	40

размѣровъ (71; муж.—72,3, жен.—69,6), какъ и у торгоутовъ, сойотовъ, киргизовъ, кара-киргизовъ; она нѣсколько выше для мужскихъ череповъ, ниже для женскихъ; кромѣ того, улаганцы, какъ можно заключить изъ рядового расположенія этой величины, менѣе длиннолицы, чѣмъ чулышманцы; среди послѣднихъ дальнѣйшій анализъ показываетъ преобладаніе двухъ типовъ: одного — съ лицомъ равнымъ по длинѣ лицу улаганцевъ, другого—съ лицомъ болѣе длиннымъ. Здѣсь повторяется то же самое, что мы уже видѣли при изученіи головного указателя. Лицевая линія теленгетъ, какъ и монголовъ и другихъ тюрокъ, по которымъ есть краніологическій матеріалъ, должна быть названа, по классификаціи Брока, большой; малые размѣры ея совершенно отсутствуютъ.

Болѣе значительный интересъ представляетъ отношеніе длины лица къ наибольшей его ширинѣ. Относительная ширина лица (51), въ противоположность абсолютной, меньше, чѣмъ у торгоутовъ (53),

Лицевой указатель.

	Улаганъ.			Чулышманъ.			Ядринцева.			Общая.		
	м.	ж.	Всѣхъ.	м.	ж.	Всѣхъ.	м.	ж.	Всѣхъ.	м.	ж.	Всѣхъ.
42,85	—	1	1	—	—	—	—	—	—	—	1	1
45,71—46,81	—	—	—	2	—	2	—	—	—	2	—	2
47,22—48	2	2	4	3	—	3	—	—	—	5	2	7
48,01—49	2	1	3	3	—	3	1	—	1	6	1	7
49,01—50	3	2	5	2	2	4	1	1	2	6	5	11
50,01—51	1	1	2	2	1	3	—	2	2	3	4	7
51,01—52	—	1	1	3	5	8	—	—	—	3	6	9
52,01—53	—	3	3	2	6	8	—	—	—	2	9	11
53,01—54	2	1	3	—	1	1	1	—	1	3	2	5
54,01—55	1	—	1	1	1	2	—	—	—	2	1	3
55,01—56	1	—	1	1	—	1	—	—	—	2	—	2
56,01—57	1	—	1	—	—	—	—	—	—	1	—	1
57,01—57,74	—	—	—	—	2	2	—	—	—	—	2	2

хотя и незначительно, и тождественна съ таковой же для томскихъ калмыковъ. $^4/_5$ моей краніологической коллекціи обладаютъ относительно ма-

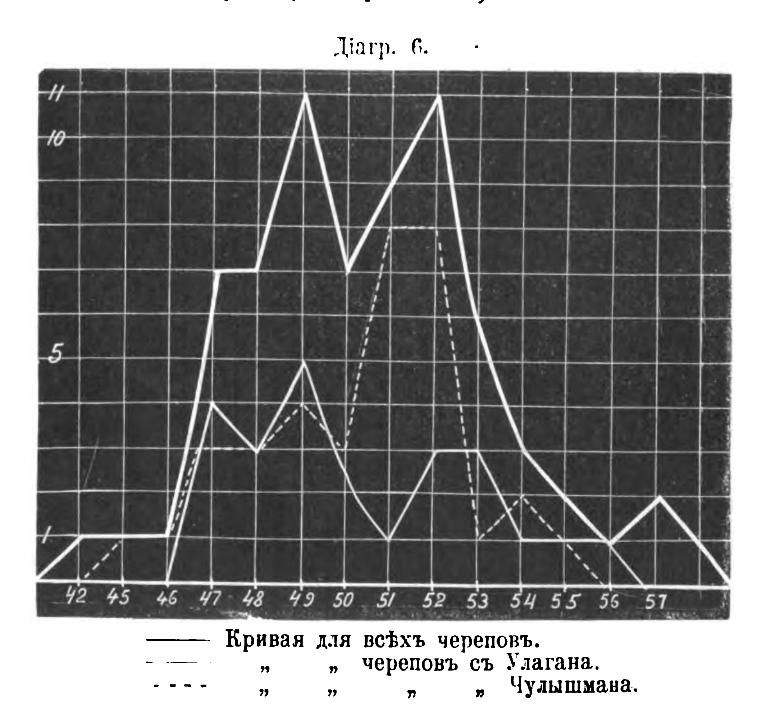
лыми размѣрами лицевого указателя при почти полномъ отсутствіи большихъ; тѣ же размѣры характерны и для монголовъ, съ той только разницей, что у нихъ наклонность къ среднимъ размѣрамъ выражена несравненно сильнѣе. Рядовое расположеніе показываетъ существованіе двойственнаго типа.

Лицевой указатель (на черепѣ).

	Муж.	Жен.	Всѣхъ.	
Малые размѣры (до 53). . .	27	28	55	(80,88%)
Средніе (до 57).	8	3	11	(16,18%)
Большіе (выше 57)	—	2	2	(2,94%)

Если построить соотвѣтственныя кривыя для Улагана и Чулышмана, то, несмотря на значительную ихъ неправильность, происходящую отъ недостатка матеріала, можно замѣтить, что первая вершина соотвѣтствуетъ вершинѣ для Улагана, вторая для Чулышмана; особенно рѣзко это выражено въ послѣднемъ случаѣ (для Чулышмана).

Діагр. 6.

——— Кривая для всѣхъ череповъ.
- —— „ „ череповъ съ Улагана.
- - - - „ „ „ „ Чулышмана.

Такимъ образомъ, мы встрѣчаемся здѣсь снова съ яснымъ раздѣленіемъ на два типа. Въ виду того, что наибольшій лицевой поперечникъ для обѣихъ группъ почти совершенно одинаковъ, остается допустить, что лицо

у чулышманцевъ длиннѣе, чѣмъ у улаганцевъ, что замѣтно особенно изъ рядового расположенія цифръ лицевой линіи.

Изъ соотношеній другихъ широтныхъ діаметровъ лица съ наибольшею его шириною я упомяну вскользь объ отношеніи внѣшняго глазничнаго и скулового къ наибол. лицевому, только для того, чтобы отмѣтить ихъ полное совпаденіе съ соотвѣтствующими соотношеніями на монгольскомъ черепѣ.

Мы видѣли, что всѣ широтные діаметры лица у теленгетъ, какъ и наиб. лицевой, болѣе или менѣе превосходятъ таковое же у калмыковъ. Оказывается, однако, что пропорціонально лицо развито совершенно такъ же, какъ и у этихъ послѣднихъ; отношенія всѣхъ діаметровъ къ средней ширинѣ лица выражаются цифрами одинаковыми какъ съ калмыками, такъ и съ сойотами, киргизами и кара-киргизами. Въ общемъ можно констатировать сравнительно умѣренное расширеніе лица отъ внѣшняго глазничнаго къ наиб. поперечному съ одной стороны и очень сильное развитіе скулового діаметра съ другой у всѣхъ этихъ народовъ.

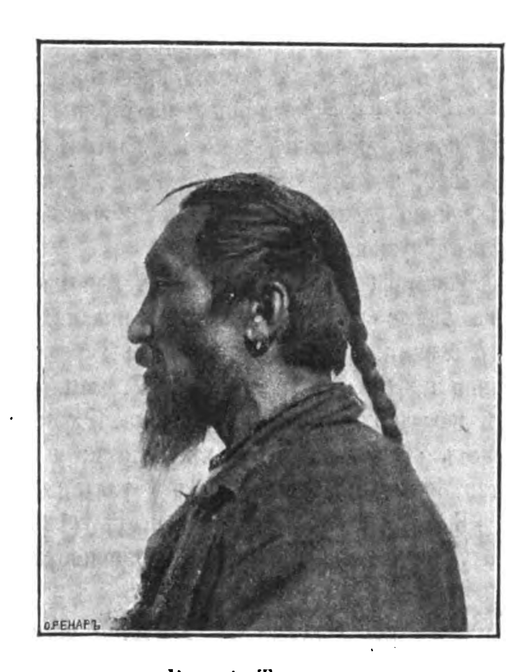

Рис. 4. Теленгетъ.

Перехожу къ носовому указателю и размѣрамъ, его составляющимъ. Какъ длина (53,2; муж.—54,7, жен.—51,9), такъ и ширина (26,2; муж. — 27,6, жен. — 24,9) носа теленгетъ въ среднемъ весьма мало (на 1 mm.) отличается отъ соотвѣтствующихъ размѣровъ на черепахъ монгольскихъ, сойотскихъ и киргизскихъ. Какъ и носъ типичнаго калмыка, онъ характеризуется умѣреннымъ развитіемъ въ длину и сильнымъ развитіемъ въ ширину, т.-е. преобладаніемъ среднихъ размѣровъ длины и большихъ размѣровъ ширины; нѣкоторая разница замѣчается только въ большемъ преобладаніи у теленгетъ среднихъ размѣровъ (75%) въ сравненіи съ малыми, которые играютъ у монголовъ также значительную роль. Разумѣется, и носовой указатель теленгетъ (49,25; муж.—49,3, жен.—49,2) въ срав-

Носовой указатель.

	Улаганъ.			Чулышманъ.			Ядринцева.			Всѣхъ.		
	м.	ж.	Всѣхъ.	м.	ж.	Всѣхъ.	м.	ж.	Всѣхъ.	м.	ж.	Всѣхъ.
Лепторины (до 48) . . .	6	4	10	9	12	21	2	—	2	17	16	33
Мезорины (до 53). . . .	4	4	8	10	9	19	1	1	2	15	14	29
Платирины (53,01 и выше).	5	7	12	2	1	3	1	2	3	8	10	18

неніи съ монголами не можетъ представлять разницы: какъ и послѣдніе, они или мезорины, или лепторины; платирины встрѣчаются въ незначительномъ числѣ почти исключительно на Улаганѣ и отсутствуютъ на Чулышманѣ; изъ этого, а также и изъ средней цифры носового указателя для улаганцевъ можно заключить о большей широконосости этой группы въ сравненіи съ чулышманской.

Размѣры ширины переносья или межглазничнаго пространства также не представляютъ никакихъ особенностей въ сравненіи съ монгольскими; преобладаютъ размѣры средніе съ наклонностью къ большимъ; средняя цифра (24,3; муж.—24,7, жен.—23,8) стоитъ какъ разъ на границѣ между этими двумя отдѣлами. Рядовое расположеніе и здѣсь обнаруживаетъ существованіе двухъ типовъ: у чулышманцевъ переносье оказывается болѣе широкимъ, чѣмъ у улаганцевъ и у монголъ.

Высота черепа теленгетъ (129—130) абсолютно превосходитъ высоту черепа монголовъ, въ особенности тарбагатайскихъ торгоутовъ; въ

Высота черепа.

Улаганъ.			Чулышманъ.			Ядринцева.			Общая.		
м.	ж.	Всѣхъ.	м.	ж.	Всѣхъ.	м.	ж.	Всѣхъ.	м.	ж.	Всѣхъ.
129,8	125,4	127,6	131,0	130,3	130,6	132,5	127,0	130,1	130,6	128,1	129,4

этомъ отношеніи, однако, теленгеты не стоятъ особнякомъ: сойоты, каракиргизы и киргизы также имѣютъ черепъ болѣе высокій, чѣмъ калмыки,

почти тождественный съ нашими теленгетами. Высоту черепа можно относить къ его ширинѣ и длинѣ. Мы уже видѣли, что указатель ширины черепа теленгетъ болѣе, чѣмъ у монголовъ. Цифры для діаметровъ, его составляющихъ, т.-е. наиб. продольнаго и наиб. широтнаго, показываютъ, что это явленіе есть слѣдствіе одновременнаго укороченія и расширенія черепа; короткость и ширина теленгетскаго черепа бросаются сразу въ глаза при разсматриваніи его въ затылочной нормѣ; затылокъ въ большинствѣ случаевъ какъ бы уплощенъ, срѣзанъ въ вертикальной плоскости; таковъ же онъ и у киргизовъ по описаніямъ Харузина и у бурятъ по описаніямъ Шендриковскаго. Укороченіе длиннотнаго діаметра, какъ слѣдствіе уплощенія затылка, само по себѣ уже влечетъ за собой и увеличеніе діаметровъ широтнаго и отчасти высотнаго. Легко понять, что и соотношенія между этими тремя важными измѣреніями должны измѣниться въ сравненіи съ таковыми же для торгоутовъ: длиннотно-высотный указатель, вслѣдствіе уменьшенія длины, долженъ дать цифры большія, чѣмъ у этихъ послѣднихъ, т.-е. проявить большую тенденцію къ гипсицефаліи, къ высокоголовости; такъ это и оказывается на самомъ дѣлѣ (муж.—73,7, жен.—74,5, общ.—74,1). Ортоцефалія преобладаетъ у монголовъ, какъ и у теленгетъ, но въ то время, какъ у первыхъ замѣчается значительная наклонность къ низкоголовости (платицефаліи), среди послѣднихъ низкая форма черепа встрѣчается только какъ рѣдкое исключеніе; наоборотъ, существенную роль играетъ

Высотный указатель.

	Улаганъ.	Чулышманъ.	Ядринцева.	Всѣхъ.
Плаитцефалія (до 70)	3	4	1	8
Ортоцефалія (до 75)	20	22	1	43
Гипсицефалія (выше 75)	11	17	5	33

гипсицефалія (высокоголовость); въ этомъ я вижу отличіе интересующей насъ народности отъ монголовъ, но, добавлю, всецѣло зависящее отъ другой, уже констатированной особенности, именно отъ значительно большей ихъ короткоголовости. Естественно предположить, что и другія тюркскія народности, у которыхъ короткоголовость существуетъ въ столь же рѣзкой формѣ, отличаются и большей высотой черепа; и, дѣйствительно, совершенно одинаковыя цифры высотно-длиннотнаго и распредѣленія его по крупнымъ разрядамъ даютъ намъ сойоты и киргизы (74).

Обратимся теперь къ указателю высотно-широтному. Какъ у монголовъ, такъ и у интересующей насъ народности замѣтно значительное преобладаніе широко-низкихъ формъ; слѣдовательно, несмотря на болѣе значительные абсолютные размѣры высоты черепа теленгетъ, пропорціи его по отношенію къ ширинѣ остаются вполнѣ такими же, какъ и

калмыковъ. Очень небольшая группа средне-широко-высокихъ образовалась почти исключительно на счетъ чулышманцевъ, у которыхъ ширина черепа нѣсколько менѣе значительна, чѣмъ у улаганцевъ. Высотно-широтный діаметръ у сойотъ и киргизъ не отличается отъ полученнаго мною для теленгетъ.

Изъ окружностей и дугъ черепа прежде всего останавливаетъ вниманіе своимъ большимъ развитіемъ поперечная дуга (муж.—311,4, жен.—305,3, общ.—308,4); размѣры ея превосходятъ соотвѣтствующіе для

Поперечная дуга.

	Муж.	Жен.	Всѣхъ.
Малые размѣры (до 300)	6	14	20
Средніе размѣры (301—320)	31	23	54
Большіе размѣры (выше 321)	5	4	9

калмыковъ и уступаютъ только сойотамъ. Дуга эта можетъ быть названа у теленгетъ среднею, въ то время какъ у калмыковъ она почти исключительно малая. Напротивъ, вертикальная дуга (отъ корня носа до затыл. отверстія) абсолютно короче (муж. — 358,5, жен. — 351,1, общ.—354,8), чѣмъ у монголовъ, что надо ставить въ связь съ уменьшеніемъ продольнаго діаметра; соотношенія отдѣльныхъ частей ея показываютъ, на счетъ какой именно части произошло это укороченіе (лобная

Вертикальная дуга.

	Муж.	Жен.	Всѣхъ.
Малые размѣры (до 350)	9	21	30
Средніе (351—370).	27	18	45
Больтіе (выше 370)	6	2	8

часть—125,6 mm. или 35,39%, теменная—118,5 или 33,39%, затылочная—110,6 или 30,87%). Оказывается, что затылочная часть вертикальной дуги и абсолютно, и относительно менѣе соотвѣтствующей для монголовъ; наоборотъ, лобная абсолютно одинаковыхъ размѣровъ у обоихъ племенъ и лишь относительно болѣе, вслѣдствіе меньшей длины всей дуги,— фактъ, который можетъ служить иллюстраціей ранѣе высказаннаго предположенія, что короткоголовость теленгетъ произошла именно на счетъ сплющиванія затылка.

Лобный указатель характеризуется меньшими относительными размѣрами, чѣмъ у монголовъ (муж.—79,1, жен.—79,8, общ.—79,4); это произошло отъ значительнаго развитія наиб. лобнаго, что въ свою очередь, несомнѣнно, зависитъ отъ большаго развитія черепа въ ширину. Такимъ

Лобный указатель.

	Муж.	Жен.	Всѣхъ.
Микроземы (до 83,00)	31	36	67 (80,7%)
Мезоземы (83,01—87,00)	7	4	11 (13,2%)
Мезаземы (87,01 и выше)	3	2	5 (6,1%)

образомъ, лобъ кажется суженнымъ въ области наим. лобнаго діаметра и круто потомъ расширяющимся до наиб. лобнаго. Наконецъ, глазничный указатель не отличается отъ такого же для монголовъ и характеризуется преобладаніемъ мегаземовъ надъ остальными; то же замѣчается и у сойтовъ, и киргизовъ.

Сравнивая черепа теленгетъ съ калмыцкими, я отмѣчалъ все то, что есть въ нихъ общаго и въ чемъ, наоборотъ, можно усмотрѣть несходство. Теленгетъ и до сихъ поръ зовутъ калмыками, несмотря на ихъ тюркскій языкъ, носящій признаки древняго происхожденія. Какова же могла быть причина возникновенія этого совершенно страннаго, съ точки зрѣнія лингвистики, названія? Мнѣ кажется, что отвѣтъ можетъ быть только одинъ—внѣшность теленгета, его физическій типъ напоминалъ первому насельнику Алтая калмыковъ, которыхъ онъ раньше, можетъ быть, имѣлъ случай видѣть. Дѣйствительно ли эта внѣшность такова, что алтайцы могутъ считаться заслужившими свою кличку, ставшую источникомъ столькихъ административныхъ ошибокъ и горькихъ недоразумѣній? Въ своемъ предварительномъ отчетѣ о поѣздкѣ на Алтай («Землевѣдѣніе», 1898 г.), описывая теленгета такимъ, какимъ онъ представляется при поверхностномъ осмотрѣ, я высказалъ ту мысль, что т. наз. монголовидный типъ, выражающійся въ темноволосости, темноглазости, широкихъ скулахъ и косо поставленныхъ наружныхъ углахъ глазъ, превалируетъ среди нихъ надъ всѣми другими; значительно рѣже, вѣрнѣе очень рѣдко, встрѣчается, въ особенности на Чулышманѣ, другой типъ, не имѣющій въ себѣ ничего монгольскаго. Фактъ этотъ до извѣстной степени можетъ служить объясненіемъ названія «калмыкъ», потому что типы, рѣже встрѣчающіеся, для простого наблюдателя пропадаютъ въ общей массѣ основного элемента. Естественно, что, представляя результаты своего краніологическаго изслѣдованія, я обратилъ особенное вниманіе именно на тѣ черты, которыя общи черепу теленгета и калмыка. Оглядываясь теперь на все изложенное о строеніи черепа той и другой народности, я вижу только одну существенную разницу между ними, отъ которой всецѣло зависятъ и другія менѣе важныя несходства. Это—болѣе высокая короткоголовость теленгетъ, раздѣляемая ими съ большинствомъ другихъ тюрокъ, въ особенности менѣе подвергнувшихся вліянію иранскаго или финскаго элемента. Затылокъ ихъ уплощенъ,

какъ бы срѣзанъ въ вертикальной плоскости; продольный діаметръ черезъ это укороченъ, а широтный, наоборотъ, достигаетъ большаго развитія. Послѣднее обстоятельство влечетъ за собой абсолютное увеличеніе всѣхъ поперечныхъ размѣровъ черепа, т.-е. поперечной дуги и хорды, соединяющей концы ея (ушного діаметра), наибольшаго лобнаго и всѣхъ широтныхъ діаметровъ лица, какъ-то: внѣшняго и внутренняго глазничныхъ, наиб. лицевого и скулового; укороченіе длины черепа на счетъ уменьшенія затылка отзывается на уменьшеніи вертикальной дуги и въ особенности затылочной части, которая абсолютно и относительно очень мала. Надо помнить, что расширеніе черепа въ лицевой его нормѣ не отзывается на измѣненіи пропорцій лица (онѣ остаются совершенно такими же, какъ и у типичнаго калмыка); результатомъ его является только относительно меньшій лобный показатель вслѣдствіе значительнаго расширенія наибольшаго лобнаго. Если прибавить къ этому, что и носовой и глазничный указатели выказываютъ значительное сходство съ калмыцкими, то я, думаю, имѣю право заключить, что черепъ теленгета, въ особенности улаганца, какъ болѣе типичнаго представителя племени, имѣетъ всѣ черты калмыцкаго плюсъ бо̀льшая короткоголовость. Если судить по черепу, въ особенности по строенію костнаго лица, и прибавить внѣшніе описательные признаки, какъ цвѣтъ волосъ, глазъ, форму носа, строеніе глазной щели, ростъ и т. д., то станетъ понятнымъ, почему наши теленгеты заслужили столь характерное и столь этнографически и лингвистически невѣрное прозвище. Оно объясняется недостаткомъ этнографическихъ свѣдѣній, но отнюдь не отсутствіемъ наблюдательности у тѣхъ, кого надо считать виновникомъ этого прозвища.

Совсѣмъ иное, когда дѣло идетъ о довольно распространенномъ мнѣніи, что алтайскіе калмыки представляютъ отуреченныхъ въ сравнительно недавнее, выражаясь антропологически, время монголовъ-калмыковъ. Здѣсь краніологія или должна умолчать, какъ не располагающая достаточнымъ матеріаломъ, или скорѣе высказаться отрицательно. Въ самомъ дѣлѣ, монголовидность не представляетъ отличительнаго признака однихъ только говорящихъ на монгольскомъ языкѣ племенъ; это — характерный признакъ цѣлой азіатской расы, къ которой, съ извѣстными оговорками, конечно, мы должны отнести и тюрокъ. Монголовидность нѣкоторыхъ тюркскихъ племенъ есть такое же коренное, прирожденное ихъ свойство, какъ и настоящихъ монголовъ; послѣдніе, можетъ быть, только сохранили это свойство въ большей чистотѣ. Если типъ многихъ тюркскихъ народовъ не однообразенъ и носитъ характеръ значительнаго смѣшенія изъ разнородныхъ элементовъ, то почти всегда среди нихъ, если не господствуетъ, то, по крайней мѣрѣ, часто встрѣчается и элементъ монголовидный, въ особенности въ молодомъ возрастѣ, какъ это было подмѣчено у киргизъ. Причина этого лежитъ несомнѣнно въ доисторическомъ прошломъ монголо-тюрокъ, въ ихъ близ-

комъ родствѣ. Вотъ почему, я думаю, мы не имѣемъ права видѣть въ алтайцахъ отуреченныхъ монголо-калмыковъ только на томъ основаніи, что то и другое племя имѣетъ антропологически много общаго. Но кромѣ этого, такъ сказать, отрицательнаго доказательства есть еще одно болѣе положительнаго свойства. Я не могу не видѣть указанія на тюркскую кровь теленгетъ въ единственномъ отличительномъ признакѣ ихъ черепа—въ ихъ значительной короткоголовости. Мы уже видѣли, что для большинства тюрокъ можно считать этотъ признакъ характернымъ, что всѣ колебанія его въ сторону уменьшенія легко могутъ быть объяснены

Рис. 5. Телесъ.

вліяніемъ чуждой иранской (средиземноморской для крымскихъ татаръ) или финской крови (для башкиръ, черневыхъ татаръ и др). Этотъ признакъ развитъ у теленгетъ столь же характерно, какъ и у киргизъ, сойотъ и многихъ другихъ тюрокъ; среди монголовъ же столь высокая брахицефалія встрѣчается только у селенгинскихъ бурятъ Шендриковскаго; но послѣдніе столь одиноко стоятъ среди своихъ же собратьевъ бурятъ-аларцевъ и верхоленцевъ Поротова и Сапожникова, что самъ авторъ считаетъ необходимымъ объяснить это явленіе скрещиваніемъ съ киргизами, безъ всякихъ, впрочемъ, основаній.

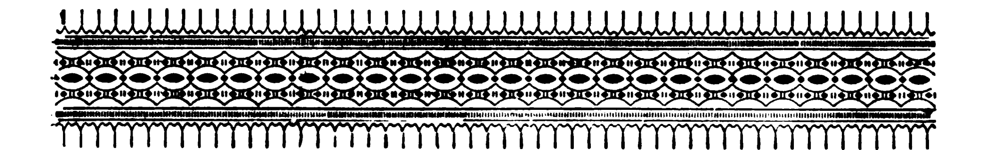
Мнѣ остается сказать еще нѣсколько словъ о видоизмѣненіяхъ и колебаніяхъ въ чистотѣ этого отвлеченнаго монголовиднаго типа, свойственнаго теленгетамъ. При изложеніи особенностей отдѣльныхъ измѣненій я

намекалъ на то, что, кромѣ одного характернаго типа, существуютъ и другіе, несравненно менѣе распространенные. Въ особенности это ясно можно было прослѣдить на чулышманцахъ, у которыхъ во многихъ случаяхъ проглядываетъ двойственность ихъ рядовыхъ срединъ. Всего интереснѣе, что одна изъ нихъ во всѣхъ случаяхъ соотвѣтствуетъ рядовой срединѣ для улаганцевъ, какъ болѣе типичныхъ представителей племени, другая исключительно свойственна чулышманцамъ и въ особенности ихъ сѣверной отрасли—телецкимъ телесамъ. Несомнѣнно, на племенной составъ ихъ болѣе значительно повліялъ какой-то посторонній элементъ, отличный отъ тѣхъ, которые вошли въ составъ всѣхъ вообще теленгетъ, вмѣстѣ взятыхъ. Этотъ элементъ можетъ быть охарактеризованъ несравненно меньшею короткоголовостью, граничащей даже съ средне- и длинноголовостью, высокимъ черепомъ, длиннымъ лицомъ и узкимъ носомъ съ рѣзко выступающей крышеобразностью,—однимъ словомъ, это элементъ не монгольской расы; можетъ быть, съ нимъ же связана и повышенная волосатость лица и тѣла, которую я встрѣчалъ среди нѣкоторыхъ чулышманцевъ, хотя прямыхъ указаній на это я и не имѣю.

Вопросъ, откуда у чулышманцевъ, слѣдовательно, въ области на половину исчезнувшаго и смѣшавшагося съ теленгетами народа телесъ, могъ появиться этотъ чуждый, не азіатскій типъ, можетъ быть разрѣшенъ двояко: во-первыхъ, онъ могъ быть результатомъ весьма древнихъ вліяній, почему-либо отразившихся сильнѣе на телесахъ, чѣмъ на теленгетахъ, во-вторыхъ, вліяній несравненно позднѣйшихъ воздѣйствій сосѣднихъ племенъ, и донынѣ еще живущихъ бокъ-о-бокъ съ теленгетами. И то и другое рѣшеніе не имѣетъ въ себѣ ничего невѣроятнаго. Если мы просмотримъ распредѣленіе головныхъ указателей у различныхъ тюрко-монгольскихъ племенъ, то почти вездѣ натолкнемся на одно и то же явленіе — небольшую примѣсь къ основному короткоголовому типу элемента не короткоголоваго, мезоцефалическаго и субдолихоцефальнаго. Уже одна общность этого явленія указываетъ на какія-то вліянія болѣе древнія, можетъ быть, лежащія въ доисторическомъ прошломъ монголо-тюрокъ. Н. А. Аристовъ считаетъ самыми ранними помѣсями, положившими основныя различія между первоначальными племенами, помѣси съ сѣверо-азіатскою длинноголовою расою или динлинскими народами китайскихъ лѣтописей, затѣмъ съ само ѣдскими и, наконецъ, съ финско-угорскими. Всѣ три вліянія, въ особенности два первыхъ, несомнѣнно, сказались и на алтайцахъ. Относительно воздѣйствія динлиновъ сохранились даже лѣтописныя китайскія извѣстія, что теле, предки нашихъ теленгетъ, прозывались полторы тысячи лѣтъ тому назадъ «гаогюйскими динлинами». Что касается до позднѣйшихъ вліяній, то они могли быть чрезвычайно многообразны. Съ юга къ области теленгетскихъ кочевокъ примыкаютъ монгольскія и киргизскія, съ востока—сойотскія и, наконецъ, съ сѣвера—аулы разныхъ черневыхъ инородцевъ

Алтая. Воздѣйствіе монголовъ, киргизъ, сойотъ, въ особенности послѣднихъ, увеличивая, разумѣется, разнообразіе типа теленгетъ, не могло дать ему чертъ чуждыхъ азіатской расѣ или, вѣрнѣе, могло дать лишь постольку, поскольку въ образованіи каждаго изъ нихъ участвовали посторонкія примѣси. Другое дѣло—вліяніе сѣверныхъ черневыхъ племенъ Алтая, племенъ темнаго происхожденія, не имѣющихъ ничего или очень мало общаго съ южными алтайцами. Мы видѣли, что для нихъ общее правило то, что для нашихъ теленгетъ является лишь исключеніемъ, т.-е. средне- и длинноголовость. Кто же, какъ не они, могли повліять на сѣверныхъ теленгетъ въ сторону уменьшенія ихъ головного указателя, большей примѣси къ нимъ чуждаго типа? Если вѣроятность древнихъ воздѣйствій длинноголовыхъ расъ одинакова для всѣхъ теленгетъ, поскольку они происходятъ отъ одного корня теле, то усиленіе не короткоголоваго элемента въ средѣ сѣверной ихъ отрасли телесъ должно быть всецѣло отнесено на счетъ воздѣйствій позднѣйшихъ.

Е. Луценко.

Этническія отношенія на Памирѣ и въ прилегающихъ странахъ по древнимъ, преимущественно китайскимъ, историческимъ извѣстіямъ.

*(Продолженіе *).*

3) Этническія отношенія въ странахъ, прилегающихъ къ Памиру съ юга.

А. Мнѣнія главныхъ изслѣдователей по этому предмету.

На основаніи трудовъ своихъ предшественниковъ (Кеннингэма, Шау, Дрью и др.) и личнаго изученія языковъ, нравовъ и обычаевъ народностей Хиндукуша, бывшій членомъ посольства Форсайта въ Кашгарію и состоявшій потомъ британскимъ политическимъ агентомъ въ Гилгитѣ маіоръ Биддельфъ предложилъ, преимущественно по лингвистическимъ признакамъ, раздѣленіе народностей Хиндукуша на четыре группы: 1) иранскую, именуемую сосѣдями галча и состоящую изъ осѣдлаго населенія Сарыкола, Вахана, Шугнана, Мунджана, Санглича, Ишкашима и сѣверной части долины Лудхо (бассейна р. Камы или Читральской); къ этой же группѣ полагалъ онъ принадлежащимъ горское населеніе Дарваза, Каратегина и Хиссара; 2) индо-арійскую, состоящую изъ шиновъ и разныхъ другихъ мелкихъ племенъ или кастъ, языки которыхъ происходятъ отъ санскритскаго и которыя заселяютъ долину Инда отъ Бунджи до Горбенда, а также нижнія части долинъ бассейна Гилгитской рѣки; 3) промежуточную между двумя первыми группу изъ заселяющаго Читралъ племени хо и изъ занимающихъ Кафиристанъ племенъ сіяхъ-пушей; 4) не-арійскую группу, представляемую іешкунами (Ueshkuns) или буришами («Народы, насел. Гиндукушъ», стр. 209—211). Вообще іешкуны обитаютъ въ тѣхъ же мѣстностяхъ и обществахъ, какъ и шины, но преобладаютъ надъ шинами по численности въ наиболѣе труднодоступныхъ верхнихъ долинахъ Гилгит-

---

[1]) См. „Рус. Антр. Журн.“, 1901 г., кн. VII—VIII.

скаго бассейна. Такъ, въ Хунзѣ шины составляютъ лишь 5% общей цифры населенія, не считая кашмирцевъ и другихъ недавнихъ переселенцевъ, а іешкуны 80%, въ Нагерѣ 20% и 60%, въ долинѣ Сай 30% и 65%, въ Гилгитѣ 35% и 55%; въ большей части общинъ по Инду шины преобладаютъ, но зато въ Яссинѣ ихъ совсѣмъ нѣтъ (стр. 45). Шины женятся на дочеряхъ іешкуновъ, но не даютъ за нихъ своихъ; опредѣленнаго типа они не представляютъ, но Биддельфу кажутся характернымъ типомъ расы шиновъ «небольшіе, худощавые люди, съ тонкими и рѣзкими чертами лица, выдающимися носами и узкими подбородками»; малорослость этого типа онъ объясняетъ, какъ «продуктъ длиннаго періода заключенія браковъ въ ограниченныхъ предѣлахъ опредѣленныхъ кастъ» (стр. 48). Наиболѣе рѣзкая отличительная черта шиновъ есть отвращеніе ихъ къ коровѣ; хотя мусульмане, они не ѣдятъ скотскаго мяса, не пьютъ коровьяго молока и т. д. (стр. 49). Тогда какъ нарѣчія языка шиновъ мало отличаются другъ отъ друга и отъ языковъ пенджабскаго и индустани, языкъ іешкуновъ «вполнѣ самостоятеленъ и не похожъ ни на одинъ изъ дардскихъ языковъ» (стр. 207). «Основѣ этого языка приписывалось туранское происхожденіе [1]), но, насколько я въ состояніи судить, очень мало или нѣтъ основаній зачислять его въ число языковъ тюркскихъ [2]), и въ немъ есть формы, которыя встрѣчаются только у самыхъ первобытныхъ расъ. Кромѣ того, въ какой-то періодъ, онъ сдѣлалъ широкія позаимствованія изъ какого-то арійскаго языка, принявъ изъ него многія грамматическія формы» (The tribes of Hindoo-Koosh, p. 156). Въ Хунзѣ и Нагерѣ, обладающихъ болѣе холоднымъ климатомъ, буриши имѣютъ бѣлый цвѣтъ кожи; блондины и даже рыжеволосые субъекты не рѣдкость. Буриши Нагера нѣсколько отличаются по типу; многіе изъ нихъ небольшого роста, плотные, съ выдающимися скулами, грубыми чертами лица и рѣдкими бородами. Эти признаки, вмѣстѣ съ невоинственнымъ характеромъ, указываютъ, вѣроятно, на прибавку татарской (тибетской) крови изъ Скардо, происшедшую, вѣроятно, во время подчиненія Нагера Макпонамъ, правителямъ Скардо. Если буриши первоначально и принадлежали туранской расѣ, то они должны были нѣкогда получить настолько значительную прибавку арійской крови, что она поглотила почти вполнѣ всѣ ихъ первобытные признаки («Народы, насел. Гинду-к.», стр. 50 и 51). Придерживаясь гипотезы о прародинѣ арійцевъ въ верховьяхъ Окса, Биддельфъ думалъ, что племена первой изъ установленныхъ имъ группъ (галча) суть потомки оставшихся въ вершинахъ Аму-дарьи арійцевъ, племена же второй и третьей группъ принадлежатъ къ тѣмъ арійцамъ, ко-

---

[1]) The foundation of this language has been identified as of Turanian origin.

[2]) Въ другомъ мѣстѣ Биддельфъ писалъ: It has, I believe, been pronouncedon good autority to belong to the Turanian family of languages (p. 38).

торые въ глубокой древности двинулись изъ общей прародины на югъ; изъ нихъ племена хо и сіяхъ-пушей, по переходѣ черезъ Хиндукушъ и вытѣсненіи или уничтоженіи аборигеновъ, заняли горы по южнымъ склонамъ Хиндукуша, племена же шиновъ спустились еще ниже, къ долинамъ Пенджаба. Буриши или іешкуны, по мнѣнію Биддельфа, вѣроятно, суть малые юечжи, завоевавшіе Гандару въ началѣ V в. и имѣвшіе столицею Пишаверъ, «Пурушу»; въ «іешкунъ», можетъ быть, сохранилось имя «юечжи», «буришъ» же соотвѣтствуетъ имени столицы; повидимому, поглотивъ арійскія племена (сіяхъ-пушей), занимавшія страну, они пріобрѣли примѣсь арійской крови, достаточную для измѣненія ихъ типа; къ нимъ, безъ сомнѣнія, относятся вышеприведенныя извѣстія Аль-Бируни о бхотіяхъ, дайанахъ и бхотіавари. Слѣдующими послѣ юечжей-іешкуновъ завоевателями явились,—съ началомъ мусульманскихъ завоеваній въ Индіи или, вѣрнѣе, еще ранѣе,—шины, которые распространились до Ладака, водворяясь въ плодороднѣйшихъ съ наименѣе суровымъ климатомъ мѣстахъ и вытѣсняя іешкуновъ въ болѣе холодные и гористые участки: если бы шины прибыли въ качествѣ переселенцевъ, а не завоевателей, то едва ли бы они успѣли сдѣлать свой языкъ господствующимъ и занять положеніе высшаго класса среди народа, превосходящаго ихъ числомъ (стр. 211—214) [1]. Засимъ важныя этническія измѣненія произведены были движеніемъ тибетцевъ внизъ по Инду, съ утвержденіемъ тибетскаго языка въ населеніи Балтистана: «въ то время здѣсь, безъ сомнѣнія, было смѣшанное населеніе изъ шиновъ и іешкуновъ; эти послѣдніе, при отсутствіи кастовыхъ ограниченій, были, конечно, первые поглощены скрещиваніемъ съ побѣдителями» (стр. 217).

Значительнѣйшую часть приведенныхъ мнѣній Биддельфа я, съ нѣкоторыми измѣненіями и поправками, признаю правильными, какъ изложено будетъ ниже. Здѣсь же я остановлюсь лишь на гипотезѣ его о происхожденіи іешкуновъ отъ юечжей, которую считаю лишенною всякихъ дѣйствительныхъ основаній. Происхожденіе (какъ во многомъ и исторія) юечжей до сихъ поръ удовлетворительно не выяснено. Одни считаютъ ихъ арійцами (гетами, готами и т. д.), другіе—тибетцами, третьи—тюрками. Но котораго бы изъ этихъ мнѣній ни держаться, признанію іешкуновъ за потомковъ юечжей препятствуетъ языкъ іешкуновъ, отнюдь не арійскій, не тибетскій и не тюркскій. Я не могу войти здѣсь въ разсмотрѣніе и оцѣнку единственнаго историческаго извѣстія о завладѣніи юечжійцами около V стол. по Р. Х. землями на югѣ Хиндукуша съ образованіемъ владѣнія Мал. Юечжи, имѣвшаго столицею г. Фулэуша (вѣроятно, Пурушапура, нынѣш-

[1]) W. M. Conway (Climbing and exploration in Karakoram-Himalayas, London, 1894, p. 242) слышалъ въ Нагерѣ отъ мѣстныхъ жителей, что шины находились ужъ въ ихъ странѣ, когда пришли іешкуны изъ Вахана. Но это весьма мало вѣроятно.

ній Пишаверъ), такъ какъ на это потребовалось бы слишкомъ много мѣста (означенное извѣстіе находится въ «Вэй-шу», откуда заимствовано въ «Бэй-шы» и переведено Бичуринымъ на стр. 175 и 172 «Собранія свѣдѣній» и пр., ч. 3). Достаточно указать на то, что предположеніе о томъ, что юечжи, «вѣроятно», «занимали Шигарскую долину, всѣ притоки Инда и долину самой рѣки внизъ до Джалкота», рѣшительно не имѣетъ никакихъ историческихъ основаній и само по себѣ невѣроятно: упомянутое китайское извѣстіе представляетъ юечжей кочевниками-скотоводами, между тѣмъ исчисленныя мѣстности совершенно непригодны для обитанія кочевниковъ-скотоводовъ, а потому трудно допустить, чтобы юечжи въ такихъ мѣстахъ дѣйствительно водворились. Затѣмъ въ именахъ юечжи и іешкунъ нѣтъ ничего сходнаго, происхожденіе же имени буришъ отъ Пурушапура мало вѣроятно.

Къ довольно сходнымъ съ Биддельфомъ заключеніямъ, въ лингвистическомъ отношеніи, пришелъ и проф. Томашекъ въ изданномъ въ томъ же, какъ и книга Биддельфа, 1880 г. трудѣ «Die Pamir-Dialekte» (Centralasiat. Studien, II, Wien, 1880), который, по мнѣнію акад. К. Г. Залемана, «несмотря на излишнюю смѣлость и отчасти неудачность этимологическихъ сопоставленій, еще нынѣ слѣдуетъ признавать за самый полный сводъ нашихъ свѣдѣній въ этой отрасли иранской филологіи» («Восточ. замѣтки», Спб., 1895 г., стр. 271). Изъ памирскихъ, или точнѣе изъ при-памирскихъ, діалектовъ Томашекъ считаетъ мунджанскій ближайшимъ къ языку Авесты, къ бактрійскому, діалектъ сангличи—примыкающимъ къ нему; діалекты ваханскій и близкій къ нему ишкашимскій признаетъ онъ за иранскіе діалекты, значительно отличающіеся отъ новоперсидскаго; діалекты сарыкольскій и шигнанскій являются родственными иранскими нарѣчіями, относящимися другъ къ другу, какъ восточныя и западныя нарѣчія авганскаго языка, съ которымъ они имѣютъ нѣкоторую связь (стр. 6—10). Языкъ населенія Читрала Томашекъ признаетъ за очень оригинальный и древній пракритскій языкъ, отъ котораго башгали, діалектъ ближайшихъ къ Читралу кафировъ, составляетъ переходную ступень къ грубымъ западнымъ кафирскимъ нарѣчіямъ (161—164). Шины, по мнѣнію Томашека, попали въ мѣста, нынѣ ими обитаемыя, съ юга по Инду или вдоль границъ Кашмира, и связи ихъ съ индусами Пенджаба никогда не прекращались (167—168). На іешкуновъ или бурищей проф. Томашекъ, излагая въ другомъ замѣчательномъ трудѣ гипотезы свои о древнѣйшихъ размѣщеніяхъ и переселеніяхъ народовъ Сред. Азіи, высказалъ слѣдующій взглядъ: Хиндукушъ, Памирское плато и западная часть Таримской котловины были первоначально обитаемы аборигенами, занимавшими по географическому положенію, по языку и по типу средину между кавказскими и мазендеранскими горными народами, съ одной стороны, и тибетоидными народами Хималая, съ другой; при переселеніи арійцевъ изъ Европы эти аборигены

были поглощены или уцѣлѣли лишь на окраинахъ небольшими частями: нынѣшніе буриши составляютъ единственный остатокъ этого до-арійскаго населенія (Kritik der ältesten Nachrichten über den Skythyschen Norden, I, въ Sitzungberichte der Wien. Akad. der Wissensch., Philos.-histor. Cl., B. CXVI, 1888, S. 776).

Произведя въ 1881 г. въ Симлѣ, Сринагарѣ и въ нѣсколькихъ пунктахъ Балтистана антропологическія измѣренія нѣкоторыхъ народностей, Уйфальви опредѣлилъ средній головной указатель балти въ 72,85, дардовъ въ 73,62 и ладакцевъ въ 77,00 и пришелъ къ заключенію, что балти— отнюдь не тибетская раса, а арійская, находящаяся вмѣстѣ съ тѣмъ въ тѣсномъ антропологическомъ родствѣ съ буришами (Aus dem Westlichen Himalaja, von K. E. von Ujfalvy, Leipzig, 1884, S.S. 244, 245, 250, 252). Въ позднѣйшемъ своемъ сочиненіи «Les Aryens au nord et au sud de l'Hindou-couch» (Paris, 1896), сдѣлавшись послѣдователемъ антропологическихъ теорій Ваше-де-Ляпужа, Уйфальви утверждаетъ, что племена хо (читральцы), сіяхъ-шуши, шины, іешкуны и балти представляютъ собою одинъ и тотъ же типъ индуса Хиндукуша, которому присвоиваетъ именованіе H. Himalayensis и который является результатомъ смѣшенія «H. Europaeus, нѣкоторыхъ элементовъ H. Arabicus (можетъ быть, также одного изъ гомологовъ H. Mediterranensis) и смуглыхъ аборигеновъ Запад. Хималаевъ»; ладакцы же принадлежатъ къ долихоцефаламъ одной разновидности H. Asiaticus (p. 50) [1]. Эти утвержденія Уйфальви весьма мало и слабо имъ съ антропологической стороны обоснованы, отчасти по недостаточности антропологическихъ измѣреній, которыя онъ произвелъ, отчасти же по неудовлетворительности обработки и пользованія собранными имъ антропологическими данными. Со стороны исторической, хотя для объясненія появленія въ Хиндукушѣ H. Europaeus онъ кстати перешелъ изъ приверженцевъ гипотезы о прародинѣ арійцевъ на верховьяхъ Окса въ ряды послѣдователей теоріи прародины арійцевъ въ Европѣ, но выясненія—какимъ образомъ попалъ въ Хиндукушъ H. Arabicus, совсѣмъ не далъ, а о смуглыхъ аборигенахъ Зап. Хималаевъ не могъ сообщить ни историческихъ, ни антропологическихъ данныхъ. Въ виду всего этого, а также и того обстоятельства, что теоріи и расовая систематика Ваше-де-Ляпужа, не лишенныя въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ интереса, не имѣютъ достаточныхъ фактическихъ основаній, односторонни и во многомъ произвольны, а потому не приняты авторитетными антропологами, я считаю излишнимъ входить въ обсужденіе приведенныхъ мнѣній Уйфальви, тѣмъ

[1]) Уйфальви цитировалъ слѣдующія опредѣленія Ляпужа признаковъ упомянутыхъ расъ: H. Europaeus—высокорослый (около 170 сант.) и долихоцефальный блондинъ, съ головнымъ указателемъ отъ 72 до 78, съ голубыми глазами (p. 453); H. Mediterranensis (или Arabicus)—длинноголовый, довольно малаго роста, au nez busqué ou brisé, брюнетъ (p. 487); H. Asiaticus—долихоцефалъ, съ желтой окраской кожи, черными глазами и волосами и пр. (p. 483).

более, что это заняло бы, безъ необходимости, слишкомъ много времени и мѣста. Остановлюсь лишь на гипотезѣ его о происхожденіи балти. Средній ростъ балти опредѣленъ Уйфальви въ 1582 мм. и потому значительнѣе отличаетъ ихъ отъ дардовъ съ среднимъ ростомъ въ 1687 мм., чѣмъ отъ ладакцевъ съ ростомъ въ 1630 мм. Для устраненія этого затрудненія Уйфальви прибѣгъ къ гипотезѣ о происхожденіи балтіевъ отъ арійцевъ-саковъ, занимавшихъ, будто бы, до II в. до Р. Х. Кашгарію и затѣмъ частью вытѣсненныхъ изъ нея юечжійцами; оставшіеся въ Кашгаріи саки слились въ ней впослѣдствіи съ уйгурами, изъ вытѣсненныхъ же часть утвердилась въ Сарыколѣ и Шигнанѣ, другая же часть перешла черезъ перевалъ Каракорумъ, свободный во всякое время года отъ снѣговъ и льдовъ, вторглась въ сѣв.-западную Индію и основала здѣсь въ I в. до Р. Х. царство саковъ; отъ этихъ-то саковъ, смѣшавшихся съ аборигенами, а также съ тибетцами и дардами, и происходятъ балти (p.p. 63, 64, 327), получившіе свою малорослость отъ саковъ, которыхъ Уйфальви надѣляетъ низкимъ ростомъ лишь на томъ основаніи, что такой ростъ «нисколько неудивителенъ для народа наѣздниковъ» (p. 426). Водвореніе саковъ въ Балтистанѣ и происхожденіе отъ нихъ балтіевъ суть собственныя догадки Уйфальви, относительно же обитанія саковъ въ Вост. Туркестанѣ и ихъ иранства онъ ссылается на свидѣтельство китайскихъ лѣтописцевъ о длинныхъ лошадиныхъ лицахъ съ глубоко лежащими въ ихъ орбитахъ глазами и на авторитетъ А. Н. Куропаткина и проф. Томашека (p. 63). «Длинныя лица наподобіе лошадиной морды» пущены въ оборотъ Риттеромъ «отъ себя», какъ выяснено В. В. Григорьевымъ («Вост. или Кит. Туркестанъ», вып. I, 1869 г., стр. 60 и 348), потому что ни въ китайскомъ подлинникѣ, ни въ переводѣ Аб. Ремюза, которымъ пользовался Риттеръ, ничего такого нѣтъ. Въ «Вэй-шу» (откуда повторено въ «Бэй-шы», перев. Бичурина въ «Собр. свѣдѣній» и пр., ч. 3, стр. 145) говорится только: «Отъ Гао-чанъ», т.-е. отъ нынѣшняго Турфана, «на западъ жители всѣхъ владѣній имѣютъ впалые глаза, высокій носъ; только въ Хотанѣ обликомъ не походятъ на Туркистанцевъ» (въ подлинникѣ должно быть «ху», т.-е. западныхъ варваровъ), «а болѣе походятъ на китайцевъ». Это извѣстіе принадлежитъ V вѣку послѣ Р. Х., но если и допустить, что населеніе В. Туркестана было и семь вѣковъ ранѣе то же самое, т.-е. имѣло типъ, близкій къ иранскому, то все-таки надо доказать, что оно не состояло изъ перешедшихъ въ Таримскую котловину иранцевъ сосѣднихъ Согдіаны и Бактріаны,—какъ полагать вполнѣ естественно, ибо китайскія извѣстія представляютъ населеніе Таримской котловины осѣдлымъ, живущимъ въ городахъ и селеніяхъ и т. д.,—и что оно, напротивъ, состояло изъ саковъ, которые и классическимъ писателямъ, и китайцамъ извѣстны лишь какъ кочевники. Уйфальви и самъ признаетъ саковъ народомъ наѣздниковъ, т.-е. кочевниками, дабы приписать имъ малый ростъ

и тѣмъ объяснить низкорослость балтіевъ, ихъ, будто бы, потомковъ, забывая, что многіе изъ кочевниковъ, изъ народовъ - наѣздниковъ или всадниковъ, имѣютъ ростъ выше средняго и даже высокій, каковы, напр., оказались, по увѣренію Уйфальви, на основаніи имъ самимъ произведенныхъ измѣреній, кара-киргизы съ среднимъ ростомъ въ 1707 мм. (Les Aryens, p. 419) [1]). А. Н. Куропаткинъ, дѣйствительно, называлъ саковъ «обитателями В. Туркестана» («Кашгарія. Ист.-географ. очеркъ страны, ея военныя силы, промышленность и торговля», Спб., 1879 г., стр. 75), но дѣлалъ это на тѣхъ страницахъ вступленія къ историческому очерку Кашгаріи, о которыхъ справедливо предупреждалъ, что не можетъ «имъ придавать серьезнаго научнаго значенія» (стр. 74). О взглядахъ проф. Томашека на саковъ я буду имѣть случай говорить въ продолженіе настоящаго изслѣдованія.

Въ своемъ недавнемъ весьма цѣнномъ трудѣ «Les races et les peuples de la terre» (Paris, 1900, p.p. 477—478) Деникеръ признаетъ кафировъ или сіяхпушей и дардовъ имѣющими, по типу и языку, связи съ народами индо-арійскими. Шины, изъ которыхъ состоитъ большинство дардовъ, отличаются, по его мнѣнію, своимъ малымъ ростомъ и темной окраской и напоминаютъ индусовъ провинцій сѣв.-запада, тогда какъ іешкуны говорятъ на языкѣ, который, по Биддельфу, имѣетъ сродство съ тюркскими языками (?!), а по Лейтнеру (The Hunza and Nagar Handbook, London, 1893) есть языкъ не-арійскій, агглютинативный, представляющій аналогіи съ дравидскими нарѣчіями. 44 іешкуна и шина, измѣренные Уйфальви, имѣли ростъ ниже средняго (1 м. 61 с.), долихоцефалы (75,8), съ довольно темной кожей, съ черными, волнистыми волосами и тонкимъ носомъ, тогда какъ «тюрки-дарды» изъ Хунзы-Нагара и Яссина, измѣренные Рислеемъ (ниже указана въ числѣ источниковъ книга Tribes and castes of Bengal, by Risley, Calcutta, 1891) и Капю (Capus, рукописныя замѣтки), дали ростъ выше средняго (1 м. 69 с.) и головной указатель почти мезоцефальный (77); они приближаются, слѣдовательно, къ 6 читрали, измѣреннымъ Рислеемъ, у которыхъ ростъ опредѣленъ въ 1 м. 67 с. и головной указатель въ 76,9. Балти, какъ и пахпулуки на другой сторонѣ Каракорума, «суть продукты скрещиванія расъ индо-арійской и тюр-

[1]) Въ 1878 г. Уйфальви приписывалъ кара-киргизамъ, на основаніи измѣреній 26 ч., ростъ „средній"; въ 1880 г. онъ опредѣлилъ ихъ ростъ въ 1705 мм. (см. статью мою объ этническомъ составѣ киргизъ - казаковъ Большой орды и кара-киргизовъ въ „Живой Старинѣ", 1894 г., книжки 3 и 4, стр. 471). Въ 1896 г., все на основаніи тѣхъ же измѣреній, ростъ кара-киргизовъ показывается уже въ 1707 мм. Положимъ, Уйфальви измѣрилъ подъ именемъ кара-киргизовъ субъектовъ, къ этому племени въ большинствѣ не принадлежащихъ (какъ выяснено мною въ упомянутой статьѣ), но все же это были кочевники (большею частію племени кипчакъ, Средней орды), народъ наѣздниковъ.

ской [1]). Напротивъ, въ странѣ Химадаевъ, непальцы» и пр. «произошли отъ смѣшенія расъ индо-авганской [2]) и монгольской» (тибетской). Въ приложеніяхъ въ книгѣ Деникера, гдѣ собраны цифровыя данныя о результатахъ антропологическихъ измѣреній, средній ростъ 45 дардовъ (Ghouraiz, Hunza, Ghilgit) показанъ въ 1611 мм., 83 балти въ 1612 (р. 660); головной указатель 103 балти—73,6, 45 дардовъ 75,6, 12 ладакцевъ 77,0, 17 жителей Нагера, Хунзы и Яссина 77,0 (р. 669); носовой указатель 20 кашмирскихъ (?) балти, по Уйфальви, 71,4 (р. 685). Источники приведенныхъ въ приложеніяхъ цифръ вообще не указаны (кромѣ относящихся къ носовому указателю), но такъ какъ въ текстѣ (р. 478) была упомянута книга Уйфальви «Aus dem Westlichen Himalaja», къ которой приложены три таблицы антропологическихъ измѣреній: а) 36 ладакцевъ, б) 45 дардовъ и в) 83 балти, а въ Bull. de la Soc. d'Anthrop. de Paris, 1882, помѣщены были, во-1-хъ, докладъ Деникера отъ лица коммиссіи, разсматривавшей часть предварительно посланныхъ Уйфальви листковъ антропологическихъ измѣреній, произведенныхъ въ Симлѣ, въ каковомъ докладѣ коммиссія опредѣлила (р. 75) ростъ 12 ладакцевъ въ 162 с. при головномъ указателѣ въ 76,9 (значитъ, почти въ 77), и во-2-хъ, сообщеніе Уйфальви о путешествіи въ Зап. Хималаи, гдѣ, между прочимъ, приведенъ головной указатель 103 балти въ 72,85, 45 дарду (Gouraiz) 73,62 (р. 219), то происхожденіе у Деникера цифръ 45 дардовъ, 83 и 103 балти и 12 ладакцевъ для насъ выясняется. Сверхъ того, необходимо обратить вниманіе на слѣдующія обстоятельства: 1) нѣкоторыя среднія цифры роста и головного указателя Деникера не сходятся съ со-

---

[1]) Эти предположенія Деникера о происхожденіи балти и пахпулыковъ ни на чемъ не основаны и не могутъ быть признаны правильными. О пахпулыкахъ я буду имѣть случай говорить въ заключительной главѣ настоящаго изслѣдованія. О балти же достаточно пока сказать, что никакихъ данныхъ въ подтвержденіе обитанія въ Балтистанѣ тюрковъ не имѣется, за исключеніемъ вышеприведеннаго и разсмотрѣннаго сказанія Аль-Бируни, который считалъ тибетцевъ тюрками.

[2]) Въ столь огромномъ трудѣ, какъ тотъ, который выполненъ Деникеромъ, нѣкоторыя ошибки, конечно, неизбѣжны. Одною изъ такихъ ошибокъ считаю я „индо-авганскую расу". Было время, когда, по недостаточности изученія авганскаго языка, многіе ученые причисляли его къ нарѣчіямъ индійскимъ. Въ настоящее время признано, что авганскій языкъ принадлежитъ къ иранской группѣ. Только по недостаточности изученія исторіи авганскаго народа и по крайне пока ничтожному количеству антропометрическихъ и вообще антропологическихъ изслѣдованій авганскихъ племенъ возможно соединеніе авгановъ въ одну расу съ индо-арійцами. Въ продолженіе тысячелѣтій сосѣдства и совмѣстной жизни съ индо-арійцами восточныя авганскія племена не могли не получить значительной примѣси индійской крови, но примѣсь эта не мѣшаетъ имъ все же оставаться иранцами, какъ и западнымъ авганскимъ племенамъ, которыя также имѣли метисаціи съ различными чуждыми народами. Я имѣлъ случай разсматривать вопросъ о происхожденіи авгановъ и ихъ племенъ въ изслѣдованіи „Англо-индійскій Кавказъ", помѣщенномъ въ „Живой Старинѣ" 1899 и 1900 гг. Приводя въ главѣ II этого изслѣдованія антропометрическія данныя, я упустилъ упомянуть объ измѣреніяхъ Уйфальви, по которымъ у 18 авгановъ-хайберовъ (т.-е. обитающихъ въ ущельи Хайберъ, племя же не указано) средній головной указатель опредѣленъ въ 74,81 (Les Aryens etc., 1896, p. 387).

отвѣтствующими цифрами Уйфальви, а потому надо выяснить—какія цифры вѣрны. 2) Относительно достаточности компетентности Уйфальви для правильнаго пользованія результатами производимыхъ имъ антропологическихъ измѣреній въ средѣ парижскаго антропологическаго Общества существуютъ, повидимому, нѣкоторыя сомнѣнія, такъ какъ въ засѣданіи 16 марта 1882 г., послѣ сообщенія Уйфальви о его путешествіи 1881 г., Топинаръ счелъ нужнымъ просить разъяснить—даны ли имъ средніе головные указатели въ точности сообразно цифрамъ, полученнымъ при измѣреніяхъ субъектовъ, или за убавкою двухъ единицъ, какъ сдѣлано было имъ въ трудахъ о Ферганѣ и Кульджѣ. Уйфальви категорически отвѣтилъ, что данныя имъ цифры указателей получены изъ цифръ измѣреній живыхъ субъектовъ безъ всякихъ убавокъ (Bulletin, 1882, p. 230). Между тѣмъ,—какъ обнаружилось въ Les Aryens etc., p. 387,—тѣ цифры указателей, которыя были помѣщены въ сообщеніи 1882 г., даны были относительно балти и дардовъ за вычетами двухъ или полуторыхъ единицъ [1]). 3) Въ сообщеніи 1882 г. Уйфальви приводилъ средніе головные указатели, какъ результаты измѣреній 103 балти, 45 дардовъ и 36 ладакцевъ (p. 219); между тѣмъ въ Aus dem W. Himalaja объяснилъ, что измѣрилъ всего 100 балти, 50 дарду и 51 ладакца, въ трехъ таблицахъ же, приложенныхъ къ книгѣ, помѣщены измѣренія только 83 балти, 45 дардовъ и 36 ладакцевъ, притомъ отчасти неполныя. Въ виду всего этого обнаруживается необходимость подвергнуть цифры Уйфальви возможно подробному разсмотрѣнію, которое удобнѣе произвести по каждой народности особо, приведя при этомъ и данныя другихъ изслѣдователей, частью еще не упомянутыя, съ оцѣнкою, по возможности, и ихъ.

Б. Разсмотрѣніе имѣющихся антропометрическихъ данныхъ.

а) *Ладакцы.* Въ Ладакѣ Уйфальви не былъ. Изъ таблицы антропологическихъ измѣреній «ладакцевъ», при Aus dem W. Himalaja, въ которой помѣщено 36 лицъ, видно, что въ числѣ измѣренныхъ находились двѣ женщины и что ростъ трехъ мужчинъ (какъ и двухъ женщинъ) измѣ-

---

[1]) Уйфальви объяснилъ относительно убавокъ, что, слѣдуя наставленіямъ Брока, вычитаетъ двѣ единицы у брахицефаловъ и полторы у долихоцефаловъ изъ головного указателя, чтобы получить черепной (céphalique, p. 387). На самомъ же дѣлѣ онъ поступилъ наоборотъ, убавляя у брахицефаловъ полторы единицы и у долихоцефаловъ двѣ; у долихоцефаловъ балти головной указатель показанъ имъ 74,75, за убавкою же 72,75, у дардовъ 75,83 и 73,83, у ладакцевъ 77 и 75, а у брахицефаловъ кара-киргизовъ 85,47 и 83,97, у галча 86,50 и 85,00 и т. д. (Les Aryens etc., p. 387—388). Заслуживаетъ, между прочимъ, вниманія, что въ 1882 г., показавъ за убавками головной указатель балти и дардовъ, Уйфальви оставилъ указатель ладакцевъ безъ убавки, вслѣдствіе чего указатель ладакцевъ представлялся особенно значительно отличающимся отъ указателей балти и дардовъ, данныхъ за вычетомъ двухъ единицъ. Въ именныхъ таблицахъ, приложенныхъ къ Aus dem W. Himalaja, имѣются двѣ графы Breitenindex и Reducirter Breitenindex.

ренъ не былъ; изъ остальныхъ 31 лицъ 14 были измѣрены въ Симлѣ (лѣтней резиденціи британскаго управленія Индіи) и 17 въ Балтистанѣ въ мѣстности Каргиль. Такъ какъ въ числѣ 31 измѣренныхъ было два тибетца (уроженцы Лхасы), то число измѣренныхъ ладакцевъ упадаетъ до 29. Это незначительное количество измѣренныхъ людей не можетъ быть признано несомнѣнно дающимъ вѣрное представленіе объ антропологическихъ признакахъ ладакцевъ, такъ какъ измѣренные въ Каргилѣ принадлежали ближайшимъ отъ него мѣстностямъ, въ числѣ же 14 измѣренныхъ въ Симлѣ могло не быть представителей наиболѣе многолюдныхъ мѣстностей Ладака. Поэтому значеніе измѣреній Уйфальви для характеристики ладакской народности проблематично. При сложеніи значащихся въ таблицѣ цифръ роста 31 измѣренныхъ людей получается итогъ 5055 с., при раздѣленіи котораго на 31 средній ростъ выходитъ 1630 мм.; сумма 36 головныхъ указателей составляетъ 2769,80, такъ что средній указатель равенъ 76,93, т.-е. почти 77, какъ у Уйфальви и Деникера. Однако, остановиться на этой цифрѣ для средняго головного указателя ладакцевъ едва ли было бы правильно по слѣдующимъ причинамъ: о всѣхъ субъектахъ, помѣщенныхъ въ таблицѣ Уйфальви, въ графѣ «народность или племя», сдѣлана отмѣтка Ladaki за исключеніемъ вышеупомянутыхъ, оставленныхъ безъ измѣренія роста, двухъ женщинъ и трехъ мужчинъ, о которыхъ въ помянутой графѣ значится Besser. Такъ какъ Уйфальви нигдѣ не объяснилъ, что это за племя или народецъ, то легко можетъ быть, что эти бессеры суть одно изъ хималайскихъ племенъ, ничего общаго, въ отношеніи народности, съ ладакцами неимѣющее. Осторожнѣе, поэтому, исключить ихъ изъ числа ладакцевъ и также поступить съ вышеупомянутыми двумя уроженцами Лхасы. По исключеніи головныхъ указателей этихъ семи лицъ, составляющихъ сумму 563,40, средній головной указатель 29 несомнѣнныхъ ладакцевъ опредѣлится лишь въ 76,08. Для точнаго опредѣленія средняго роста изъ вышеупомянутыхъ 31 лицъ слѣдуетъ исключить 2-хъ уроженцевъ Лхасы, но и тогда средній ростъ 29 ладакцевъ оказывается 1630 мм.

б) *Балти*. Изъ числа 83 балтіевъ таблицы Уйфальви первые 23 были измѣрены въ Симлѣ, гдѣ (какъ и всѣ почти измѣренные въ Симлѣ) пользовались медицинской помощью, заболѣвъ на производимыхъ въ британскихъ владѣніяхъ дорожныхъ работахъ; изъ нихъ 8 были родомъ изъ Шигара, 5 изъ Скардо, 5 изъ Кармана, 4 изъ Кирееса и 1 изъ Туркуна; общій итогъ роста 21 изъ 23 этихъ балти (у двухъ, значащихся подъ №№ 6 и 7, ростъ не измѣренъ) оказывается 34600 мм., что при дѣленіи на 21 даетъ средній ростъ въ 1647 мм., итогъ же головныхъ указателей равняется 1766,90, т.-е. при раздѣленіи на 23 выясняется головной указатель въ 76,82. Итогъ роста остальныхъ 60 балти,—которые измѣрены въ Скардо, Шигарѣ и Паркута и родомъ изъ этихъ самыхъ мѣстъ или

окрестностей,—составляетъ 95680 мм., а итогъ головныхъ указателей 4451,55; слѣдовательно, средній ростъ 60 балти будетъ 1594 мм., а головной указатель 74,19. Общій итогъ роста всѣхъ 81 балти будетъ 130280 мм. и головныхъ указателей 83 балти 6218,45, такъ что средній ростъ балти выходитъ 1608 мм. и средній головной указатель 74,92. Такъ какъ количество измѣренныхъ балти все-таки не велико, то я полагаю, что различнаго рода уроды не должны быть принимаемы въ разсчетъ при опредѣленіи среднихъ: я имѣю въ виду находящагося въ числѣ группы 60 балти подъ № 75 карлика Курбана, ростъ котораго означенъ въ 112 с. [1]); за исключеніемъ роста этого карлика средній ростъ остальныхъ 80 балти опредѣлится въ 1614,5 мм. вмѣсто 1608 мм. для 81 балти. Низкій ростъ балти и усиленная долихоцефальность ихъ въ нѣкоторой степени зависятъ отъ малаго роста измѣренныхъ въ Паркута, гдѣ средній указатель роста (безъ Курбана) для 19 балти оказывается 1573 мм., при головномъ указателѣ для 20 человѣкъ (съ Курбаномъ) въ 73,46.

Уйфальви въ Bulletin, 1882, p. 219, опредѣлялъ головной указатель 103 балти (хотя въ Aus dem W Himalaja, S. 246, потомъ завѣрялъ, что измѣрилъ «всего» 100 балти) въ 72,85; въ Aus dem W. Himalaja указатель этотъ (Schädelindex), S. 184, данъ 103 балти въ 72,52, а на стр. 250 головной указатель (Breitenindex) балти (безъ указанія числа измѣреній) приводится снова въ 72,85; въ Les Aryens, p. 387, головной указатель 82 балти данъ 74,75, а за убавкою 72,75. О среднемъ ростѣ балти у Уйфальви также встрѣчаются разныя цифры: въ Les Aryens, p. 419, значится 1582, черезъ четыре же страницы, p. 424,—1580. Такъ какъ никакихъ объясненій своихъ разнорѣчій Уйфальви не даетъ и такъ какъ сдѣланные мною выше выводы изъ именныхъ таблицъ произведенныхъ имъ антропологическихъ измѣреній я повѣрялъ нѣсколько разъ, то остается держаться послѣднихъ, разнообразныя же показанія Уйфальви о числѣ измѣренныхъ и о головномъ указателѣ и ростѣ балти считать результатомъ его ариѳметическихъ ошибокъ или иныхъ видовъ недосмотра и неаккуратности.

в) *Шины*. Уйфальви именуетъ шиновъ, вмѣстѣ съ болѣе или менѣе близкими къ нимъ кастами или мелкими племенами (крамипъ, домъ и пр.) и съ іешкунами, *дардами* или *дарду*. Имя дардовъ началъ первый употреблять д-ръ Лейтнеръ, примѣняя его къ шинамъ, читральцамъ, кафирамъ и вообще ко всѣмъ арійскимъ племенамъ, обитающимъ на южныхъ склонахъ Хиндукуша, а также и къ іешкунамъ, и желая возобновить, на тѣхъ же приблизительно мѣстахъ, имя *дарада* Пуранъ, *дард*'овъ Арріана, Dardae Плинія, *дарадр*'овъ на истокахъ Инда Птолемея. По словамъ Бид-

[1]) Утверждая, что наименьшій ростъ у балти 147 с. (Les Aryens, p. 427), Уйфальви, очевидно, упустилъ изъ вида этотъ ростъ Курбана, значащійся въ его таблицѣ.

дельфа, Лейтнеръ «ошибочно принялъ, что всѣ племена, названныя имъ дардами, одной и той же расы, и далъ общее имя Дардистана странѣ, населенной нѣсколькими народами, говорящими на разныхъ языкахъ и весьма существенно другъ отъ друга отличающимися. Но, принимая во вниманіе, что никакое имя не можетъ быть вполнѣ правильно приложено вмѣстѣ ко всей группѣ этихъ народовъ или странъ, нѣтъ причины не сохранить именъ дарды и Дардистанъ для обозначенія совокупности означенныхъ племенъ и населяемыхъ ими странъ» («Народы, насел. Гинду-кушъ», стр. 12). Я, напротивъ, думаю, что есть достаточныя причины устранить искусственное и лишнее имя дардовъ, а также и Дардистанъ. Во-первыхъ, по завѣренію же Биддельфа, «имя дардъ не признается ни однимъ изъ племенъ, къ которымъ его прилагаютъ. Въ одномъ только случаѣ... именемъ этимъ одно изъ племенъ называетъ своихъ сосѣдей» (стр. 208), именно населеніе долинъ Кандіи, Путтуна и пр. части праваго берега Инда зоветъ дардами жителей противоположной стороны Инда въ долинахъ Коли, Паласъ и пр., которые, однако, этого имени не признаютъ; они говорятъ на нарѣчіяхъ языка шиновъ (стр. 15 и 16). Во-вторыхъ, авторы, употребляющіе терминъ дарды, даютъ его примѣненію различный объемъ. Такъ уже Кеннингэмъ (The Ancient Geography of India, by A. Cunningham, London, 1871, p. 83) и Биддельфъ (стр. 166 и слѣд.) уклоняются отъ зачисленія кафировъ въ число дардовъ, а Уйфальви, исключая кафировъ изъ числа дардовъ (Les Aryens, p. 238), колеблется включать въ группу дардовъ читральцевъ (хо, p. 273). Въ-третьихъ, искусственное присвоеніе общаго имени племенамъ разнаго происхожденія и языковъ не только совершенно неосновательно, но влечетъ за собою напрасныя путаницы и недоразумѣнія [1]).

Во второй изъ таблицъ, приложенныхъ къ Aus dem W. Himalaja, помѣщены антропологическія измѣренія «дарду». Въ графѣ, служащей для означенія народности или племени измѣренныхъ субъектовъ, о лицѣ подъ № 23 отмѣчено «кафиръ», остальныя же 44 лица названы «дарду». Такъ какъ мы знаемъ, что ни одно изъ мѣстныхъ племенъ себя дардами или дарду не называетъ, то очевидно, что далъ измѣреннымъ названіе дарду

---

[1]) Въ одной изъ своихъ статей 1893 г. Лейтнеръ самъ замѣтилъ, что терминъ дарды употребляется нѣкоторыми въ тѣсномъ смыслѣ для означенія народностей, обитающихъ въ странѣ шиновъ, но самъ онъ примѣняетъ его не только къ населенію Чиласа, Гилгита, Астора, Дарела, но и къ племенамъ Хунзы, Нагера, Читрала и Кафиристана. При этомъ онъ удостовѣрилъ, что сами „дарды“ имени этого не знаютъ, и хотя на вопросъ его—дарды ли они? спрошенные отвѣчали утвердительно, но происходило это вслѣдствіе того, что предполагали у него ошибочное произношеніе слова dada, значащаго „дикій, независимый“ (Imp. a. Asiatic Quarterly Rewiew, 1893, January, pp. 168). Биддельфъ думаетъ, что имя „дардъ“ дано всѣмъ вообще горнымъ племенамъ долины Инда кашмирцами и что оно происходитъ отъ персидскаго слова *додъ*, т.-е. „хищное животное“, или отъ *дирендъ*, „свирѣпый“ („Народы, насел. Гинду-кушъ“, стр. 208 и 209), но съ какой стати индійцы-кашмирцы станутъ употреблять персидскія слова, имѣя соотвѣтствующія свои?

самъ Уйфальви вмѣсто того, чтобы записать то племенное имя, которое сказалъ ему каждый изъ измѣренныхъ субъектовъ, если былъ спрошенъ. Далѣе, по отдаленности читральцевъ отъ Симлы и Балтистана, гдѣ производилъ свои измѣренія Уйфальви, невѣроятно, чтобы въ числѣ измѣренныхъ были хо. Засимъ въ числѣ измѣренныхъ могли быть лишь шины, крамины съ мелкими кастами и, наконецъ, іешкуны, такъ какъ для Уйфальви все это дарды. Для выясненія—какому изъ этихъ племенъ принадлежатъ люди, которыхъ Уйфальви надѣлилъ кличкою «дарду», можетъ послужить имѣющаяся въ таблицѣ о субъектѣ подъ № 21, родомъ изъ Хунзы, отмѣтка, въ которой сказано, что онъ «по отцу своему іешкунъ»: изъ отсутствія подобныхъ объясненій относительно остальныхъ 43 «дарду» можно заключить, что у всѣхъ ихъ отцы не іешкуны и что они принадлежатъ къ шинамъ и близкимъ къ нимъ кастамъ. Это заключеніе подтверждается незначительнымъ количествомъ іешкуновъ и преобладаніемъ шиновъ въ Ольтинтанѣ, гдѣ измѣрена большая часть «дарду» (22 чел.), тамошнихъ уроженцевъ, такъ какъ Ольтинтанъ расположенъ около впаденія въ Индъ р. Драса и потому, вѣроятно, входитъ въ составъ округа Драса, который балти называютъ Химбапсомъ, въ Химбапсѣ же шины составляютъ 52% населенія, а съ дòмами (одна изъ мелкихъ кастъ) даже 53%, изъ остального населенія 34% принадлежатъ балти и лишь 13% приходится на долю іешкуновъ («Народы, насел. Гинду-кушъ», стр. 60). Сел. Гуресъ, гдѣ произведены измѣренія 17 «дарду», расположено на р. Кишеньгангѣ, притокѣ орошающей Кашмиръ рѣки Джелюма, а потому здѣсь нельзя предполагать обитанія іешкуновъ, живущихъ лишь въ бассейнѣ Гилгитской рѣки и отчасти въ долинѣ Инда; по географическому положенію Гуреса, въ немъ слѣдуетъ предполагать населеніе индусскаго происхожденія: дѣйствительно, по мнѣнію Лейтнера, шины окрестностей Гуреса имѣютъ признаки смѣшенія съ кашмирцами и тѣ же касты, что у послѣднихъ (I. und Asiatic Quarterly Review, 1897, January, p. 173).

Считая вслѣдствіе всего сказаннаго всѣхъ 43 «дарду» за шиновъ, мы получаемъ средній ростъ ихъ (70100 : 43) 1630 мм., но такъ какъ въ числѣ измѣренныхъ подъ № 17 имѣется карликъ ростомъ въ 1010 мм., то за исключеніемъ его истинный средній ростъ 42 шиновъ опредѣлится въ 1645 мм. Головной указатель 43 шиновъ равняется (3272,46:43) 76,10.

За исключеніемъ 1 кафира, котораго Уйфальви и самъ за дарда не считаетъ, во второй таблицѣ Уйфальви содержатся измѣренія 44 «дарду», въ числѣ которыхъ 1, какъ выше выяснено, есть іешкунъ, а не шинъ, какъ всѣ остальные, почему мною и исключенъ при опредѣленіи средняго роста и головного указателя шиновъ. Если же мы сосчитаемъ полностью результаты измѣренія всѣхъ 44 «дарду», то средній ростъ ихъ (71740:44) будетъ 1630 мм., головной же указатель (3346,30:44) 76,05, но обѣ эти

цифры не сходятся съ цифрами, которыя даетъ Уйфальви для своихъ «дарду», вѣроятно, по причинѣ ариѳметическихъ ошибокъ и различныхъ недоразумѣній: въ Les Aryens средній ростъ дардовъ данъ въ 1687 мм. (р. 419), а средній головной указатель для 44 дардовъ 75,83, за убавкою же 73,83 (р. 387); въ Bulletin, 1882, р. 219, головной указатель 45 Dardous (Gouraiz) означался имъ въ 73,62 и та же цифра повторена въ Aus dem W. Himalaja, S. 250, но безъ поясненія, къ какому числу измѣренныхъ «дарду» она относится.

г) *Іешкуны* или *буриши*. Единственный у Уйфальви буришъ «по отцу» отъ неизвѣстнаго племени матери (ростомъ 1640 мм., съ голов. указателемъ въ 73,84), конечно, не можетъ характеризовать антропологическій типъ іешкуновъ. Хотя я не нашелъ въ доступныхъ мнѣ библіотекахъ книги Рислея, на которую ссылается Деникеръ (р. 478), и тѣмъ болѣе не имѣлъ возможности пользоваться рукописными замѣтками Капю, а потому не могъ ни опредѣлить, гдѣ и сколько измѣрено Рислеемъ и Капю въ отдѣльности «тюрковъ-дардовъ», а также войти въ необходимыя оцѣнки и сличенія отдѣльныхъ измѣреній, такъ какъ располагалъ лишь приведенными Деникеромъ среднимъ ростомъ и среднимъ головнымъ указателемъ 19 измѣренныхъ субъектовъ, но тѣмъ не менѣе я пришелъ было къ заключенію, что эти «тюрки-дарду» суть не иные кто, какъ іешкуны или буриши, потому что, какъ знаемъ мы изъ свѣдѣній Биддельфа, въ Хунзѣ, Нагерѣ и Яссинѣ, къ обитателямъ которыхъ принадлежатъ «тюрки-дарды» Рислея и Капю, никакихъ ни тюрковъ, ни «тюрковъ-дардовъ» не живетъ, а есть лишь шины, — съ мелкими кастами и нѣкоторымъ количествомъ кашмирцевъ,—и іешкуны или буриши. Шиновъ съ кашмирцами именовать тюрками-дардами никоимъ образомъ невозможно, а потому оставалось думать, что этимъ именемъ названы іешкуны на томъ основаніи, быть можетъ, что языкъ ихъ относится къ «туранскимъ», а этотъ терминъ смѣшивается съ «тюркскимъ»; кромѣ того Биддельфъ производилъ іешкуновъ отъ юечжей, которые многими считаются народомъ тюркскимъ.

Въ виду всего этого мнѣ оставалось констатировать, что 19 іешкуновъ, названныхъ по какому-то недоразумѣнію «тюрками-дарду», имѣютъ средній ростъ въ 1690 мм. и средній головной указатель въ 77,00. Но, просматривая статьи Рислея, встрѣчающіяся въ антропологическомъ отдѣлѣ Journal of the Asiatic Society of Bengal, я случайно встрѣтилъ тѣ самыя, кажется, измѣренія, которыя служили источникомъ для Деникера. Именно въ означенномъ Journal за 1893 г. (vol. LXII, Part III [1]), р. р. 33—45) есть статья Measurements of Cingalese Moormen and Tamils, taken at

---

[1]) Въ № 3 той же Part III и того же года помѣщены Anthropometric Instructions, интересныя, между прочимъ, въ томъ отношеніи, что служили руководствомъ туземнымъ помощникамъ Рислея при выполненіи тѣхъ тысячъ измѣреній, которыя имъ опубликованы.

Ceylon in November 1892. By H.H. Risley. Она состоитъ изъ нѣсколькихъ строкъ предварительныхъ свѣдѣній и засимъ изъ таблицъ измѣреній нѣсколькихъ цейлонскихъ племенъ, но въ концѣ ея (pp. 44—45) неожиданно оказываются три таблицы измѣреній трехъ хиндукушскихъ племенъ, которыя къ содержанію статьи не имѣютъ никакого отношенія и въ текстѣ статьи совсѣмъ даже и не упоминаются. Три таблицы эти содержатъ антропологическія измѣренія 7 нагерцевъ (Nagar Tribe), 9 хунзинцевъ (Hanza Tribe) и 6 кафировъ (Kafir Tribe). Таблицу кафировъ разсмотрю я ниже, общій же итогъ роста нагерцевъ (11538 мм.) и хунзинцевъ (15380 мм.) равняется 26918 мм. и головныхъ указателей (528,10 + 706,10 =) 1234,20, а при раздѣленіи этихъ цифръ на 16 получается средній ростъ 16 нагерцевъ и хунзинцевъ въ 1682,37 мм. и средній головной ихъ указатель въ 77,13. Эти цифры немного разнятся отъ цифръ, данныхъ Деникеромъ для 19 «тюрковъ-дарду» въ текстѣ и для 17 жителей Хунзы, Нагера и Яссина (только головной указатель 77,00) въ Appendices, но Деникеръ пользовался еще рукописными замѣтками Капю, относившимися къ очень, вѣроятно, небольшому количеству измѣреній населенія Яссина (должно быть, іешкуновъ), а потому при добавленіи къ 16 измѣреніямъ Рислея 3-хъ измѣреній Капю для роста и 1 для головного указателя Деникеръ легко могъ получить данныя имъ цифры. Такъ какъ у Рислея въ таблицахъ и статьѣ нѣтъ ничего подобнаго «тюркамъ-дарду», какъ нѣтъ такого термина и въ извѣстныхъ мнѣ печатныхъ статьяхъ Капю, то это именованіе принадлежитъ, повидимому, лично Деникеру.

Въ заглавіяхъ таблицъ измѣреній значится, что измѣренія произведены въ Калькуттѣ. Даты нѣтъ, но по отдаленности Калькутты отъ Нагера и Хунзы надо полагать, что 16 жителей этихъ странъ были привлечены въ столицу Британской Индіи какими-нибудь исключительными обстоятельствами, каковы, напр., были война съ Нагеромъ и Хунзою и завоеваніе этихъ странъ въ концѣ 1891 г.: 6 нагерцевъ и 9 хунзинцевъ были, вѣроятно, представителями завоеванной страны, отправленными въ 1892 г. въ столицу Индіи для изъявленія покорности и ходатайства о нуждахъ своихъ странъ, и ихъ свитою. Къ сожалѣнію, ни племенъ, ни общественнаго, правительственнаго или сословнаго положенія каждаго изъ изслѣдованныхъ лицъ въ таблицахъ не означено. Между тѣмъ изъ свѣдѣній Биддельфа и другихъ мы знаемъ, что населеніе какъ Нагера, такъ и Хунзы состоитъ не изъ однихъ іешкуновъ, но также и изъ шиновъ: первые составляютъ въ Нагерѣ 60% населенія, шины же 20%; въ Хунзѣ іешкуновъ 80% и шиновъ 5%; но кромѣ іешкуновъ и шиновъ въ Нагерѣ есть высшее сословіе, именуемое харо, неизвѣстнаго, чуждаго происхожденія, достигающее 5% населенія. Вслѣдствіе этого въ числѣ измѣренныхъ хунзинцевъ легко могутъ быть не только іешкуны, но и шины, а въ числѣ нагерцевъ сверхъ

того и харо. Однако, іешкуны составляютъ слишкомъ значительное большинство въ обѣихъ странахъ, чтобы не образовали вѣроятнаго большинства и въ измѣренныхъ 16 лицахъ, а потому мы можемъ правильно, не упуская, конечно, изъ вида возможности нѣкоторой посторонней примѣси, именовать ихъ іешкунами. Средній ростъ 16 нагерцевъ и хунзинцевъ опредѣлился, какъ приведено выше, въ 1682,37 мм. и головной указатель въ 77,13, но истиннымъ типомъ іешкуновъ слѣдуетъ считать скорѣе однихъ хунзинцевъ, такъ какъ въ средѣ ихъ харо совсѣмъ нѣтъ, шины же составляютъ вчетверо меньшій процентъ населенія, чѣмъ въ Нагерѣ. У 9 хунзинцевъ, возрастомъ отъ 22 до 43 лѣтъ, средній ростъ равняется 1708,88 мм. (отъ 1648 до 1800 мм. у отдѣльныхъ лицъ) и головной указатель 78.45 (отъ 75,80 до 83,90), тогда какъ у 7 нагерцевъ (6 изъ нихъ отъ 22 до 38 лѣтъ) средній ростъ (отъ 1606 до 1900 мм.) будетъ 1649,28 (а за исключеніемъ несовершеннолѣтняго Раджа-Хозру-хана, 17 лѣтъ, который къ тому же, судя по имени, изъ владѣтельнаго дома, слѣдовательно чуждаго происхожденія, съ ростомъ 1634 мм., получается средній ростъ 6 нагерцевъ 1650,66 мм.) и средній головной указатель 77,13 (отъ 71,7 до 78,8). Отвергавшій предположеніе Лейтнера о происхожденіи іешкуновъ отъ метисаціи шиновъ съ какою-нибудь первобытною расою Биддельфъ замѣтилъ отличіе іешкуновъ Нагера отъ остальныхъ: «многіе изъ нихъ небольшого роста, плотные, съ выдающимися скулами, грубыми чертами лица и рѣдкою бородою. Эти признаки, вмѣстѣ съ ихъ невоинственнымъ характеромъ» (поправляю: сравнительно съ хунзинцами), «указываютъ, вѣроятно, на прибавку татарской крови изъ Скардо, происшедшую, вѣроятно, во время подчиненія Нагера Макпону, правителю Скардо» (стр. 50 и 51). Такъ какъ тибетцы, которыхъ Биддельфъ называетъ татарами, имѣютъ ростъ не низкій, а средній, то это предположеніе Биддельфа требуетъ съ моей стороны поправки, заключающейся въ томъ, что меньшій ростъ нагерцевъ можетъ быть приписываемъ помѣсямъ ихъ съ балтистанцами, которые получили его главнымъ образомъ отъ дравидовъ, какъ изложено будетъ ниже.

Измѣреніями Капю я воспользоваться не могу за неизвѣстностью ихъ, но есть два измѣренія іешкуновъ д-ра Лейтнера: первый, по имени Matavalli, родомъ изъ Хунзы, 30 (въ другомъ мѣстѣ 32) лѣтъ, имѣетъ ростъ 1640 мм. и головной указатель 73,84; второй—Худояръ, родомъ изъ Нагера, 24 лѣтъ, ростомъ 1820 мм. при головномъ указателѣ 78,8 (Imperial and Asiatic Quarterly Review, 1893, October, pp. 426—433). Изъ нихъ Matavalli, привезенный Лейтнеромъ въ Англію, есть, очевидно (хотя Лейтнеръ ничего объ этомъ не говоритъ), по лѣтамъ, росту и головному указателю тотъ самый «іешкунъ по отцу» изъ Хунзы, который былъ измѣренъ Уйфальви и названъ имъ Metavalli, будучи помѣщенъ въ таблицѣ измѣреній 45 «дарду»; вѣроятно, происхожденіемъ его отъ іеш-

куна и иноплеменной женщины (быть можетъ, балти) и объясняется его отличный отъ хунзинцевъ Рислея ростъ и головной указатель. Съ добавленіемъ къ суммамъ роста и головныхъ указателей 7 нагерцевъ и 9 хунзинцевъ результатовъ измѣреній Метавали и Худояра средній ростъ 18 нагерцевъ опредѣляется въ 1687,66 мм. и средній головной указатель ихъ въ 77,04. Но, по указаннымъ выше причинамъ, слѣдуетъ, мнѣ кажется, считать характеристичными для іешкуновъ сдѣланные выше выводы для 9 хунзинцевъ, не добавляя Метавали, какъ метиса.

Для полноты обзора антропологическихъ измѣреній, относящихся къ іешкунамъ, можно еще упомянуть объ изслѣдованіи череповъ изъ Нагера, произведенныхъ Duckworth'омъ и Garson'омъ. Первый изучилъ два черепа, доставленные изъ Нагера Conway'емъ, и нашелъ, что одинъ изъ нихъ мужской и имѣетъ черепной указатель 68,28, а другой женскій съ черепнымъ указателемъ 69,64. По его отзыву, описанные д-ромъ Garson'омъ пять череповъ изъ мѣстностей, отстоящихъ отъ Нагера въ 30—100 миляхъ,—изъ которыхъ два оказались долихоцефальными (наиболѣе долихоцефальный имѣетъ указатель въ 72,30) и три мезоцефальными,—въ общемъ слегка походятъ на изученные имъ два черепа (The Journal of the Anthropological Institute of Gr. Britain, 1893, vol. 23, pp. 125—129). По поводу сходства, которое признавалъ Уйфальви у измѣреннаго имъ хунзинца (это вышеупомянутый Metavalli, съ головнымъ указателемъ въ 73,84), съ населеніемъ Герцеговины Duckworth указалъ, что герцеговинцы, по Вейсбаху, имѣютъ головной указатель въ 87,2 (p. 128). Къ сожалѣнію, по неизвѣстности—какому времени и какому племени или племенамъ принадлежатъ изслѣдованные семь череповъ, результаты изученія этихъ череповъ ничего не выясняютъ относительно антропологіи іешкуновъ, такъ какъ эти черепа могли принадлежать не только іешкунамъ, но шинамъ, а также рабамъ самыхъ различныхъ народностей и племенъ, потому что въ странахъ на южныхъ склонахъ Хиндукуша до самаго недавняго времени существовало рабство, причемъ въ невольники обращались люди всевозможныхъ народностей, которыхъ удавалось захватить.

д) Племя *хо*. Для этого племени, составляющаго главное населеніе Читрала, Деникеръ даетъ средній ростъ 6 читральцевъ, измѣренныхъ Рислеемъ и имѣющихъ средній ростъ около 1670 мм. и средній головной указатель «почти» 77,00. Но тутъ Деникеръ, повидимому, впалъ въ ошибку или въ недоразумѣніе, такъ какъ 6 лицъ, измѣренныхъ Рислеемъ и оказавшихся съ среднимъ ростомъ въ 1671,3 мм. при головномъ указателѣ 76,9 (Journal of the Asiatic Society of Bengal, v. LXII, Part III, pp. 44—45), т.-е. около 1670 мм. и почти 77,00, названы кафирами, а не читральцами, и хотя одинъ изъ нихъ показанъ родившимся «на читральской границѣ», но это еще не дѣлаетъ его читральцемъ. Означенныя въ таблицѣ мѣста родины каждаго изъ 6 измѣренныхъ кафировъ подтверждаютъ,

что они дѣйствительно кафиры, такъ какъ это все мѣстности Кафиристана. Такъ три лица (подъ нумерами 1, 2 и 4) означены уроженцами Башкалъ (Baskal), которая, по Робертсону, находится въ западной части Кафиристана и заселена сіяхпушскими племенами катаръ, камъ и др.; изъ остальныхъ одинъ (№ 6) показанъ уроженцемъ неизвѣстной мѣстности на границѣ съ Читраломъ (Chitral Border), одинъ уроженцемъ долины Utsum и еще одинъ уроженцемъ Presungal Valley, т.-е. долины кафирскаго племени пресунъ.

Если,—что кажется болѣе, чѣмъ вѣроятнымъ,—Деникеръ ошибочно принялъ кафировъ Рислея за читральцевъ, то антропологическихъ измѣреній племени хо пока не имѣется. Въ противномъ же случаѣ для характеристики хо могутъ служить приведенные Деникеромъ средніе указатели роста и головы читральцевъ, племя которыхъ, впрочемъ, остается для меня неизвѣстнымъ, хотя, вѣроятно, это хо.

е) *Кафиры.* Изъ числа шести кафировъ Рислея два (нумеръ 5, уроженецъ границы съ Читраломъ, 19 лѣтъ отъ роду, 1660 мм. росту и 77,50 по головному указателю, и нумеръ 6, уроженецъ долины Utsum, 14 лѣтъ, ростомъ 1560 мм., съ головнымъ указателемъ 73,3) несовершеннолѣтни, а потому подлежатъ исключенію при выводѣ роста взрослыхъ кафировъ. Еще одинъ (нумеръ 3, уроженецъ долины Пресунъ, 22 лѣтъ, ростомъ 1738 мм., при головномъ указателѣ 74,60) къ сіяхпушамъ не принадлежитъ, ибо пресуны, какъ ниже увидимъ, не арійцы, а вѣроятно аборигены. Для характеристики кафировъ индо-арійцевъ или сіяхпушей остаются такимъ образомъ три измѣренныхъ лица, имѣющія возрастъ отъ 22 до 30 лѣтъ, съ ростомъ 1730 мм., 1654 и 1686 мм., въ среднемъ, значитъ, 1690 мм., при головныхъ указателяхъ 75,30, 78,00 и 82,40, въ среднемъ 78,56. При добавкѣ къ указателямъ этихъ трехъ сіяхпушей головныхъ указателей двухъ несовершеннолѣтнихъ сіяхпушей средній головной указатель пяти сіяхпушей получится въ 77,30.

Сверхъ того, Уйфальви, какъ видѣли мы, въ таблицѣ измѣреній «дарду» помѣстилъ одного кафира по имени Али-хана, родомъ изъ Kamots Kalascha, 30—40 лѣтъ отъ роду, ростомъ 1660 мм.; цифра головного указателя въ таблицѣ не выведена, но въ Les Aryens, p.p. 374—375, онъ показанъ въ 65,5, причемъ Уйфальви говоритъ, что этотъ кафиръ родился въ Kamdech, въ Кафиристанѣ, и принадлежитъ племени камъ. Наконецъ, доставлены измѣренія еще одного кафира д-ромъ Лейтнеромъ: Джемшидъ, сіяхпушъ племени катаръ, ростомъ 1619 мм., при головномъ указателѣ 86,7. Лейтнеръ, привезшій съ собою этого кафира въ Англію, почему-то (не въ виду ли воображавшагося нѣкоторыми авторами происхожденія кафировъ отъ македонянъ или грековъ Александра Македонскаго?), предполагалъ, что его типъ близокъ къ типу ославяненныхъ македонцевъ (?) Герцеговины (I. and. A. Quarterly Review, 1893, October, p.

430), но д-ръ медицины Beddoe призналъ болѣе основательнымъ отнести этого Джемшида къ расѣ *галча*, полагая, что нѣкоторыя племена кафировъ могутъ быть не индо-арійцы, а бадахшанцы (тамъ же, р. 434), т.-е. принадлежали къ восточно-иранскимъ горцамъ. Впрочемъ, оба эти кафира, какъ можно заключить изъ свѣдѣній о нихъ Уйфальви и Лейтнера, являются какими-то авантюристами или проходимцами, а потому показанія ихъ о племенномъ происхожденіи сомнительны.

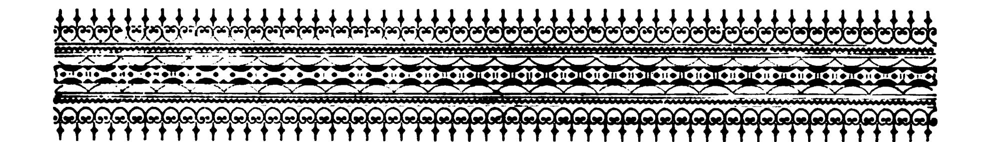
Въ вышеупомянутомъ докладѣ Деникера (Bull. de la Soc. d'Anthr. de Paris, 1882, I, p. 78) приведенъ указатель двухъ кафирскихъ череповъ въ 76,9, опредѣленный Daois въ Crania ethnica.

Итакъ, на основаніи имѣющихся антропологическихъ измѣреній, по возможности провѣренныхъ и оцѣненныхъ, могутъ быть представлены слѣдующіе цифровые выводы:

	Ростъ.		Голов. указатель.	
	Число измѣрен. лицъ.	Средній выводъ.	Число измѣрен. лицъ.	Средній выводъ.
Ладакцы	29	1630	29	76,08
Балти.	80	1614	83	74,92
Шины	42	1654	43	76,10
Іешкуны (изъ Хунзы) . . .	9	1708	9	78,45
Хо (читральцы)	—	—	—	—
Кафиры-сіяхпуши племени баштали	3	1690	3	78,56

Эти антропологическія данныя,—отчасти по незначительности числа измѣренныхъ субъектовъ, частью же вслѣдствіе малой аккуратности и сомнительной компетентности Уйфальви, которому принадлежитъ наибольшее количество измѣреній,—не могутъ считаться достаточными для полной и прочной характеристики народностей, къ которымъ относятся, но все же онѣ даютъ хотя нѣкоторую фактическую опору для начальныхъ попытокъ изученія этногеніи народностей южныхъ склоновъ Хиндукуша и Мустага до того времени, когда болѣе обстоятельныя и обширныя антропологическія изслѣдованія доставятъ удовлетворительные и всесторонніе матеріалы.

Н. А. Аристовъ.

Къ антропологіи бѣлоруссовъ Слуцкаго уѣзда, Минской губ.

Слуцкій уѣздъ, какъ составная часть Минской губ., занимаетъ южные склоны возвышенной сѣв.-западной части ея, отлого спускающіеся къ долинѣ р. Припяти. По возвышенному своему положенію и плодородію земель Слуцкій уѣздъ—«Украина» Минской губ., какъ его называютъ—представляетъ счастливое исключеніе среди болотистыхъ и низменныхъ пространствъ, наполняющихъ большую часть Минской губ. Значительное количество могильниковъ и кургановъ, встрѣчаемыхъ во множествѣ и въ другихъ мѣстахъ Минской губ., случайно находимые предметы древней культуры указываютъ на его обитаемость еще въ доисторическія времена. Кому принадлежатъ эти древнѣйшіе признаки человѣческой жизни—вопросъ неизслѣдованный. Трудно также сказать что-нибудь достовѣрное и о болѣе позднихъ насельникахъ Слуцкаго уѣзда—славянскомъ племени дреговичахъ, осѣвшихъ здѣсь, какъ полагаютъ, въ VI—VIII вв. христіанской эры и пришедшихъ вмѣстѣ съ другими славянскими племенами, населяющими теперь Евр. Россію, съ мѣстъ, расположенныхъ у Карпатскихъ горъ и р. Дуная. Только съ XII в. историческія данныя можно считать болѣе или менѣе достовѣрными: въ лѣтописяхъ этого вѣка впервые встрѣчаемъ упоминаніе о Слуцкомъ княжествѣ. Тѣсная соприкасаемость мѣстнаго населенія съ элементами славянскаго (малоруссы, поляки, великоруссы) и неславянскаго происхожденія (литовцы, финскія племена, татары, евреи), историческая судьба, связывавшая его то съ Литвой, то съ Польшей, не могли не вліять на измѣненія физическаго типа того славянскаго племени (дреговичей), которое, при общемъ потокѣ славянъ, обосновалось здѣсь, составивъ главное ядро мѣстнаго населенія. Названіе «бѣлоруссы», подъ которымъ принято разумѣть населеніе приблизительно нынѣшнихъ Могилевской, Витебской, Минской и части Смоленской губ., болѣе поздняго происхожденія. Съ антропологической же точки зрѣнія терминъ этотъ можно считать условнымъ, имѣющимъ неопредѣленное содержаніе, такъ

какъ и до настоящаго времени собрано очень немного данныхъ для сужденія о физическихъ признакахъ этой народности [1]).

Въ минувшемъ году мнѣ представилась возможность заняться антропометрическими измѣреніями бѣлоруссовъ Слуцкаго уѣзда (въ 7 деревняхъ Поцѣйковской волости). Свѣдѣнія собирались по программѣ, изданной Антропологическимъ Отдѣломъ Имп. Общ. Люб. Ест., Антр. и Этногр., по возможности полныя у мужчинъ и мальчиковъ и ограниченныя описательными признаками, измѣреніемъ головы, роста и ступни у женщинъ и дѣвочекъ. Собранный матеріалъ раздѣленъ на четыре группы, по полу и возрасту, слѣдующимъ образомъ: мальчиковъ — 59 человѣкъ, мужчинъ — 57, дѣвочекъ — 17 и женщинъ — 17, всего 150 человѣкъ. Въ группу мальчиковъ вошли и юноши до 20-лѣтняго возраста включительно. О возрастномъ измѣненіи у нихъ антропологическихъ величинъ даетъ представленіе нижеслѣдующая таблица:

Лѣта.	Число субъектовъ.	Ростъ.	Наиб. прод. діам.	Наиб. попер. діам.	Голов. указ.
9—10	7	1265	173	146	84,76
11	8	1310	175(+2)	143(—3)	81,91(—2,85)
12	15	1343	177(+2)	146(+3)	82,52(+С,61)
13—14	8	1441	178(+1)	148(+2)	83,37(+0,85)
15	6	1463	180(+2)	148(0)	82,25(—1,12)
17—18	7	1595	184(+4)	150(+2)	81,82(—0,43)
19—20	8	1648	185(+1)	150(0)	81,41(—0,41)

Что касается описательныхъ признаковъ каждой группы, то, выразивъ въ % число бѣлокурыхъ, свѣтлорусыхъ и темнорусыхъ—съ голубыми, сѣрыми или свѣтлокарими глазами, и сравнивъ группы между собою, можемъ прослѣдить постепенное потемнѣніе волосъ съ увеличеніемъ возраста: начиная съ 9—10-лѣтняго возраста % бѣлокурыхъ падаетъ и въ 15-лѣтнемъ вовсе исчезаетъ, замѣщаясь увеличивающимся % свѣтлорусыхъ, который, въ свою очередь, падаетъ съ 15-лѣтняго возраста, переходя въ увеличивающійся % темнорусыхъ.

Лѣта.	Число субъектовъ.	% бѣлокурыхъ.	% свѣтлорусыхъ.	% темнорусыхъ.
9—10	7	29	71	0
11	8	25(— 4)	75(+ 4)	0
12	15	20(— 5)	73(— 2)	7(+ 7)
13—14	8	13(— 7)	87(+14)	0(— 7)
15	6	0(—13)	83(— 4)	17(+17)
17—18	7	0	57(—26)	43(+26)
19—20	8	0	38(—19)	50(+ 7) (12% рыж.).

[1]) Литературу см. ниже, въ статьѣ В. В. Воробьева: „Объ антропологическомъ изученіи славянскаго населенія Россіи“.

Сравненіе группъ по цвѣту глазъ не даетъ тѣхъ же результатовъ, хотя, по полученнымъ даннымъ, можно думать, что голубоглазость, съ увеличеніемъ возраста, переходитъ въ сѣрый цвѣтъ глазъ.

Лѣта.	Число субъектовъ.	% голубоглазыхъ.	% сѣроглазыхъ.	% свѣтлокарихъ.
9—10	7	85	15	0
11	8	50(—35)	38(+23)	12(+12)
12	15	40(—10)	27(—11)	33(+21)
13—14	8	65(+25)	25(— 2)	10(—23)
15	6	50(—15)	50(+25)	0(—10)
17—18	7	43(— 7)	57(+ 7)	0(0)
19—20	8	25(—18)	10(—47)	65(+65)

Къ взрослымъ мужского пола (57 чел.) отнесены имѣющіе 22 года и болѣе. Въ нижеслѣдующей таблицѣ помѣщены нѣкоторыя среднія величины для всѣхъ 57 человѣкъ; параллельно приводятся для сравненія данныя, взятыя изъ работъ Н. А. Янчука, К. Н. Икова и Е. Р. Эйхгольца. Наибольшія колебанія наблюдаются въ среднихъ размѣрахъ длины лица (отъ переносья), наиб. ширины лица, длины и ширины носа, лицевомъ и носовомъ указателяхъ.

Измѣренія.	Мои наблюденія.				Янчука.	Эйхгольца.	
	Minimum.	Maximum.	Среднее.	Въ % роста.	Абсол. вел. въ mm.	Абсол. вел. въ mm.	Въ % роста.
Ростъ	1529	1730	1648	„	„	1652	„
Величина головы въ вертикальной проекціи	187	241	215	13,02	„	„	„
Гориз. окружн. головы	522	588	554	33,63	?	?	„
Наиб. продол. діам.	171	199	185	11,24	„	186	11,27
Наиб. попереч. діам.	135	163	151	9,14	„	151	9,17
Головной указатель	74,58	89,53	81,50	„	„	(80,41	Иковъ)
Длина лица отъ волосъ	164	201	183	11,07	185	„	„
„ „ „ переносья	102	135	122	7,38	121	117	6,9
Наиб. ширина лица	125	148	138	8,38	139	141	8,5
Лицевой указатель (I)	72,34	101,6	88,09	„	86,74 (79,06?)	83,21	„
„ „ (II)	65,10	85,97	75,87	„	75,12	„	„
Длина носа	42	67	52	„	50	49	„
Ширина носа	31	45	35	„	35	34	„
Носовой указатель	50,74	88,09	67,98	„	70,52	68,39	„
Объемъ груди	761	989	890	53,96	„	889	53,84
Длина руки (отъ acrom.)	675	802	738	44,69	„	747	45,27
„ ноги (отъ troch. m.)	761	935	850	51,56	„	847	51,84

По цвѣту волосъ и глазъ изслѣдованные субъекты распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

	Число наблюд.	%	Янчукъ. %	Эйхгольцъ. %
Бѣлокурыхъ	1	2	22	5
Свѣтлорусыхъ	22	38	24	23
Темнорусыхъ	34	60	48	46
Съ черными волосами.	—	—	4	24
Рыжихъ	—	—	2	2
Глаза голубые	23	40	—	60
„ сѣрые	17	30	—	16
„ свѣтлокаріе и каріе	17	30	—	22
„ черные.	—	—	—	2
„ зеленые	—	—	—	1

Такимъ образомъ, сравнивая мои данныя съ данными Янчука и Эйхгольца, наибольшее колебаніе наблюдаемъ въ процентномъ содержаніи бѣлокурыхъ; свѣтлорусыхъ и темнорусыхъ у меня отмѣченъ нѣсколько большій процентъ; черноволосые и рыжіе отсутствуютъ совершенно. По цвѣту глазъ голубой отмѣченъ въ меньшемъ, сѣрый, свѣтлокарій съ каримъ—въ большемъ числѣ наблюденій; отсутствуютъ зеленый и черный цвѣта.

Группируя по головному указателю, получаемъ:

	Число наблюд.	%	Эйхгольцъ. %	Янчукъ. %
Долихоцефаловъ (до 75,00)	1	2	—	19
Субдолихицефаловъ (75,01—77,77) . .	10	17	10	
Мезоцефаловъ (77,78—80,00)	11	19	18	24
Суббрахицефаловъ (80,01—83,33). . .	17	30	59	57
Брахицефаловъ (83,34 и бол.). . . .	18	32	13	

О ростѣ изслѣдованныхъ мужчинъ даетъ представленіе слѣдующая таблица:

Отъ 1500 до 1600 mm.	7 суб.	12%	51%
„ 1601 „ 1650	„ 22	„ 39%	
„ 1651 „ 1700	„ 21	„ 37%	49%
„ 1701 и бол.	„ 7	„ 12%	

Разсматривая нѣкоторыя антропометрическія величины отдѣльно у особей низкорослыхъ и высокорослыхъ, находимъ:

Измѣренія.	Ростъ ниже средн. (1529—1650).		Ростъ выше средн. (1651—1780).		Разность абсол. величины.	Разность относ. величины.
	Абсол. вел. въ mm.	Относ. вел. въ % роста.	Абсол. вел. въ mm.	Относ. вел. въ % роста.		
Величина головы въ верт. проекціи	210,4	13,05	218,7	12,98	+8,30	- 0,07
Горизонт. окруж. головы.	551	34,18	557	33,04	+6	—1,14
Наиб. продол. діам. . . .	185	11,48	185	10,98	0	—0,50
Наиб. попереч. діам. . .	150,4	9,32	150,9	8,93	+0,53	—0,39
Длина лица отъ волосъ . .	181,2	11,23	183,8	10,90	+2,60	—0,33
„ „ „ переносья.	121,5	7,54	121,5	7,22	0	—0,32
Наиб. ширина лица . . .	137,2	8,51	139	8,25	+1,80	—0,26
Объемъ груди	878	54,33	903	53,58	+25	—0,75
Длина руки	726	45,02	750	44,36	+24	—0,66
„ ноги.	830	51,41	871	51,71	+41	+0,30

Какъ видимъ изъ этой таблицы, въ большинствѣ случаевъ съ увеличеніемъ роста абсолютныя величины также увеличиваются, а относительныя, наоборотъ, уменьшаются. Исключеніе представляетъ только нижняя конечность: какъ абсолютная, такъ и относительная величина ея больше у высокорослыхъ. Не лишенные интереса результаты даетъ распредѣленіе по тѣмъ же двумъ группамъ (низкаго и высокаго роста) головного указателя и цвѣта волосъ и глазъ.

	Распредѣленіе головного указателя и цвѣта волосъ и глазъ въ группахъ низкаго и высокаго роста.	Субдолихоцефалы (75,01—77,77).	Мезоцефалы (77,78—80,00).	Субрахицефалы (80,01—83,33).	Брахицефалы (83,34 и бол.).
Ростъ 1529—1650 mm.	Число субъектовъ	6	8	7	8
	„ „ въ %	21	28	24	27
	% бѣлокурыхъ	16,5	„	„	„
	„ свѣтлорусыхъ	16,5	63	43	25
	„ темнорусыхъ	67	37	57	75
	„ голубоглазыхъ	67	50	43	50
	„ сѣроглазыхъ	„	25	14	„
	„ свѣтлокарихъ и карихъ	33	25	43	50
Ростъ 1651—1730 mm.	Число субъектовъ	5	3	10	10
	„ „ въ %	19	11	35	35
	% бѣлокурыхъ	„	„	„	„
	„ свѣтлорусыхъ	40	33	30	50
	„ темнорусыхъ	60	67	70	50
	„ голубоглазыхъ	60	„	30	20
	„ сѣроглазыхъ	20	100	50	50
	„ свѣтлокарихъ и карихъ	20	„	20	30

Въ группѣ роста ниже средняго брахицефальный типъ (51) преобладаетъ надъ долихоцефальнымъ (21); свѣтлорусый цвѣтъ, достигая maximum'а у мезоцефаловъ (63), понижается въ брахицефальномъ типѣ, minimum его у рѣзкихъ брахицефаловъ (25); темнорусый цвѣтъ имѣетъ менѣе представителей среди мезоцефаловъ (37) и гораздо болѣе среди брахицефаловъ (75); голубой цвѣтъ глазъ уменьшается съ приближеніемъ къ брахицефальному типу (67, 50, 43, 50); сѣрый цвѣтъ наблюдался только у мезоцефаловъ (25) и суббрахицефаловъ (14); темная окраска глазъ увеличивается съ приближеніемъ къ брахицефальному типу (33, 25, 43, 50). Въ группѣ съ ростомъ выше средняго брахицефальный типъ (70)

более чѣмъ въ 3 раза превосходитъ долихоцефальный (19); бѣлокурый цвѣтъ волосъ не наблюдался; свѣтлорусый падаетъ отъ долихоцефаловъ къ суббрахицефаламъ (40, 33, 30) и maximum'a достигаетъ у рѣзкихъ брахицефаловъ (50); темнорусый возрастаетъ отъ долихоцефаловъ къ суббрахицефаламъ (60, 67, 70), уменьшаясь у брахицефаловъ (50). Голубой цвѣтъ глазъ уменьшается съ приближеніемъ къ брахицефальному типу (60, 30, 20); сѣрый цвѣтъ не наблюдался въ долихоцефальномъ типѣ, maximum'a достигаетъ у мезоцефаловъ (100) и составляетъ значительный % въ брахицефальномъ типѣ (50, 50); свѣтлокарій и карій не наблюдался у мезоцефаловъ и составляетъ небольшой процентъ въ брахицефальномъ типѣ (20, 30), уступая по количеству свѣтлой окраскѣ глазъ (70, 70). Сравнивая обѣ группы между собою, замѣчаемъ, что долихоцефальный типъ болѣе характеризуетъ группу низкорослыхъ: въ группѣ съ ростомъ выше средняго долихоцефальный типъ составляетъ только $^1/_3$ брахицефальнаго (приблизительно), въ группѣ ниже средняго—$^1/_2$ брахицефальнаго.

Описательные признаки сгруппированы въ таблицѣ на стр. 55-ой.

Какъ видно изъ этой таблицы, выпуклый и низкій лобъ отмѣченъ въ большемъ числѣ (34% противъ 14%) у низкорослыхъ, тогда какъ болѣе развитыя формы лба (высокій, покатый взадъ; высокій, прямой) наблюдались чаще у высокорослыхъ. Болѣе красивая форма лица (удлиненное, овальное—68%), плоское въ продольномъ и поперечномъ направленіи темя (57%), равномѣрно округлый затылокъ (71%) характерны для группы съ ростомъ выше средняго и высокорослыхъ; широкое, ромбоидальное, суживающееся книзу лицо (62%), выпуклое въ продольномъ и поперечномъ направленіи темя (48), выдающійся взадъ затылокъ (59)—для группы ниже средняго.

Общій подсчетъ описательныхъ признаковъ и измѣреній можетъ быть сведенъ къ слѣдующему представленію объ изслѣдованныхъ нами 57 взрослыхъ субъектахъ: они — средняго роста съ наклонностью къ низкорослости, крѣпкаго сложенія, съ хорошо развитой грудной клѣткой, съ пропорціонально развитыми конечностями; съ темнорусыми волосами и свѣтлой окраской глазъ; прямые, средніе, рѣже мягкіе, густые волосы; короткая, сравнительно поздно появляющаяся, борода (до 30-лѣтняго возраста изъ 14 человѣкъ не имѣло 9), скудная растительность на тѣлѣ; прямой и низкій лобъ, слабо, рѣже явственно развитыя надбровныя дуги; правильной формы носъ (носовой указатель 67,98); овальной формы лицо; по лицевому указателю скорѣе лептопрозопы; съ плоскимъ, рѣже выпуклымъ теменемъ, равномѣрно округлымъ затылкомъ; по головному указателю умѣренные брахицефалы. Приросшая мочка наблюдалась у 25%, глазная щель, приподнятая у внѣшняго угла,—у 18%.

Изъ 17 измѣренныхъ женщинъ только двѣ имѣютъ возрастъ болѣе 25 лѣтъ (42 и 54 г.), такъ что собранныя свѣдѣнія относятся собственно

Описательные признаки.		Ростъ ниже средняго (1529—1650).		Ростъ выше средняго (1651—1780).		Число набл. общее у обѣихъ группъ.	%
		Число наблюденій.	%	Число наблюденій.	%		
Тѣлосложеніе.	Средней упитанности. .	26	—	26	—	52	91
	Худыхъ	3	—	2	—	5	9
Волосы	Мягкіе.	12	—	12	—	24	42
	Средніе	15	—	14	—	29	51
	Жесткіе	2	—	2	—	4	7
на	Прямые	26	—	26	—	52	91
	Волнистые	3	—	2	—	5	9
головѣ.	Густые.	16	—	14	—	30	53
	Рѣдкіе.	13	—	14	—	27	47
Борода.	Длинная	4	—	3	—	7	13
	Короткая или бритая. .	18	—	22	—	40	70
	Отсутствуетъ.	7	—	3	—	10	17
Волосатость.	Скудная	24	83	19	68	43	75
	Средняя	5	—	9	—	14	25
Лобъ.	Выпуклый, низкій . . .	10	34	4	14	14	24
	Прямой, низкій.	15	—	15	—	30	53
	Высокій, покатый взадъ.	3	} 14	3	} 32	6	10
	Прямой, высокій. . . .	1		6		7	13
Надбровныя дуги.	Выражены слабо	17	—	14	—	31	54
	„ явственно . .	12	41	14	50	26	46
Темя (въ прод. и поп. направл.).	Выпуклое	14	48	9	32	23	41
	Плоское	12	41	16	57	28	49
	Выпукло-плоское	3	—	3	—	6	10
Затылокъ.	Выдающійся взадъ . . .	17	59	6	18	23	41
	Равномѣрно округлый .	10	34	20	71	30	53
	Плосковатый.	2	—	2	—	4	6
Лицо.	Удлиненное.	11	38	19	68	30	53
	Суживающееся книзу. .	9	} 62	3	} 32	12	21
	Широкое.	2		„		2	3
	Ромбоидальное	7		6		13	23
Переносье.	Выпуклое	29	—	28	—	57	100
Носъ.	Прямой средній	22	—	24	—	47	82
	„ тонкій. . . .	4	—	2	—	6	10
	„ широкій. . . .	2	—	2	—	4	6
	Вздернутый	1	—	„	—	1	2
Подбородокъ.	Прямой	20	—	23	—	43	74
	Покатый взадъ.	5	—	2	—	7	13
	Выдающійся	4	—	3	—	7	13

къ дѣвушкамъ; къ нимъ отнесены имѣющія 17 лѣтъ и болѣе. Вычисливъ нѣкоторыя среднія и сравнивъ ихъ съ тѣми же величинами у мужчинъ, можно замѣтить, что абсолютныя величины у женщинъ меньшія; напр., разница въ ростѣ равна 109 mm., въ длинѣ лица отъ волосъ—12,10 mm., отъ переносья—6,97 mm., въ наиб. ширинѣ лица—9,30 mm. и т. д.

Измѣренія.	Женщины.			Мужчины.	
	Minimum.	Maximum.	Среднее.	Среднее.	Разность.
Ростъ	1386	1658	1539	1648	—109
Гориз. окружн. головы	519	554	539	554	— 15
Наиб. продол. діам.	173	183	177,58	185	—7,42
Наиб. попереч. діам.	140	154	146	151	—5
Длина лица (отъ переносья)	103	125	114,53	121,5	—6,97
Длина лица (отъ волосъ)	161	190	170,9	183	—12,10
Наиб. ширина лица	122	136	128,7	138	—9,30
Длина носа	43	58	49,88	52	—2,12
Ширина носа	27	35	31,47	35	—3,53
Головной указатель	76,50	87,86	82,27	81,50	+0,77
Лицевой указатель (I)	82,40	99,20	89,05	88,09	+0,96
Лицевой указатель (II)	68,42	82,09	75,44	75,87	—0,43
Носовой указатель	52,94	72,34	63,33	67,98	—4,65

По головному указателю женщины болѣе брахицефаличны, чѣмъ мужчины, и по нему онѣ скорѣе приближаются къ группѣ 15-лѣтнихъ мальчиковъ (82,25); лицевой указатель больше мужского; носовой равенъ 63,33, тогда какъ у мужчинъ 67,98. По окраскѣ волосъ темнорусыхъ среди женщинъ больше (71%), нежели среди мужчинъ (60%); бѣлокурыхъ не наблюдалось; по цвѣту глазъ голубоглазыхъ 58% (у мужчинъ 40), съ свѣтлокарими и карими глазами—24%; съ приросшей мочкой—18%. Дѣвочекъ тоже 17 чел. При небольшомъ количествѣ матеріала, пришлось составить 2 группы: въ первую вошли дѣвочки до 12-лѣтняго возраста, во вторую—до 15-лѣтняго.

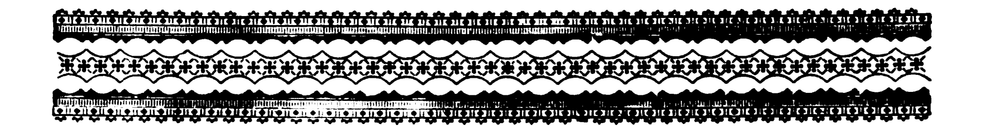
Лѣта.	Число субъектовъ.	Ростъ.	Наиб. продол. діам.	Наиб. пер. діам.	Голов. указ.	% бѣлокур.	% свѣтлор.	% темнор.
5, 8, 9, 11	9	1252	169	142	84,18	10	90	—
12—15	8	1367	173	144	83,87	25	63	12

Сравнивая наиб. продольный и наиб. поперечный діаметры, головной указатель и ростъ, а изъ описательныхъ признаковъ цвѣтъ волосъ, можно предполагать, что развитіе дѣвочекъ идетъ аналогично развитію мальчиковъ: съ возрастомъ увеличивается и наиб. продольный и наиб. поперечный діаметры, но головной указатель уменьшается. Во второй группѣ (болѣе взрослыхъ) появляется темнорусый цвѣтъ волосъ, тогда какъ въ первой онъ не наблюдался.

Незначительное число произведенныхъ мною наблюденій уменьшаетъ, конечно, вѣроятное приближеніе полученныхъ выводовъ къ истиннымъ, и если я рѣшился опубликовать свой небольшой матеріалъ, то только потому, что имѣющіяся въ антропологической литературѣ данныя о бѣлоруссахъ пока еще очень скудны, и всякія новыя, хотя бы и немногочисленныя, добавленія къ нимъ могутъ представить нѣкоторый научный интересъ.

Въ заключеніе считаю долгомъ принести мою искреннюю благодарность многоуважаемому Алексѣю Арсеньевичу Ивановскому за тѣ совѣты и указанія, которыми я постоянно пользовался какъ при собираніи матеріала, такъ и при обработкѣ его.

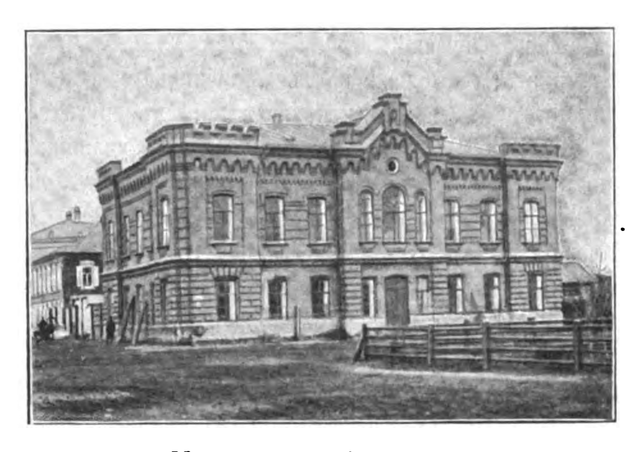
Апол. Рождественскій.

Къ 25-лѣтію Минусинскаго мѣстнаго музея.

«Если правда,—читаемъ въ докладѣ г. Журавскаго на IV съѣздѣ русскихъ естествоиспытателей и врачей въ Казани въ 1873 г.,—что русское отчизновѣдѣніе находится еще въ зародышномъ состояніи и столь необходимое для экономическаго развитія знакомство съ естественными богатствами Россіи составляетъ, къ стыду нашему, лишь предметъ будущаго, то, чтобы уменьшить это зло, я предлагаю съѣзду учрежденіе во всѣхъ губернскихъ городахъ Россіи, подъ управленіемъ преподавателей естественныхъ наукъ или другихъ компетентныхъ лицъ, естественно-историческихъ музеевъ. Подобныя учрежденія были бы центрами, вокругъ которыхъ группировался бы весь матеріалъ, всѣ средства для изученія въ естественномъ отношеніи данной области. Если не задаваться широкими программами и не гнаться за мишурой, то такіе музеи могутъ быть весьма легко, т.-е. дешево и скоро, осуществлены и содержимы. Разумѣется, доступъ въ нихъ долженъ быть какъ можно болѣе открытый, и къ содѣйствію въ этомъ дѣлѣ слѣдуетъ привлечь всѣ лучшія силы въ губерніи». Исторія музеевъ въ Россіи свидѣтельствуетъ, что призывъ г. Журавскаго не имѣлъ большого успѣха. Къ числу сторонниковъ мѣстныхъ музеевъ принадлежалъ въ то время молодой ботаникъ Николай Михайловичъ Мартьяновъ. «Глубоко убѣжденный,—сообщаетъ онъ въ своей исторіи Минусинскаго мѣстнаго музея съ 1877 по 1881 г., хранящейся въ рукописи въ музеѣ,—въ необходимости устройства мѣстныхъ музеевъ, я давно уже стремился къ тому, чтобы со своей стороны оказать содѣйствіе этому общеполезному дѣлу основаніемъ хотя бы одного небольшого музея». Только ради этой цѣли Н. М. Мартьяновъ въ 1874 г. соглашается принять мѣсто завѣдывающаго аптекой въ заброшенномъ у подножія Саянъ Минусинскѣ и чуть ли не съ перваго дня принимается за осуществленіе своей мечты. Вскорѣ послѣ пріѣзда онъ сближается съ мѣстными учителями, гг. Сайлотовымъ и Третьяковымъ, совершаетъ совмѣстно съ ними

экскурсіи для собиранія растеній, насѣкомыхъ и минераловъ, при ихъ посредствѣ заводитъ новыя знакомства, какъ, напр., съ умершимъ въ этомъ году Ѳ. Ѳ. Девятовымъ, доставившимъ ему еще въ 1874 г. коллекцію таежныхъ растеній съ р. Ирбы, и мало-по-малу группируетъ вокругъ себя кружокъ лицъ, съ интересомъ и любовью оказывавшихъ ему содѣйствіе въ изученіи края. Къ концу 1874 г. кружкомъ этимъ собрано не менѣе тысячи предметовъ, въ теченіе 1875 г. цифра собранныхъ предметовъ достигаетъ 2500. Кружокъ лицъ, проникшихся важностью этого рода изслѣдованій, съ каждымъ днемъ увеличивается, а вмѣстѣ съ тѣмъ почва для осуществленія мечты Н. М—ча становится все болѣе и болѣе подготовленной. Этому немало способствовало и то, что собранныя коллекціи отправлялись для опредѣленія въ различныя ученыя учрежденія, которыя, получая изъ Минусинска цѣнныя коллекціи, своими авторитетными отзывами поощряли коллекторовъ.

Минусинскій музей.

Въ 1876 г. Мартьяновъ часть собранныхъ коллекцій жертвуетъ Минусинскому приходскому училищу, выражая при этомъ надежду, что эти коллекціи «послужатъ основаніемъ къ устройству въ Минусинскѣ удовлетворяющаго всѣмъ требованіямъ музея, хотя и не въ близкомъ будущемъ», а годъ спустя, 10-го января 1877 г., имъ уже дѣлается заявленіе въ городскую думу объ открытіи музея. Такимъ образомъ то, чего не удалось достигнуть въ Евр. Россіи, нашло себѣ осуществленіе въ далекой Сибири.

Въ первые годы существованія Минусинскаго музея лица, мало знакомыя съ условіями его существованія, могли опасаться, что музей столь же быстро, какъ возникъ, можетъ и заглохнуть, но время показало такую жизнеспособность и такой быстрый ростъ музея, о какихъ не могъ меч-

тать и его основатель. Слѣдующая табличка даетъ наглядное представленіе о ростѣ коллекцій музея:

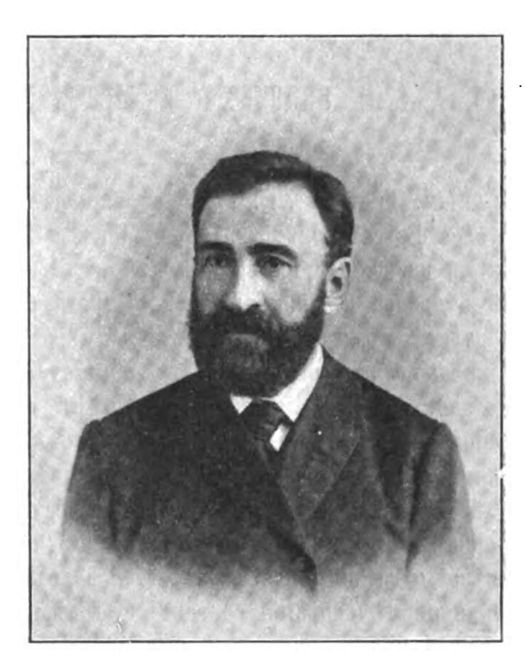
Годы	1877	1882	1887	1892	1897	1901
Количество предметовъ.	1.362	13.216	27.498	38.011	47.808	56.488

Параллельно этому количественному росту расширялись и рамки программы музея. Въ 1877 г. въ музеѣ было всего три отдѣла: естественно-историческій, техническій и этнологическій; въ 1878 г. появляется отдѣлъ учебныхъ пособій и предметовъ не мѣстнаго происхожденія; въ 1879 г. изъ техническаго отдѣла образуются промышленный и сельскохозяйственный; въ 1884 г. изъ этнологическаго—антропологическій и археологическій; въ 1887 г. возникаетъ нумизматическій отдѣлъ; въ 1890 г. изъ педагогическаго выдѣляется образовательный; въ 1894 г. изъ промышленнаго—горно-промышленный; наконецъ, въ 1898 г. изъ антропологическаго—этнографическій.

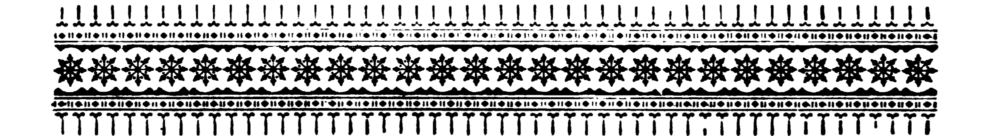
Сопоставляя этотъ быстрый ростъ Минусинскаго музея съ неудачами, постигшими иниціаторовъ подобныхъ учрежденій въ другихъ мѣстностяхъ, мы невольно должны остановиться на вопросѣ объ условіяхъ, столь благопріятствовавшихъ Минусинскому музею. Среди этихъ условій на первомъ мѣстѣ стоитъ личность основателя музея Н. М. Мартьянова, державшагося, по мѣткой характеристикѣ Д. А. Клеменца [1]), слѣдующей чрезвычайно разумной системы дѣйствій: первое правило Мартьянова—«пользоваться всякимъ человѣкомъ, обнаруживающимъ склонность быть полезнымъ музею»; второе—«пользуясь всѣми, быть полезнымъ всѣмъ»; третье—«не спать со своими коллекціями», а посылать ихъ спеціалистамъ для опредѣленія, и, наконецъ, четвертое—«брать и составлять всякія коллекціи, какія можно». Благодаря этой системѣ, музей съ первыхъ же лѣтъ своего существованія сталъ популярнѣйшимъ учрежденіемъ у мѣстнаго населенія, и всѣ, кто чѣмъ могъ, вносили въ него свою лепту: кто предметами, кто матеріальными средствами, кто личнымъ трудомъ и т. д., благодаря чему музей смогъ просуществовать четверть столѣтія безъ всякихъ казенныхъ субсидій. До какой степени популярно это учрежденіе у мѣстнаго населенія, можно судить по тому, какъ празднуетъ это населеніе юбилей своего музея. 11-го сентября 1901 г. Минусинская дума дала иниціативу образованія при музеѣ «неприкосновеннаго капитала имени Н. М. Мартьянова съ назначеніемъ процентовъ съ этого капитала на экскурсіи и печатаніе трудовъ по музею», причемъ сама постановила «отпускать ежегодно по 100 руб. къ процентамъ этого, имѣющаго образоваться, капитала». Эта иниціатива встрѣтила поддержку въ Восточно-Сибирскомъ От-

[1]) „Мѣстные музеи и ихъ значеніе въ провинціальной жизни“, стр. 28.

дѣлѣ и въ Красноярскомъ Подъотдѣлѣ Импер. Рус. Геогр. Общ., и необходимый капиталъ, безъ сомнѣнія, будетъ собранъ. Независимо отъ этого, минусинское Общество попеченія о начальномъ образованіи въ день юбилея (10 января 1902 г.) открыло пріютъ имени Н. М. Мартьянова. Изъ этого видно, что Мартьяновъ сумѣлъ создать новый факторъ преуспѣянія музея—сочувственное отношеніе къ нему общества. Къ этимъ двумъ факторамъ необходимо присоединить третій—въ высшей степени удачный выборъ мѣста для музея. Минусинскъ находится въ центрѣ вполнѣ замкнутаго района, являющагося сокровищницей въ естественно-историческомъ, этнографическомъ, антропологическомъ и въ особенности археологическомъ отношеніи. Узкія рамки статьи не позволяютъ намъ обосновать этого положенія, но цѣлый рядъ авторитетныхъ именъ: Семенова, Радлова, проф. Туменъ, Ядринцева и др., вполнѣ подтверждаетъ это. Чтобы не быть голословнымъ, укажемъ на то, что собранныя въ музеѣ исключительно изъ этого района сокровища послужили матеріаломъ для такихъ трудовъ, какъ «Древности Минусинскаго музея» Д. А. Клеменца, «Каменный вѣкъ въ Минусинскомъ краѣ» И. Т. Савенкова, «О гипсовыхъ погребальныхъ маскахъ и особомъ видѣ трепанаціи череповъ въ курганахъ Минусинскаго округа» К. И. Горощенко, «Курганные черепа Минусинскаго округа» его же, «Этнографическій обзоръ инородческаго населенія долины Южнаго Енисея» Е. К. Яковлева и мн. друг. Въ области современной антропологіи заслуги музея и его основателя давно признаны. Въ будущемъ, по намѣченной комитетомъ музея программѣ, въ антропологическомъ отдѣлѣ музея долженъ быть сосредоточенъ матеріалъ по физіологической, патологической и криминальной антропологіи. Вообще во второмъ 25-лѣтіи музей имѣетъ всѣ шансы сохранить то высокое положеніе, какое занялъ въ первомъ,—положеніе учрежденія, ни на минуту не останавливающагося въ своемъ прогрессивномъ движеніи. Отъ души желаемъ этому полезному учрежденію дальнѣйшихъ успѣховъ.

Н. М. Мартьяновъ.

Фел. Конъ.

О задачахъ и методахъ антропологіи.

Мм. Гг-ни и Мм. Гг.! Антропологическій Отдѣлъ Имп. Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, пользуясь случаемъ, что въ настоящее время открылся въ Москвѣ VIII съѣздъ Общества русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова, и что, слѣдовательно, въ Москвѣ собрались представители врачебнаго сословія со всѣхъ концовъ Россіи, рѣшилъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, чтобы устроить публичное засѣданіе Отдѣла и пригласить въ него всѣхъ желающихъ изъ гг. членовъ съѣзда. Открывая нынѣ это засѣданіе, я прежде всего считаю своимъ пріятнымъ долгомъ привѣтствовать отъ имени Антропологическаго Отдѣла и всего Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи всѣхъ тѣхъ гг. членовъ съѣзда, которые оказали намъ честь своимъ посѣщеніемъ. Затѣмъ, я считаю необходимымъ пояснить, что цѣль нашего сегодняшняго собранія состоитъ не въ томъ, чтобы сообщить вамъ, Мм. Гг., о какихъ-нибудь новыхъ открытіяхъ или вообще представить вашему вниманію что-либо новое. Наша ближайшая задача заключается не въ томъ, чтобы брать на себя смѣлость учить васъ, а скорѣе въ томъ, чтобы поучиться у васъ, чтобы просить вашего содѣйствія, чтобы поговорить о нѣкоторыхъ вопросахъ антропологической науки, для разъясненія коихъ существенно важна ваша помощь, и въ области которой вы можете быть какъ первостепенными собирателями матеріала, такъ и наиболѣе компетентными изслѣдователями. Многіе изъ русскихъ врачей уже заявили себя дѣятельными работниками въ этой области, и можно указать рядъ именъ, которымъ русская антропологія обязана въ значительной степени обогащеніемъ своей литературы. Дѣло идетъ, слѣдовательно, не о чемъ-нибудь новомъ, а о работѣ въ направленіи, уже болѣе или менѣе извѣстномъ гг. врачамъ, и которому они уже немало послужили. Большей частью, однако, это были работы единичныя, исполненныя, какъ, напр., многія диссертаціи, для опредѣленныхъ личныхъ цѣлей. Для пользы и роста науки желательно, чтобы эти наблюденія охватывали болѣе широкіе районы и

распространялись на большія массы населенія, чтобы въ нихъ примѣнялись однородные методы, чтобы они были болѣе систематичны и стояли въ связи съ извѣстнымъ научнымъ центромъ, при посредствѣ котораго могла бы отчасти систематизироваться эта совокупная работа, отчасти получать для себя нужныя указанія, справки, литературныя пособія, инструменты и т. д., который, наконецъ, могъ бы служить отчасти пунктомъ, куда могли бы стекаться соотвѣтственныя наблюденія и изслѣдованія и, по мѣрѣ возможности и средствъ, подвергаться опубликованію. Короче сказать, Антропологическій Отдѣлъ пользуется случаемъ, чтобы заявить гг. врачамъ, работающимъ въ разныхъ районахъ и концахъ Россіи, что въ Москвѣ есть небольшой научный центръ, небольшой кружокъ, который охотно готовъ взять на себя роль нѣкотораго посредника между ними съ одной стороны и русскимъ обществомъ и наукой съ другой, въ томъ смыслѣ, что онъ готовъ оказать возможное по его силамъ содѣйствіе гг. врачамъ, интересующимся или готовымъ интересоваться тѣми или другими антропологическими вопросами, а съ другой стороны—что онъ обращается къ нимъ съ просьбой о содѣйствіи, непосредственно или чрезъ его посредство, дѣлу антропологическаго изученія Россіи, столь недостаточно еще подвинутому, но которое уже обратило на себя вниманіе многихъ ученыхъ Запада, какъ напр., Virchow, Sergi, Ridley и др., и обѣщаетъ, съ умноженіемъ числа работниковъ, еще много новаго и важнаго для антропологической науки.

Медицина и врачъ—два термина, способные быть понимаемыми и въ болѣе узкомъ, и въ болѣе широкомъ смыслѣ. Съ одной стороны, медицина можетъ быть разсматриваема какъ искусство, какъ одинъ изъ высшихъ видовъ ремесла, и врачъ—какъ техникъ, прилагающій извѣстные способы для лѣченія болѣзней. Но уже на примитивной стадіи культуры мы видимъ, что съ понятіемъ о врачѣ соединяется нѣчто большее, чѣмъ о простомъ техникѣ. Примитивный врачъ, это—шаманъ, кудесникъ, знахарь; онъ не только лѣчитъ отъ физическихъ и духовныхъ немощей, онъ — представитель высшаго знанія, къ нему обращаются во всѣхъ затруднительныхъ и важныхъ случаяхъ жизни, онъ—знатокъ жизни по преимуществу, знатокъ силъ природы, онъ обладаетъ способностью подчинять себѣ духовъ міра, сноситься съ божествомъ. Съ развитіемъ культуры, съ дифференціацiей сословій, классовъ, профессій, — врачи, по необходимости, должны были выдѣлиться въ спеціальный видъ техническихъ дѣятелей, но еще долго они были представителями знанія по преимуществу: и въ Тибетѣ среди буддійскихъ ламъ, и въ древней Греціи, и позже въ Европѣ врачи были и выдающимися натуралистами, и не послѣдними изъ философовъ. Да и въ болѣе близкое къ намъ время, съ большимъ развитіемъ и обособленіемъ различныхъ наукъ и искусствъ, ученый врачъ не составлялъ рѣдкости, и этимъ ученымъ врачамъ существенно обязаны были своими успѣхами не только біологія, но и все естествознаніе, и даже нѣкоторыя другія области

вѣдѣнія. Но мощное развитіе наукъ, послѣдовавшее особенно съ половины XIX стол., необходимо должно было вызвать спеціализацію знаній. Отдѣльныя отрасли естествознанія стали развиваться самостоятельно, обособились и разныя отрасли наукъ соціальныхъ. Медицина также должна была спеціализироваться, не только въ ея цѣломъ, но и въ своихъ отдѣлахъ. Отъ этого, однако, связь между медициной и другими науками не только не порвалась, но съ теченіемъ времени стала все болѣе усиливаться и крѣпнуть. Если, съ одной стороны, для достиженія бо̀льшаго совершенства въ извѣстной отрасли медицины врачъ вынужденъ былъ тѣснѣе спеціализироваться, то, съ другой стороны, то же стремленіе къ возможно большему совершенству заставляло его искать себѣ указаній и пособій въ другихъ областяхъ знанія. Успѣхи физики, химіи, біологіи измѣнили коренныиъ образомъ господствовавшія ранѣе понятія, открыли новыя плодотворныя области изученія, повели къ новымъ воззрѣніямъ на жизнь, здоровье, болѣзни, преобразовали всю медицину. И съ теченіемъ времени задача врача все усложнялась, а съ нею росла и его потребность въ знаніяхъ. Если ранѣе задача эта заключалась только въ діагнозѣ болѣзни и въ примѣненіи къ ней, по установившимся методамъ, опредѣленныхъ средствъ пользованія или механическаго воздѣйствія, то съ теченіемъ времени выяснилась необходимость въ пониманіи не только болѣзни, но и больного, являющагося не просто только человѣкомъ, такимъ же, какъ милліоны другихъ, но и представителемъ извѣстнаго типа, расоваго, соціальнаго, профессіональнаго и т. д., несущимъ на себѣ тѣ или иныя черты наслѣдственности, вліяніе особенностей развитія, условій существованія и т. д. Задача врача усложнилась еще тѣмъ, что въ предѣлы ея стало входить не только лѣченіе особей, но и установленіе для нихъ и для цѣлыхъ группъ ихъ обязательныхъ условій здороваго существованія, выработка гигіеническихъ нормъ, оздоровленіе мѣстностей, жилищъ, профессій, предупрежденіе заболѣваній и т. д., короче — вся обширная область знаній, составляющихъ предметъ вѣдѣнія гигіены и санитаріи, а эта область, опирающаяся на широкій циклъ наукъ физико-химическихъ и естественныхъ, тѣсно соприкасается и съ такими отраслями знаній, какъ статистика, политическая экономія, народное хозяйство, соціологія, этнографія и многія другія. Все болѣе и болѣе проникаетъ въ общее сознаніе значеніе врача—въ земскомъ и городскомъ хозяйствѣ, въ фабричномъ и заводскомъ дѣлѣ, въ военномъ, учебномъ, въ уголовномъ и петенціарномъ и во многихъ другихъ, причемъ ему приходится часто разрѣшать или выяснять вопросы существенной важности, касающіеся какъ матеріальнаго и физическаго, такъ и духовнаго и культурнаго существованія и благосостоянія многихъ. Но выясненіе всѣхъ этихъ вопросовъ связано съ пониманіемъ соотвѣтственныхъ условій и вліяній, которое немыслимо безъ достаточнаго знакомства съ различными отраслями знанія, техники, промышленности, права, педагогики, психологіи и т. д.

Если отъ врача справедливо ждутъ указаній и помощи по цѣлому ряду жизненныхъ и важныхъ общественныхъ вопросовъ, то справедливо и то, что современный врачъ обязанъ стоять на сравнительно высокой ступени развитія и знаній, обладать не только спеціальнымъ, но и достаточно широкимъ общимъ научнымъ образованіемъ, чтобы, встрѣчаясь лицомъ къ лицу съ различными вопросами жизни и знанія, быть къ нимъ достаточно приготовленнымъ, достаточно умѣлымъ, чтобы въ нихъ разобраться. Извѣстная максима: Homo sum et nihil humanum a me alienum puto — я человѣкъ и ничто человѣческое мнѣ не чуждо—можетъ быть прилагаема въ особенности къ современному врачу, выдвигаемому развитіемъ культуры на постъ важнаго передового общественнаго дѣятеля.

Въ числѣ различныхъ областей знанія, которыя не могутъ быть чуждыми врачу, занимаетъ извѣстное положеніе и антропологія. Сравнительно недавно обособившаяся, не занявшая еще строго опредѣленнаго мѣста въ циклѣ наукъ, съ которыми должна считаться медицина, она, однако, пріобрѣтаетъ все большее и большее значеніе, какъ область знаній, существенно необходимыхъ для болѣе полнаго и правильнаго пониманія человѣка. Пониманію этому служитъ, какъ извѣстно, обширный циклъ наукъ, изъ коихъ однѣ имѣютъ предметомъ изученія физическую природу человѣка, другія—его психическую или связанную съ психическимъ развитіемъ и дѣятельностью. Къ первымъ относятся: анатомія, физіологія, патологія съ ихъ отдѣлами и вспомогательными дисциплинами, ко вторымъ: психологія и рядъ наукъ соціальныхъ, экономическихъ, историческихъ, филологическихъ, юридическихъ и т. д. Но если послѣднія имѣютъ дѣло по преимуществу съ человѣкомъ коллективнымъ, съ общинами, группами населенія, народами, всѣмъ культурнымъ человѣчествомъ, то предметъ первыхъ составляетъ человѣкъ индивидуальный, человѣческая особь. Изучая отдѣльныя особи, науки эти устанавливаютъ нормы строенія и отправленій человѣка въ здоровомъ и больномъ состояніи и ихъ видоизмѣненій по полу и возрасту. Анатомія, эмбріологія, физіологія, патологія встрѣчаются при этомъ и съ различными уклоненіями отъ нормы, съ разнообразными индивидуальными варіаціями, которыя отмѣчаются ими и принимаются къ свѣдѣнію, но на которыхъ онѣ не имѣютъ возможности спеціально останавливаться, такъ какъ это отвлекало бы ихъ отъ ихъ ближайшихъ задачъ. Въ самомъ дѣлѣ, среди индивидуальныхъ варіацій встрѣчаются и имѣющія болѣе типичный характеръ, распространенныя въ извѣстныхъ географическихъ районахъ, болѣе частыя у однѣхъ народностей, чѣмъ у другихъ, а затѣмъ слѣдуютъ еще болѣе характерныя отличія, свойственныя отдѣльнымъ породамъ человѣчества — неграмъ, папуасамъ, монголамъ, эскимосамъ, готтентотамъ и т. д., короче сказать— многочисленнымъ породамъ или разновидностямъ человѣчества. Предметъ изученія становится настолько обширнымъ и сложнымъ, что по необхо-

димости долженъ быть выдѣленъ въ особую отрасль знаній, за которой и усвоенъ теперь терминъ «антропологія». Задача ея, очевидно, та же, что и вообще т. наз. естественной исторіи, только въ примѣненіи къ человѣку. Объектъ ея—разновидности рода Homo, которыя мы подразумѣваемъ подъ названіями: типъ, раса, порода, и которыя характеризуются совокупностью извѣстныхъ физическихъ или соматическихъ признаковъ и особенностей. Но въ обширномъ смыслѣ въ антропологію входитъ изученіе не однихъ только физическихъ признаковъ; человѣкъ отличается отъ другихъ животныхъ не только формами и строеніемъ своего тѣла, но также — и даже по преимуществу — духовными признаками, даромъ рѣчи, умѣньемъ изготовлять себѣ нужныя для жизни орудія, способностью къ культурѣ, къ соціальному развитію. Въ различныхъ районахъ земной поверхности люди отличаются не только цвѣтомъ кожи, видомъ волосъ, пропорціями тѣла, формой головы и чертами лица, но и своимъ языкомъ, особенностями быта, стадіями культуры, семейнымъ и общественнымъ строемъ. Полная характеристика предполагаетъ знакомство какъ съ физическимъ типомъ, такъ съ языкомъ и бытомъ, но очевидно, что это не тожественные объекты изученія, требующіе различной подготовки со стороны изслѣдователя, а потому долженствующіе по преимуществу изучаться различными группами спеціалистовъ. Отсюда дифференціація антропологіи, понимаемой въ обширномъ смыслѣ, на двѣ главныя отрасли: собственно *антропологію* или антропологію физическую, и *этнологію,* распадающуюся, въ свою очередь, на лингвистику (изучающую языки), т. наз. исторію первобытной культуры, собирающую данныя о менѣе развитыхъ стадіяхъ культуры и старающуюся уяснить себѣ ходъ культурнаго развитія человѣчества, и этногенію, задача которой выяснить связь между различными народами и ихъ послѣдовательное сложеніе и обособленіе. Останавливаясь на первой отрасли—на физической антропологіи, мы должны повторить, что предметъ ея изученія составляютъ различные физическіе типы или расы человѣчества. Человѣкъ не является всюду одинаковымъ по своему виду, сложенію и строенію. Удерживая основные признаки рода Homo, онъ выказываетъ варіаціи въ подробностяхъ ихъ развитія и вообще въ особенностяхъ своего вида и строенія. Особенности эти были извѣстны еще древнимъ египетскимъ и ассирійскимъ художникамъ, которые умѣли схватывать типическія черты разныхъ народовъ на барельефахъ и фрескахъ, изображающихъ побѣды и тріумфы различныхъ властителей, а съ конца XVII в. мы видимъ уже попытки со стороны ученыхъ классифицировать различныя породы человѣчества. Но въ то время свѣдѣнія объ отдаленныхъ народахъ были очень скудны, и многія племена были еще совершенно неизвѣстны. Лишь сравнительно недавно удалось проникнуть изслѣдователямъ вглубь Африки, въ Новую Гвинею, въ средину Ю. Америки и Австраліи; только въ послѣднія десятилѣтія стали соби-

раться болѣе обстоятельныя данныя о многихъ менѣе культурныхъ племенахъ человѣчества. Но и по отношенію къ племенамъ болѣе извѣстнымъ, даже къ народамъ Европы, только въ послѣднее время стали производиться систематическія и точныя наблюденія въ цѣляхъ выясненія ихъ расовыхъ типовъ. Дѣло въ томъ, что такое выясненіе — вещь не легкая и требуетъ массовыхъ наблюденій и детальнаго сравнительнаго изученія. То, что мы называемъ расою, типомъ, есть нѣчто отвлеченное, есть идеалъ, къ которому болѣе или менѣе приближаются отдѣльныя особи. Въ дѣйствительности мы имѣемъ дѣло только съ отдѣльными особями, несущими на себѣ, каждая, индивидуальныя черты, изъ сопоставленія коихъ мы должны еще вывести общій типъ или выдѣлить нѣсколько типовъ, если таковые имѣются. Понятно, что это установленіе типовъ будетъ тѣмъ вѣрнѣе выражать дѣйствительныя отношенія, чѣмъ на бо̀льшую массу особей извѣстной группы, извѣстной части населенія будутъ распространены наши наблюденія и чѣмъ послѣднія будутъ производиться болѣе точнымъ методомъ. Отсюда важность статистическаго метода, цифровыхъ данныхъ, выведенія среднихъ, расположенія данныхъ въ ряды, графическое выраженіе ихъ помощью кривыхъ, діаграммъ, картограммъ и т. п. Но по отношенію къ немногимъ еще районамъ и группамъ населенія мы имѣемъ такія изслѣдованія, а относительно менѣе извѣстныхъ и отдаленныхъ народовъ приходится часто довольствоваться лишь общими впечатлѣніями, полученными болѣе или менѣе опытнымъ наблюдателемъ, или данными, собранными надъ сравнительно небольшимъ числомъ особей. Между тѣмъ наше познаніе человѣческихъ типовъ достигнетъ извѣстной полноты только тогда, когда мы будемъ имѣть представленіе о всемъ разнообразіи расовыхъ типовъ человѣка на земной поверхности, когда, смотря на географическую или этнографическую карту земной суши, мы въ состояніи будемъ мысленно представить себѣ признаки свойственныхъ различнымъ районамъ антропологическихъ типовъ, ихъ географическое распространеніе, распредѣленіе одниxъ среди другихъ, смѣшеніе мѣстами ихъ между собою, вытѣсненіе однихъ другими и т. д. Впрочемъ, для полнаго пониманія варіацій человѣческаго типа и такого знанія еще не достаточно. Исторія свидѣтельствуетъ, что въ теченіе вѣковъ одни народы смѣнялись другими, одни истребляли другихъ, нѣкоторые вымирали, другіе переселялись, смѣшивались между собою и т. д. Многіе, вѣроятно, погибли безслѣдно, но многіе и оставили по себѣ память въ письменныхъ памятникахъ, изображеніяхъ на древнихъ монументахъ, естественныхъ или искусственныхъ мумiяхъ, остаткахъ, сохранившихся въ могилахъ, пещерахъ, отпечаткахъ ихъ тѣлъ въ толщахъ вулканическаго пепла (какъ въ Помпеѣ) и т. д. Правда, остатки эти скудны, но они даютъ иногда нѣкоторыя точки опоры для сужденія о типѣ. Въ древнихъ могилахъ, въ особенности, мы встрѣчаемъ костяки,

черепа, иногда и остатки волосъ, которые позволяютъ прійти къ извѣстнымъ заключеніямъ относительно вида и цвѣта волосъ, формы и величины головы, развитія частей лица у древняго населенія по сравненію съ современнымъ той же области. Идя далѣе вглубь вѣковъ, мы доходимъ, наконецъ, до каменнаго вѣка, до древнѣйшаго его періода, т. наз. палеолитическаго, уходящаго уже въ геологическую древность, въ эпоху, предшествовавшую, въ геологическомъ смыслѣ, современной, когда человѣкъ жилъ въ Европѣ въ состояніи дикаря при иныхъ климатическихъ условіяхъ, чѣмъ нынѣ, когда и окружающія его флора и фауна были иныя. Понятно, что чѣмъ древнѣе эпоха, тѣмъ менѣе отъ нея могло сохраниться, но все-таки за послѣднія 40—50 лѣтъ было добыто немало данныхъ и относительно этой древнѣйшей эпохи, въ томъ числѣ и, скудные правда, остатки самого человѣка, его костяковъ. Между этими остатками нашлись и такіе, которые указываютъ на низшій типъ тогдашняго человѣка; особенно извѣстны въ этомъ отношеніи черепъ изъ Неандертальской пещеры и два черепа изъ пещеры Spy въ Бельгіи. Проф. Швальбе, подвергшій недавно внимательному изученію эти остатки, могъ убѣдиться, что они выказываютъ признаки, переходящіе за предѣлы варіацій у современныхъ людей и оправдывающіе выдѣленіе ихъ въ особый видъ человѣка, отличный отъ Homo sapiens. Эти остатки дали, вмѣстѣ съ тѣмъ, фактическое подтвержденіе теоріи эволюціи въ приложеніи къ человѣку, теоріи, предугадывшейся, какъ извѣстно, Ламаркомъ и другими еще въ первой половинѣ XIX стол., но получившей болѣе прочную опору въ извѣстной теоріи естественнаго отбора Дарвина. Хотя принципъ естественнаго отбора въ борьбѣ за существованіе, указанный Дарвиномъ, и недостаточенъ, можетъ быть, для полнаго уясненія послѣдовательнаго образованія всей совокупности органическихъ формъ, тѣмъ не менѣе, въ самомъ процессѣ эволюціи никто теперь не сомнѣвается, ибо онъ доказывается всѣми данными палеонтологіи, эмбріологіи, сравнительной анатоміи, систематики и т. д. Человѣкъ не могъ избѣгнуть общаго закона; послѣдовательная эволюція его типа изъ животнаго указывается уже анатомическимъ анализомъ его строенія и исторіей его эмбріональнаго развитія, но наибольшее выясненіе она можетъ получить, конечно, изъ палеонтологіи, изъ нахожденія ископаемыхъ остатковъ человѣка и его предшественниковъ. Указанные остатки изъ пещеръ Неандертальской и Spy уже даютъ извѣстные намеки въ этомъ отношеніи, но еще болѣе замѣчательна находка ископаемаго черепа (неполнаго), бедряной кости и двухъ коренныхъ зубовъ, сдѣланная нѣсколько лѣтъ тому назадъ Дюбуа въ пліоценовыхъ отложеніяхъ на о-вѣ Явѣ. Остатки эти—на основаніи ихъ былъ установленъ новый ископаемый типъ, Pithecanthropus erectus — были предметомъ изученія многихъ извѣстныхъ анатомовъ, одни изъ коихъ пришли къ заключенію, что это остатки человѣкоподобной обезьяны, стоявшей

ближе къ человѣку, чѣмъ всѣ современныя, другіе—что это остатки человѣка, только болѣе низшаго типа, чѣмъ всѣ другіе, третьи, наконецъ, что это—переходная форма отъ обезьяны къ человѣку, обособленная какъ отъ него, такъ и обезьянъ, что, повидимому, и должно быть признано наиболѣе вѣроятнымъ заключеніемъ. Въ будущемъ, по всей вѣроятности, отыщутся и другіе остатки этихъ предшественниковъ человѣка, но и найденыхъ уже достаточно для того, чтобы признать, что происхожденіе человѣка относится къ глубокой древности и что эволюція его типа должна была происходить въ теченіе многихъ тысячелѣтій, даже десятковъ тысячъ лѣтъ, чрезъ посредство ряда давно вымершихъ формъ, связывавшихъ его послѣдовательно съ болѣе низкими формами въ зоологической системѣ.

Гдѣ, въ какомъ поясѣ земной поверхности, въ какихъ странахъ происходила эта послѣдовательная эволюція первоначальнаго человѣческаго типа, и чѣмъ она была вызвана, объ этомъ могутъ быть только гаданія или гипотезы; нельзя также сказать утвердительно, является ли все человѣчество потомствомъ одного корня или оно происходитъ отъ нѣсколькихъ, хотя бы и родственныхъ между собою, группъ прародичей. Сходство всѣхъ извѣстныхъ расъ въ основныхъ физическихъ и психическихъ признакахъ и способность всѣхъ ихъ, въ томъ числѣ и наиболѣе обособленныхъ, напр. негра и бѣлаго, къ половому смѣшенію и къ произведенію помѣсей, говорятъ въ пользу того, что всѣ человѣческія разновидности составляютъ варіанты одного и того же вида, но, съ другой стороны, существованіе такого типа, какой представляетъ, напр., неандертальскій черепъ, и довольно рѣзкія различія между типичнымъ негромъ и бѣлымъ, подобныя которымъ если бы были встрѣчены у какой-либо животной формы, навѣрное, вызвали бы пріуроченіе ихъ къ двумъ видамъ, — не лишаютъ совершенно опоры и полигенетической гипотезы. Извѣстно, что въ прежнее время, до Дарвина, многіе серьезные ученые защищали полигенизмъ человѣка, въ отличіе отъ другихъ, державшихся моногенизма, но въ то время господства теоріи постоянства видовъ и отдѣльнаго происхожденія каждаго изъ нихъ это различіе воззрѣній имѣло иной смыслъ. Тогда принималось, что каждый раздѣльнополый видъ былъ созданъ первоначально въ одной парѣ особей, потомство которой и представляютъ всѣ особи этого вида; поэтому споръ между моно- и полигенистами сводился къ тому, произошло ли человѣчество отъ одной пары или отъ нѣсколькихъ. Но теперь мы знаемъ, или по крайней мѣрѣ убѣждены, что происхожденіе видовъ надо представлять себѣ иначе; мы не можемъ понимать его инымъ образомъ, какъ въ смыслѣ постепеннаго измѣненія признаковъ, происходящаго въ извѣстной группѣ особей, причемъ образующіяся варіаціи, если онѣ полезны данному виду или соотвѣтствуютъ условіямъ его существованія и индивидуальнаго развитія, передаются потомству и мало-по-малу закрѣп-

ляются наслѣдственностью. При такомъ пониманіи трудно говорить о происхожденіи отъ одной пары, а приходится представлять себѣ смѣну длиннаго ряда поколѣній, причемъ, конечно, различные признаки появлялись у различныхъ поколѣній въ различныя эпохи, и часть поколѣній подвергалась вымиранію. Критеріемъ вида можетъ служить предѣлъ варіацій; если варіаціи извѣстнаго признака представляютъ послѣдовательный рядъ переходовъ, то, какъ бы ни были широки предѣлы этихъ варіацій, мы не можемъ обособлять ихъ въ разные виды, и только если мы встрѣчаемъ варіацію, переходящую предѣлы измѣнчивости даннаго вида, отдѣляющуюся отъ нихъ явственнымъ промежуткомъ, мы должны выдѣлить ее въ особый видовой типъ, который становится еще прочнѣе обоснованнымъ, если можетъ быть констатированъ на рядѣ особей и если находитъ себѣ подтвержденіе и въ аналогичныхъ уклоненіяхъ другихъ признаковъ.

Уясненіе вопроса о древности и происхожденіи человѣка составляетъ, безспорно, одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ антропологіи, ибо съ нимъ связано болѣе глубокое пониманіе физической и психической природы человѣка. Но ближайшимъ вопросомъ является выясненіе особенностей и предѣловъ измѣнчивости расовыхъ типовъ современнаго человѣчества, прилагая слово «современный» въ геологическомъ смыслѣ, т.-е. включая всѣ разновидности человѣка, современныя и вымершія, признаки которыхъ въ бóльшей или меньшей степени доступны нашему изученію. Чѣмъ полнѣе и точнѣе будутъ наши свѣдѣнія объ этихъ варіяціяхъ, тѣмъ полнѣе и вѣрнѣе будетъ наше представленіе о типѣ человѣка, объ его разнообразіи въ различныхъ районахъ земной поверхности. Но для пониманія этихъ варіацій недостаточно только одного ихъ констатированія; мы должны стремиться къ тому, чтобы уяснить ихъ происхожденіе, не вопросъ—зачѣмъ или почему, который вообще недоступенъ нашему пониманію, а вопросъ—какъ, т.-е. какимъ путемъ, какими вѣроятными послѣдовательными стадіями, подъ какими вліяніями, при какихъ условіяхъ происходитъ образованіе и накопленіе варіацій, передача ихъ по наслѣдству, закрѣпленіе ихъ, видоизмѣненіе типа. Этотъ вопросъ о причинахъ, вызывающихъ образованіе разновидностей, ведущихъ, какъ выражались прежде, къ «вырожденію» типовъ, ставился уже въ концѣ XVIII в., даже еще много ранѣе, за пять вѣковъ до нашей эры, знаменитымъ врачемъ древности Гиппократомъ. Онъ сводилъ ихъ, главнымъ образомъ, къ вліянію географическихъ и климатическихъ условій; позже, къ нимъ стали присоединять вліяніе питанія, образа жизни, занятій, употребленія или неупотребленія органовъ, условій развитія организма, наконецъ, борьбы за существованіе, патологическихъ вліяній, приспособленія къ измѣняющимся условіямъ окружающей среды, естественнаго и полового отбора. Болѣе внимательное наблюденіе показало, что вопросъ этотъ очень сложный и трудный, что, напр., вліяніе климата, проявляющееся иногда въ рѣзкихъ

патологическихъ воздѣйствіяхъ, не способно еще само по себѣ вызывать измѣненіе типа; бѣлый остается бѣлымъ и въ тропической Африкѣ, а негръ—чернымъ и въ умѣренномъ климатѣ Соединенныхъ Штатовъ; китаецъ и еврей сохраняютъ свои расовые признаки въ самыхъ различныхъ зонахъ земного шара. Всюду мы убѣждаемся въ огромной силѣ наслѣдственнности, хотя не можемъ не признать и значенія измѣнчивости, съ которой встрѣчаемся также всюду—во всѣхъ группахъ людей, семейныхъ, родовыхъ, сословныхъ, племенныхъ и т. д. Въ выясненіи взаимодѣйствія этихъ двухъ силъ—наслѣдственности и измѣнчивости — лежитъ ключъ къ пониманію всѣхъ физическихъ и психическихъ варіацій человѣческаго типа, но эти силы, ясныя въ своихъ конечныхъ результатахъ, остаются темными въ своей сущности, въ своемъ молекулярномъ субстратѣ, въ процессѣ своего проявленія. Мы можемъ сопоставлять только извѣстныя условія жизни людей и сравнивать соотвѣтствующія этимъ условіямъ варіаціи типовъ, но часто не можемъ установить никакого опредѣленнаго соотношенія между извѣстными условіями и извѣстными типами; нерѣдко мы встрѣчаемъ почти одинъ и тотъ же типъ при разныхъ условіяхъ существованія и разные типы при одинаковыхъ или весьма сходныхъ условіяхъ быта. Такіе типы, конечно здоровые, при достаточномъ ихъ обособленіи, мы называемъ расовыми, и подразумѣваемъ подъ ними прочно укрѣпленные наслѣдственностью, противостоящіе въ извѣстныхъ предѣлахъ самымъ разнообразнымъ вліяніямъ. Эти типы видоизмѣняются, главнымъ образомъ, смѣшеніемъ между собою, причемъ въ результатѣ получается обыкновенно типъ промежуточный, хотя часто съ явственно выраженнымъ приближеніемъ къ типу болѣе сильнаго производителя.

Несмотря на всѣ трудности вопроса о генезисѣ типовъ, выясненіе его должно составлять, безспорно, одну изъ главныхъ задачъ антропологіи. Болѣе полное выясненіе могли бы дать опыты, производимые систематично въ извѣстныхъ направленіяхъ и цѣляхъ, но такіе опыты, возможные въ примѣненіи, напр., къ домашнимъ животнымъ, у которыхъ, благодаря искусственному подбору, удалось создать, дѣйствительно, типичныя новыя породы, не примѣнимы къ человѣку, и мы ограничены возможностью пользоваться только наблюденіями, и тѣхъ имѣется пока немного, и въ примѣненіи лишь къ небольшому ряду поколѣній. Въ будущемъ, можетъ быть, удастся организовать болѣе систематичныя серіи наблюденій, подобно тому, какъ они проектированы теперь по отношенію къ нѣкоторымъ растительнымъ и животнымъ формамъ, причемъ предполагается вести наблюденія надъ цѣлымъ рядомъ послѣдовательныхъ поколѣній. Конечно, жизни одного человѣка слишкомъ мало для такой серіи наблюденій, и придется организовать ихъ путемъ замѣны одного поколѣнія наблюдателей другимъ, при посредствѣ уже образованной въ Европѣ Ассоціаціи академій, главная цѣль которой и заключается въ томъ, чтобы брать на себя такія наблюденія и

изслѣдованія, которыя превышаютъ силы одного человѣка и даже цѣлаго ученаго Общества и которыя требуютъ участія послѣдовательныхъ поколѣній наблюдателей, передающихъ одни другимъ результаты своихъ работъ. Но пока мы вынуждены довольствоваться наблюденіями въ меньшемъ масштабѣ и меньшей продолжительности, и прежде всего намъ необходимо собрать данныя для характеристики различныхъ антропологическихъ типовъ, встрѣчающихся въ предѣлахъ Россіи, и установить ихъ географическое распредѣленіе. Другими словами, мы должны произвести, если можно такъ выразиться, антропологическую съемку Россіи—до нѣкоторой степени подобно тому, какъ производятся топографическія и геологическія съемки, статистическія обслѣдованія, почвенныя или—и сравненіе будетъ, пожалуй, еще вѣрнѣе,—какъ собираются сѣтью метеорологическихъ станцій наблюденія надъ климатическими элементами, изъ которыхъ потомъ выводятся данныя о климатѣ страны. Представимъ себѣ, что повсюду въ Россіи, въ разныхъ крупныхъ и мелкихъ центрахъ разсѣяны наблюдатели-антропологи, которые собираютъ въ извѣстной системѣ и по извѣстнымъ методамъ данныя о варіаціяхъ типа въ окружающемъ районѣ—о распредѣленіи въ окрестномъ населеніи цвѣтности кожи, волосъ, глазъ, величинъ роста, пропорцій тѣла, формъ головы и лица, морфологическихъ уклоненіяхъ, физіологическихъ и патологическихъ особенностяхъ. Данныя эти, если ихъ наберется порядочное количество, надъ особями одного возраста и пола, могутъ подвергаться разработкѣ, результаты ихъ могутъ наноситься на карту, изображаться въ видѣ діаграммъ, кривыхъ и т. д., и мало-по-малу такимъ путемъ могла бы быть собрана масса данныхъ, можетъ быть, неодинаково полныхъ для различныхъ районовъ, но изъ которыхъ можно было бы все-таки получить достаточно наглядное представленіе о распредѣленіи у насъ различныхъ расовыхъ типовъ, какъ въ средѣ инородцевъ, особенно на окраинахъ Россіи, такъ и въ средѣ русскаго населенія, которое также, въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи, представляетъ варіаціи по преобладанію въ нихъ тѣхъ или иныхъ типовъ роста, комплексіи, формъ головы и т. д. Нѣкоторыя изъ этихъ данныхъ могутъ собираться, какъ это доказываютъ опыты, произведенные въ Зап. Европѣ, наблюдателями и не изъ врачей, но врачи являются, безспорно, наиболѣе компетентными для этой цѣли наблюдателями; притомъ въ большинствѣ случаевъ имъ всего удобнѣе производить такія изслѣдованія, не вызывая какихъ-либо подозрѣній и толковъ. Кромѣ того, они могутъ соединять эти наблюденія съ собираніемъ данныхъ о болѣзненности, тѣлесныхъ недостаткахъ, смертности и т. д. Во многихъ государствахъ Зап. Европы уже произведены подобнаго рода антропологическія съемки по отношенію, по крайней мѣрѣ, къ нѣкоторымъ признакамъ, и въ результатѣ получены любопытныя данныя, которыя можно было нанести на карты и придать имъ наглядность. Укажу, напр., на Германію, Австрію, Швейцарію и Бельгію, въ которыхъ,

при посредствѣ школьныхъ учителей, были собраны данныя о цвѣтѣ волосъ и глазъ надъ 10 милліонами дѣтей, обучающихся въ низшихъ и среднихъ школахъ. Изъ этихъ данныхъ можно было вывести процентъ чистыхъ брюнетовъ, т.-е. съ черными или темнорусыми волосами, темными глазами и смуглой кожей, процентъ чистыхъ блондиновъ—съ бѣлокурыми волосами, голубыми глазами, розоватой кожей, и процентъ смѣшанныхъ типовъ, напр., съ свѣтлорусыми волосами и темными глазами, темнорусыми волосами и сѣрыми глазами и т. д., и показать распредѣленіе этихъ типовъ на картахъ. Вотъ, напр., географическое распредѣленіе темнаго

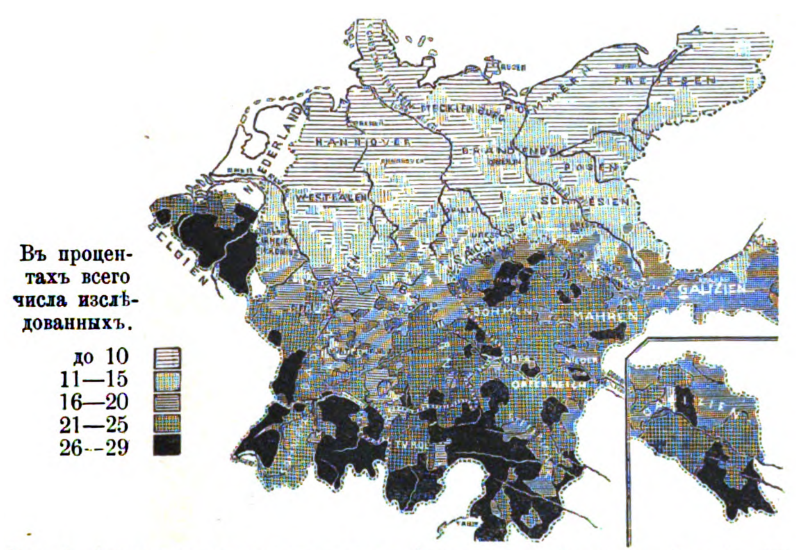

Рис. 1. Относительная частота типовъ брюнетовъ въ Германіи, Бельгіи, Швейцаріи и Австріи (съ Галиціей). По Ранке, на основаніи данныхъ о 10,077,635 дѣтяхъ школьнаго возраста.

типа, брюнетовъ. Различные оттѣнки тушовки изображаютъ различія между провинціями (округами) по относительнсму проценту дѣтей-брюнетовъ, отъ 5—10% (свѣтлые цвѣта) до 26—30% (самые темные). Видно, что брюнеты преобладаютъ на югѣ и на западѣ (Бельгія), а къ сѣверу и востоку процентъ ихъ уменьшается. Кромѣ того, видно, напр., что Швейцарія пересѣкается посрединѣ болѣе свѣтлой меридіональной полосой, тогда какъ къ востоку и западу отъ нея расположены районы съ большимъ процентомъ брюнетовъ, что средина Богеміи темнѣе ея окраинъ и т. д. Если бы взять соотвѣтственную карту распространенія чистыхъ блондиновъ, то можно было бы видѣть обратное распредѣленіе, причемъ въ сѣверной Германіи можно было бы замѣтить наибольшее распространеніе блондиновъ къ сѣверу по рѣкамъ (Вислѣ, Одеру, Эльбѣ) и пр. Цвѣтъ волосъ и глазъ дѣтей не вполнѣ соотвѣтствуетъ цвѣту ихъ у взрослыхъ (волоса и глаза

блондиновъ съ возрастомъ иногда темнѣютъ), и было бы лучше сравнивать распредѣленіе тѣхъ же признаковъ у взрослыхъ. Такія наблюденія и пыталось собрать Берлинское Антропологическое Общество, именно надъ призывными къ исполненію воинской повинности, чрезъ посредство военнаго вѣдомства, но встрѣтило отъ послѣдняго отказъ, и вынуждено было обратиться къ школамъ, т.-е. къ вѣдомству народнаго просвѣщенія, которое оказалось въ этомъ отношеніи болѣе податливымъ. Впрочемъ, если волоса и глаза съ возрастомъ отчасти и темнѣютъ, то распредѣленіе цвѣта ихъ у дѣтей не лишено еще вслѣдствіе этого интереса; напротивъ того, въ дѣтскомъ возрастѣ мы можемъ ожидать большаго процента блондиновъ, указывающаго на нѣкогда большее распространеніе бѣлокурости въ тѣхъ

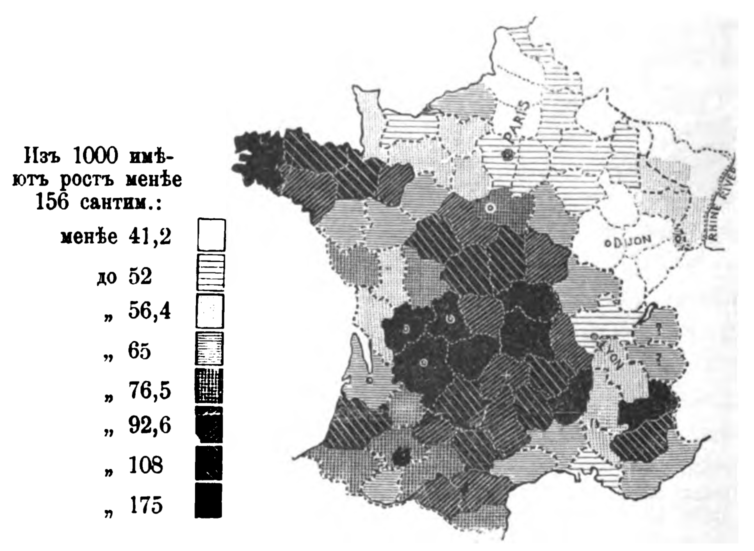

Рис. 2. Распредѣленіе роста мужского населенія во Франціи, по Брока, на основаніи данныхъ о числѣ не принятыхъ въ военную службу за недостаточнымъ ростомъ, въ періодъ времени съ 1831 по 1860 годъ.

же районахъ, тогда какъ типъ брюнетовъ у дѣтей указываетъ уже на прочное укорененіе темной комплекціи въ соотвѣтственномъ населеніи.

Особенно много наблюденій такого рода было собрано во Франціи, гдѣ на основаніи ихъ можно было составить рядъ антропологическихъ картъ. Вотъ, напр., картограмма, составленная Брока и показывающая распредѣленіе во Франціи, по департаментамъ, роста мужского населенія, на основаніи процента непринятыхъ въ военную службу за недостаточнымъ ростомъ, въ періодъ времени съ 1831 по 1860 г. Минимальный предѣлъ роста для принятія въ военную службу составлялъ во Франціи за этотъ періодъ времени 156 сант. (5′2″). Число непринятыхъ варіируетъ по разнымъ департаментамъ отъ 40 (и даже менѣе) до 175 на 1000. Свѣтлые

оттѣнки означаютъ департаменты съ малымъ числомъ малорослыхъ, черные — съ наибольшимъ. Карта показываетъ, что высокорослое населеніе сосредоточено, главнымъ образомъ, въ сѣверо-восточной Франціи и распространяется отсюда по Сенѣ и Ронѣ на югъ до Марсели и Средиземноморского побережья, а съ другой стороны—на западъ по Луарѣ, къ побережью Атлантическаго океана, и по нижнему теченію Гаронны. Малорослые же сосредоточены, главнымъ образомъ, въ срединѣ Франціи, на центральномъ плато, а затѣмъ въ Савойѣ и Бретани. Ища объясненія этимъ фактамъ, Брока нашелъ наиболѣе подходящее въ историческомъ распредѣленіи пле-

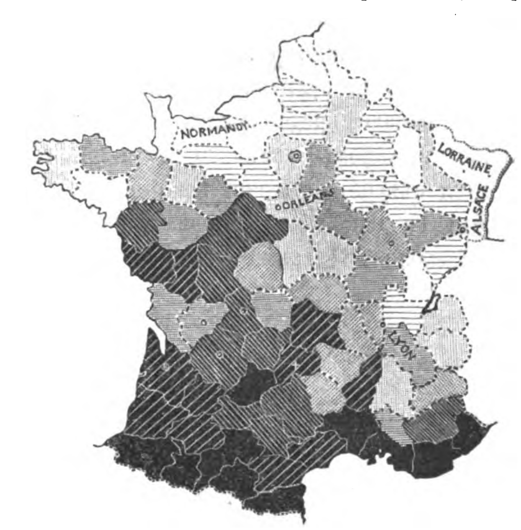
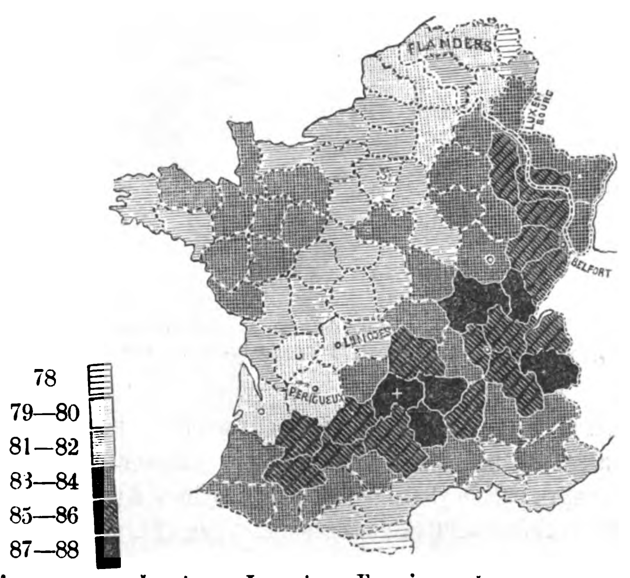

Рис. 3. Карта относительно распредѣленія брюнетовъ во Франціи. По Топинару, 200,000 наблюденій.

ис. 4. Карта распредѣленія во Франціи и Бельгіи цифръ головнаго показателя. По Collignon и Houzé, 16,650 наблюденій.

менъ древней Галліи. По Ю. Цезарю, Галлію населяли: бельги — между Сеной и Рейномъ, кельты – отъ Альповъ до Атлантическаго океана и

аквитаны—между Гаронной, Пиринеями и океаномъ. Впослѣдствіи явились высокорослые германцы (франки), занявшіе, главнымъ образомъ, сѣверо-восточную Францію, а на морскихъ берегахъ и по рѣкамъ распространялись въ разныя времена и другія расы (греки, римляне, норманы и т. д.). Вѣрнѣе, однако, предположить, что на типъ кельтовъ оказалъ значительное вліяніе типъ болѣе древняго населенія этой области, именно иберовъ. Что касается сѣверо-восточной Франціи, то Бертилльонъ могъ установить для многихъ ея департаментовъ два типа средняго роста: одинъ выше 169 сант., другой около 164 сант., что выражается въ двойной вершинѣ соотвѣт-

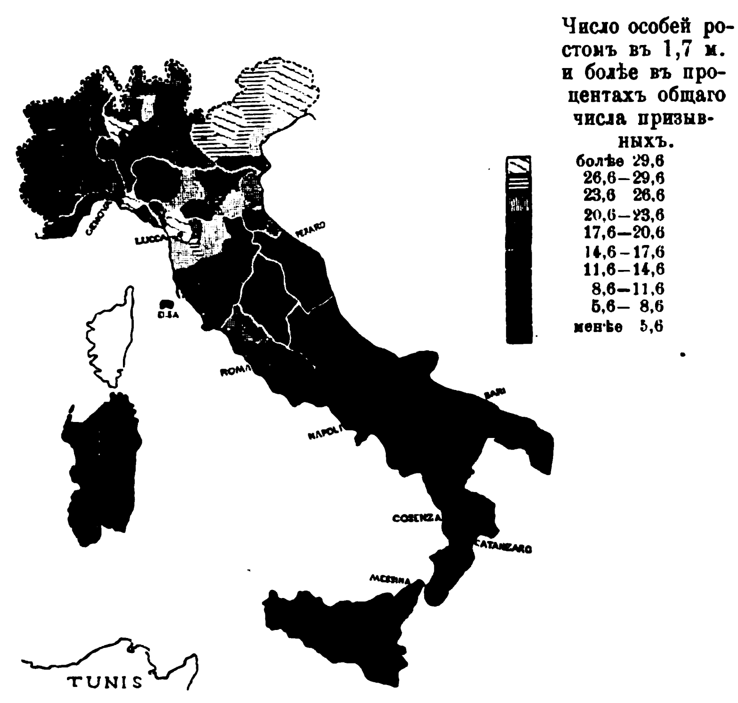

Рис. 5. Относительное распредѣленіе высокорослости въ Италіи особей выше 1,7 метра. По Ливи (1896 г.), 299,355 наблюденій надъ призывными къ воинской повинности.

ственныхъ кривыхъ, которую Бертилльонъ объясняетъ наслоеніемъ здѣсь высокорослаго населенія на сравнительно болѣе малорослое. Для Франціи составлена также карта распредѣленія цвѣтности волосъ и глазъ (на основаніи данныхъ о 200,000 особяхъ). Она показываетъ (рис. 3), что наименьшимъ процентомъ брюнетовъ отличаются сѣверо-восточные (высокорослые) департаменты, также сѣверные (Нормандія), нѣкоторые южные (по Ронѣ), западные нормандскіе и др., тогда какъ брюнеты преобладаютъ на югѣ, по Средиземноморскому побережью, вблизи Пиринеевъ, въ центральной и отчасти западной Франціи. Карта эта рѣзче подчеркиваетъ антропологическое

различіе между сѣверо-восточной и юго-западной Франціей, чѣмъ карта роста. Наконецъ, мы имѣемъ для Франціи и карту (рис. 4) распредѣленія головного

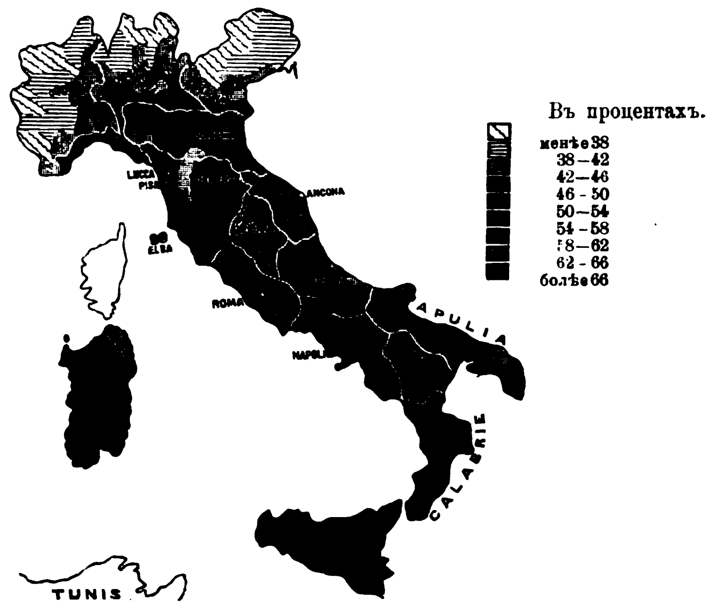

Рис. 6. Относительное распредѣленіе брюнетовъ въ Италіи (всѣ темноволосые типы). По Ливи, 298,860 наблюденій надъ призывными.

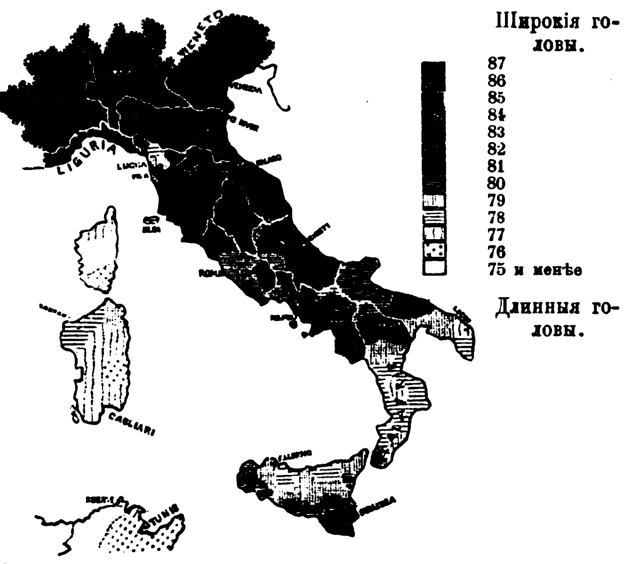

Рис. 7. Распредѣленіе головнаго показателя (въ среднемъ по округамъ), по Ливи; 294,271 наблюд. надъ призывными.

показателя (наибольшей ширины голова), который варіируетъ, по департаментамъ, въ среднемъ, отъ 78 до 88. Карта эта составлена, однако,

только на основаніи данныхъ о $16^1/_2$ тысячахъ особей и потому менѣе убѣдительна. Наиболѣе крупныя цифры показателя (наиболѣе широкія головы) характерны, однако, для южной Франціи, хотя по Средиземноморскому побережью и вдоль Пиринеевъ преобладаютъ меньшія цифры; самыя же меньшія характеризуютъ крайній сѣверо-востокъ и затѣмъ нѣкоторые западные департаменты (Лиможъ, Перигё, устье Гаронны и др.).

Характерное распредѣленіе антропологическихъ признаковъ представляетъ Италія. Что касается роста, то о немъ даетъ понятіе карта Ливи (рис. 5), основанная на 299,355 наблюденіяхъ и показывающая распредѣленіе процента высокорослыхъ призывныхъ (170 сант. и выше). Оказывается, что наибольшее число высокорослыхъ (20—30%) встрѣчается въ Венеціанской области, затѣмъ въ провинціи Лукка, вообще въ сѣверной и средней Италіи, а наименьшее (18—5%)—въ южной Италіи, въ Сициліи и особенно въ Сардиніи. Различіе это объясняется всего естественнѣе различіемъ расъ. На югѣ исторія указываетъ сикуловъ, сардовъ, грековъ, арабовъ и т. д., на сѣверѣ — венедовъ, лигуровъ, этрусковъ, галловъ, позже—германцевъ (лангобардовъ) и т. д. Первые были по преимуществу малорослыми, вторые (сѣверной Италіи)—по преимуществу высокорослые. Это антропологическое различіе между сѣверной и южной Италіей подтверждаетъ до извѣстной степени и карта распредѣленія брюнетовъ (рис. 6), процентъ которыхъ (у призывныхъ) варіируетъ по провинціямъ отъ менѣе 38 до болѣе 66. Наименьшее число брюнетовъ на сѣверѣ — въ Пьемонтѣ, Ломбардіи, Венеціи, наибольшее—на югѣ—въ Сардиніи, Калабріи, Сициліи, Неаполитанской области вообще. Аналогичныя указанія даетъ карта распредѣленія головного показателя (рис. 7), варіирующаго по провинціямъ отъ 87 до 75 и менѣе. Наибольшая брахицефалія – на сѣверѣ, въ Пьемонтѣ, Ломбардіи, Венеціи; слабѣе она въ Лигуріи и средней Италіи и уступаетъ долихоцефаліи на югѣ, особенно въ Калабріи, Сициліи и Сардиніи. Все это взаимно подтверждаетъ различіе расовыхъ типовъ населенія въ предѣлахъ Италіи.

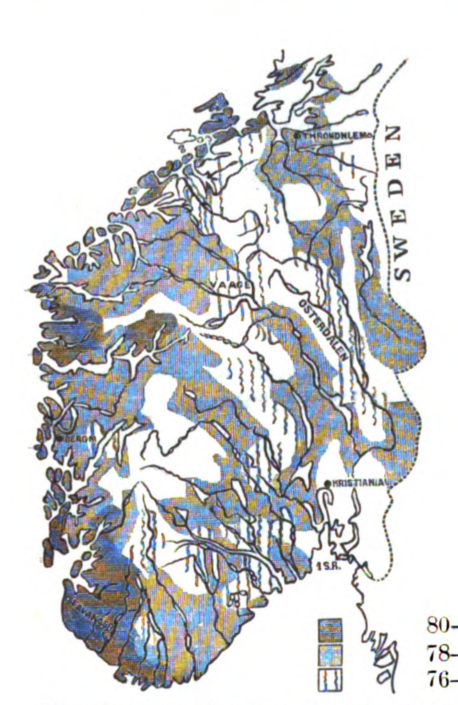

Рис. 8. Распредѣленіе головнаго показателя въ южной Норвегіи. По Arbo (1887); 6000 наблюденій надъ призывными.

Подобныя же картограммы, хотя на основанiи много меньшаго числа наблюденiй, имѣются и для Великобританiи. Ростъ оказывается выше въ Шотландiи, затѣмъ въ Ирландiи; ниже онъ въ Англiи, особенно въ Уэльсѣ и центральныхъ графствахъ. Цвѣтность волосъ и глазъ распредѣляется нѣсколько иначе; наиболѣе чистыхъ брюнетовъ (до 20%) въ Ирландiи, затѣмъ въ западной Шотландiи (Inverness, Argyle и др.), и въ западныхъ графствахъ Англiи (Корнуэль, Пемброкъ, Гламорганъ), тогда какъ ихъ мало въ остальной Шотландiи и въ восточныхъ графствахъ Англiи. Укажу еще на карту (рис. 8), показывающую распредѣленiе головного показателя въ южной Норвегiи (6000 наблюденiй). Здѣсь этотъ показатель варiируетъ по округамъ отъ 76 до 83; долихоцефалы преобладаютъ внутри страны, въ горныхъ мѣстностяхъ, брахицефалы—на приморской окраинѣ. Для Тироля мы

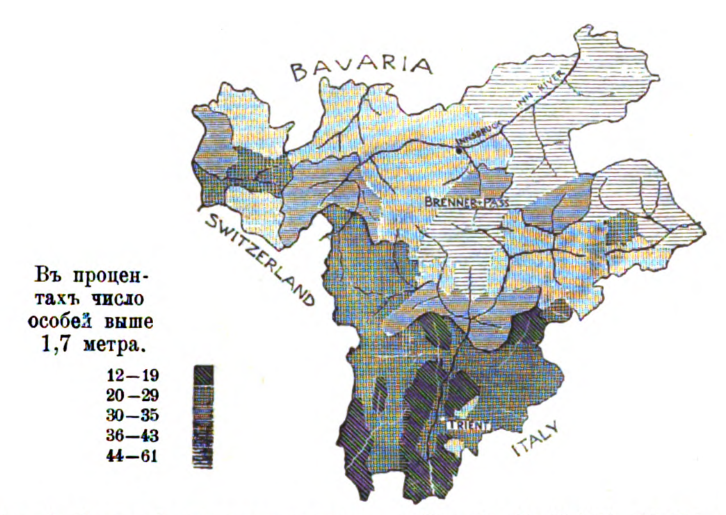

Рис. 9. Распредѣленiе высокорослости въ Тиролѣ. По Toldt', 16,384 наблюденiй надъ призывными.

имѣемъ, между прочимъ, карту распредѣленiя высокорослости (16,000 набл.), т.-е. процента особей съ ростомъ выше 170 сант. Оказывается, что высокорослость идетъ полосой съ сѣвера на югъ, внѣдряясь клиномъ въ долину Эча.

На основанiи данныхъ для отдѣльныхъ европейскихъ странъ были сдѣланы попытки составленiя подобныхъ картограммъ для всей Западной Европы, напр., по отношенiю къ среднему росту, цвѣту волосъ и глазъ, головному показателю, а также установленiя главныхъ расовыхъ типовъ западно - европейскаго населенiя. Чаще принимаютъ три такихъ типа: одинъ—высокорослый, свѣтловолосый, долихоцефальный (типъ германскiй или, какъ его нѣкоторые называютъ, арiйскiй, встрѣчается чаще въ Скандинавiи, Великобританiи, сѣверной Германiи, сѣверо-восточной Францiи);

другой—низкорослый, темноволосый, долихоцефальный (типъ средиземной расы—въ Южной Италіи, Сардиніи, Корсикѣ, Испаніи, мѣстами въ Южн. Франціи, также въ Греціи, Сѣверной Африкѣ и т. д.); третій—высокорослый, большею частью темноволосый и брахицефальный, — ему придаютъ иногда названіе альпійскаго, такъ какъ онъ распространенъ въ областяхъ Альпъ—въ Баваріи, Швейцаріи, Тиролѣ, среди южныхъ и западныхъ славянъ и т. д. Этими тремя типами однако не исчерпываются главныя антропологическія варіаціи въ средѣ западно-европейскаго населенія, и потому нѣкоторые принимаютъ шесть и болѣе основныхъ типовъ.

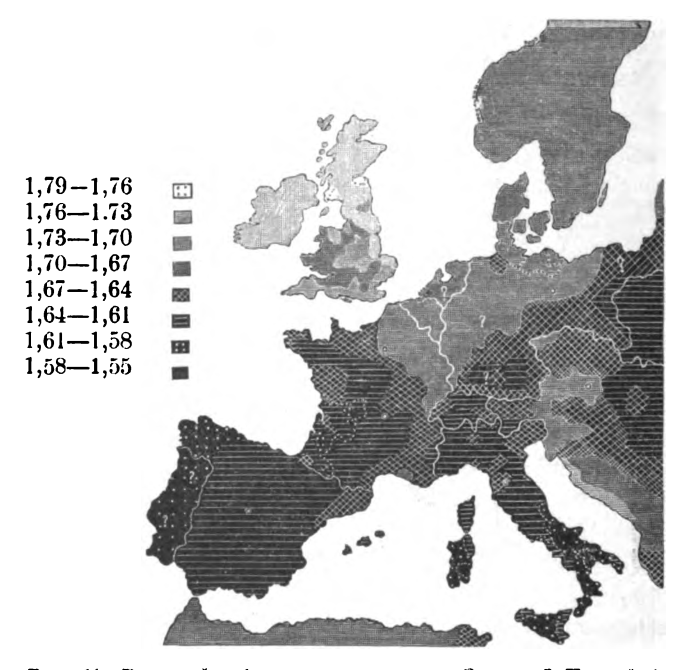

Рис. 10. Распредѣленіе средняго роста въ Западной Европѣ (по Ripley).

Для Россіи мы имѣемъ пока мало подобныхъ данныхъ, а потому не имѣется и соотвѣтственныхъ картъ. Попытки составленія подобныхъ картограммъ для уясненія географическаго распредѣленія роста были сдѣланы мною на основаніи данныхъ о воинской повинности за десять лѣтъ (1874—1883). Я нанесъ на картѣ Европ. Россіи данныя о непринятыхъ за недостаточнымъ ростомъ, процентъ высокорослыхъ новобранцевъ и среднiй ростъ рекрутовъ по губерніямъ, а также средній ростъ принятыхъ въ войска по уѣздамъ. Въ общемъ всѣ эти данныя указываютъ на существованіе у насъ двухъ главныхъ областей высокорослости: на югѣ (въ Малороссіи и Новороссіи) и на западѣ (въ Прибалтійскихъ и отчасти смежныхъ съ ними губерніяхъ); малорослость же распространена наиболѣе на крайнемъ

западѣ (въ Польшѣ) и на сѣверо-востокѣ (въ губерніяхъ, гдѣ наиболѣе сосредоточены финскіе и тюркскіе инородцы). Распредѣленіе по уѣздамъ

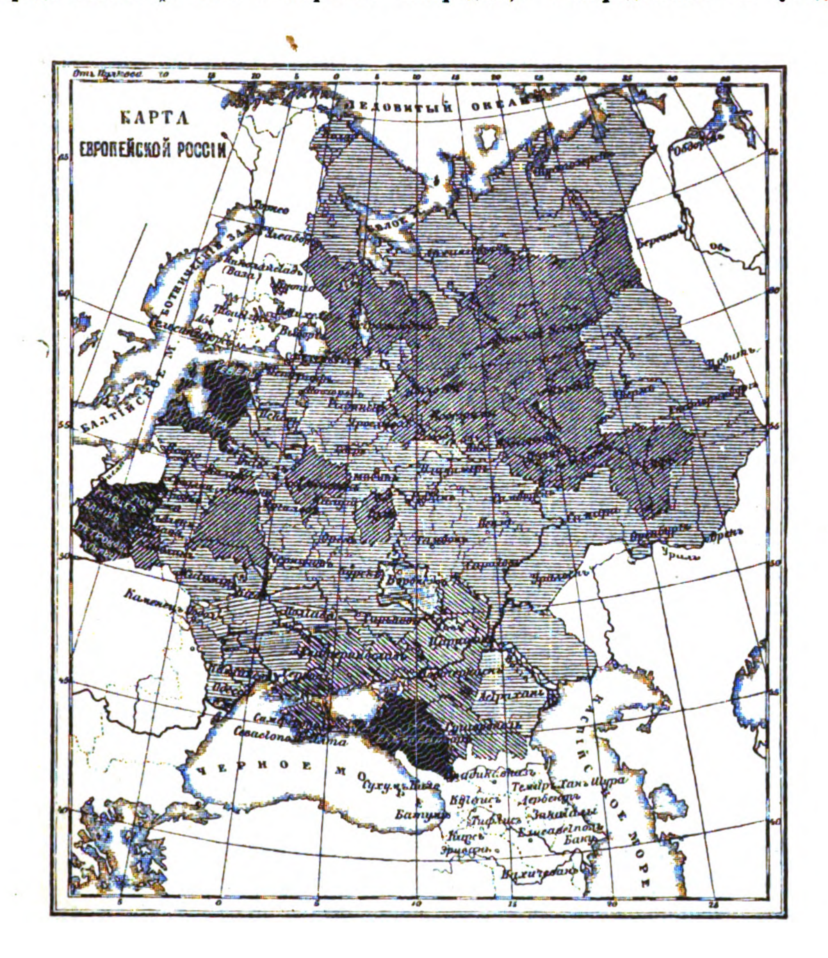
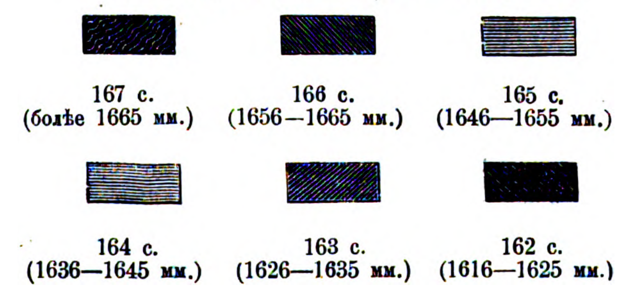

Рис. 11. Средній ростъ рекрутъ по губерніямъ.

вноситъ детальныя поправки и поясненія въ эту картину географическаго распространенія, но иногда также не передаетъ вполнѣ дѣйствительныхъ

отношеній; уѣзды наши оказываются нерѣдко слишкомъ крупными территоріями, и болѣе вѣрное представленіе дало бы распредѣленіе по волостямъ, для чего у меня не было однако данныхъ. Но факты, установленные недавно г. Левицкимъ для Подольскаго уѣзда, Московской губ., показываютъ, что средній ростъ—какъ и коефиціентъ смертности и другія демографическія явленія—можетъ представлять у насъ замѣтныя различія по волостямъ одного и того же уѣзда.

Это ведетъ насъ къ разсмотрѣнію вопроса, насколько расовые типы могутъ считаться стойкими и въ какой мѣрѣ они могутъ измѣняться подъ вліяніемъ разныхъ естественныхъ и искусственныхъ (соціальныхъ) факторовъ. Что касается роста, то вліяніе на среднюю величину его этихъ факторовъ принималось уже давно; во Франціи, напр., еще въ началѣ XIX в. появилась работа Villermé о среднемъ ростѣ конскриптовъ, въ которой была сдѣлана попытка объяснить колебанія роста болѣе или менѣе благопріятными условіями существованія населенія. Попытка эта не оказалась удачною, и большинство послѣдующихъ изслѣдователей стало признавать главнымъ факторомъ величины роста взрослаго населенія во Франціи расу, вліяніе наслѣдственнаго типа. Впрочемъ, въ отдѣльныхъ районахъ, нѣкоторые изслѣдователи допускаютъ и бо́льшее или меньшее вліяніе степени достатка населенія. Такъ, Мануврье, изучая средній ростъ призывныхъ гор. Парижа по округамъ (arrondissements), нашелъ, что варіаціи его стоятъ въ нѣкоторомъ соотвѣтствіи съ бо́льшей или меньшей недостаточностью населенія, критеріемъ которой онъ взялъ процентъ даровыхъ мѣстъ на кладбищахъ. Бѣдные люди въ Парижѣ пользуются правомъ, въ случаѣ, если бѣдность ихъ будетъ надлежащимъ образомъ удостовѣрена, получать даровое мѣсто для могилы, и относительно число такихъ заявленій о бѣдности можетъ служить такимъ образомъ показателемъ послѣдней. О вліяніи на величину роста нѣкоторыхъ профессій говорятъ наблюденія, собранныя уже довольно давно въ этомъ направленіи въ Германіи и Англіи; у насъ въ Россіи извѣстны данныя о рабочихъ на московскихъ фабрикахъ, обработанныя проф. Эрисманомъ. Онъ нашелъ, что ростъ фабричныхъ уступаетъ нѣсколько росту поденщиковъ, и что въ особенности замѣчается пониженіе роста у работающихъ на фабрикахъ, обрабатывающихъ волокнистыя вещества. Этотъ выводъ былъ подтвержденъ д-ромъ Дементьевымъ, который убѣдился, однако, что вліяніе фабрики не можетъ сгладить вліяніе наслѣдственности. Раздѣляя фабричныхъ по ихъ происхожденію, онъ нашелъ, напр., что болѣе высокорослые москвичи превышаютъ по величинѣ средняго роста болѣе низкорослыхъ рязанцевъ, будутъ ли они поденщиками или фабричными. Вліяніе бо́льшаго или меньшаго достатка, степени питанія и т. д. было констатировано въ особенности наблюденіями надъ учащеюся молодежью, которая, въ возрастѣ, напр., 14—20 лѣтъ, оказывается болѣе высокою въ заведеніяхъ, гдѣ воспитываются дѣти бо-

лѣе состоятельныхъ классовъ, чѣмъ въ тѣхъ, гдѣ воспитываются и призрѣваются дѣти малосостоятельныхъ родителей. Это подтверждается многими наблюденіями въ Германіи, Англіи, Соедин. Штатахъ, Италіи, а также въ Россіи, хотя эти наблюденія говорятъ скорѣе въ пользу задержки роста при менѣе благопріятныхъ условіяхъ развитія организма, чѣмъ его уменьшенія. Давно было замѣчено (въ Зап. Европѣ), что при болѣе благопріятныхъ условіяхъ питанія, а отчасти и подъ вліяніемъ жизни въ большихъ городахъ, организмъ развивается скорѣе, и, напр., въ возрастѣ призыва къ воинской повинности горожане, въ среднемъ, оказываются выше сельчанъ; послѣдніе, однако, могутъ позже догнать своихъ городскихъ сверстниковъ, и ко времени полнаго своего развитія даже обогнать ихъ въ величинѣ своего средняго роста. Ростъ населенія можетъ подлежать также нѣкоторому измѣненію съ эпохами. Мы разумѣемъ здѣсь не то, нѣкогда бывшее довольно популярнымъ мнѣніе, что люди въ древности отличались много бóльшимъ ростомъ, чѣмъ современные. Относительно древнихъ грековъ, римлянъ, египтянъ, индусовъ мы имѣемъ убѣдительныя доказательства (въ костякахъ изъ древнихъ могилъ, муміяхъ, въ сохранившемся оружіи, шлемахъ и т. д.), что ростъ ихъ не былъ выше современнаго. Ростъ европейскаго населенія древнѣйшаго каменнаго вѣка (палеолитическаго) былъ, повидимому, даже ниже, чѣмъ позднѣйшаго, неолитическаго. Но у нѣкоторыхъ племенъ, въ извѣстныя эпохи, ростъ, повидимому, былъ выше, чѣмъ у другихъ или чѣмъ у населенія той же области въ позднѣйшую эпоху. Это доказываютъ многія наблюденія надъ костяками изъ древнихъ могилъ Германіи, Франціи, Англіи и Россіи. Впрочемъ, измѣненіе въ величинѣ роста можетъ быть и временнымъ, преходящимъ, какъ это показываютъ наблюденія надъ ростомъ новобранцевъ въ теченіе послѣдовательныхъ десятилѣтій во Франціи и нѣкоторыхъ другихъ странахъ Зап. Европы. Во Франціи, напр., войны Наполеона I, имѣвшія въ результатѣ гибель многихъ рослыхъ и здоровыхъ молодыхъ людей, причемъ еще бóльшее число ихъ было оторвано на долгое время отъ своихъ семей и было лишено возможности вступать въ бракъ, сказались во второй половинѣ 30-хъ и 40-хъ годахъ XIX в. тѣмъ, что средній ростъ конскриптовъ нѣсколько понизился, что процентъ высокорослыхъ сталъ меньше, а процентъ малорослыхъ больше. Мало-по-малу, однако, это неблагопріятное вліяніе стало ослабляться, и variаціи роста приняли свой обычный видъ. Мнѣ удалось констатировать тоже нѣкоторое вліяніе на величину роста у нашихъ новобранцевъ войны 1853—1855 гг. (сказавшееся въ 1874—75 гг.), но также и нѣкоторое уменьшеніе роста для новобранцевъ Евр. Россіи въ 80-хъ годахъ, сравнительно съ 70-ми; послѣднее, можетъ быть, является случайнымъ явленіемъ, а, можетъ быть, указываетъ и на нѣкоторое ухудшеніе условій существованія (желательно было бы прослѣдить эти варіаціи средняго роста въ послѣдующіе годы).

Картограммы являются удобнымъ способомъ для наглядной иллюстраціи географическаго распредѣленія различныхъ антропологическихъ признаковъ, но онѣ не могутъ пояснить предѣлы варіацій извѣстнаго признака въ данной группѣ особей. Для этой послѣдней цѣли могутъ служить кривыя, детально показывающія колебанія, по особямъ, антропометрическихъ данныхъ. Ниже мы приводимъ серіацію (распредѣленіе) по особямъ (въ процентахъ общаго числа) различныхъ величинъ головного показателя въ Италіи (по Ливи, 1896 г.). Внизу діаграммы показаны цифры этого показателя, отъ 69 до 95, съ краевъ — процентъ особей, приходящихся на различныя величины головного индекса. Построены три кривыя: одна,

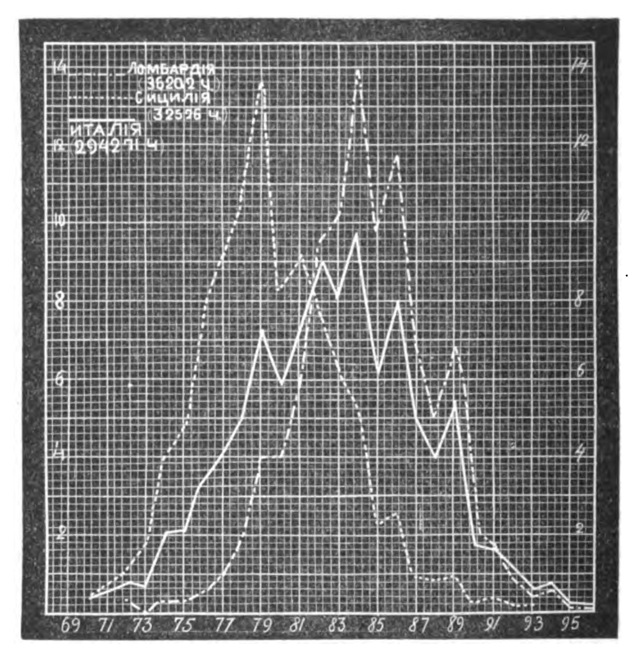

Рис. 12. Кривыя, показывающія серіацію цифръ головнаго показателя для Сициліи, Ломбардіи и всей Италіи (по Ливи).

означенная точечной линіей .... для Сициліи (32,526 особей), другая, очерченная линіей — - — - — для Ломбардіи (36,202 особей) и третья—сплошной чертой ———— для всей Италіи (294,271 чел.). Кривыя для Сициліи имѣютъ вершину (соотвѣтствующую наибольшему числу особей) противъ цифры показателя 79, кривая для Ломбардіи—противъ цифры 84, кривая для всей Италіи—тоже противъ 84. Видно, что въ Сициліи преобладаютъ типы болѣе долихоцефальные, въ Ломбардіи — болѣе брахицефальные; вся же Италія обнимаетъ полную серію типовъ, но съ явственнымъ преобладаніемъ типовъ широкоголовыхъ. Любопытно, что кривая для всей Италіи выказываетъ нѣсколько вершинъ, причемъ одна соотвѣт-

ствуетъ вершинѣ кривой для Сициліи. Это заставляетъ предполагать смѣшанность итальянскаго населенія по головнымъ типамъ и вообще по расѣ; населеніе Сициліи относится къ средиземной расѣ, населеніе Ломбардіи—къ альпійской. Кривая для смѣшаннаго населенія всегда шире, чѣмъ для населенія болѣе чистаго въ антропологическомъ смыслѣ. Ripley сопоставилъ четыре кривыхъ, показывающихъ серіацію черепного показателя на черепахъ баварскаго населенія (1000 чер., по Ранке), черепахъ неолитическаго періода Франціи (688 чер., по Сальмону), черепахъ швейцарцевъ (232, по Колльману) и черепахъ малоазіатскихъ грековъ (179 ч., по Петерсену-Лушану). Наиболѣе гомогенная кривая оказывается

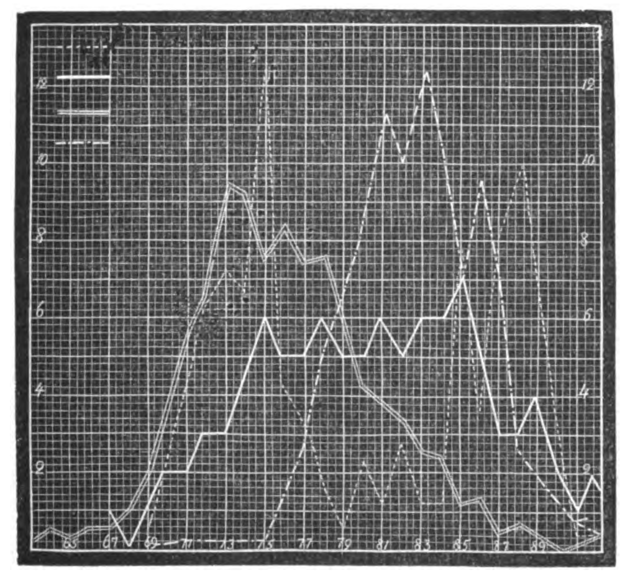

Рис. 13. Кривыя, показывающія серіацію черепнаго показателя въ болѣе чистыхъ и болѣе смѣшанныхъ населеніяхъ. Линіей ------ означена кривая показателя для малоазіатскихъ грековъ (179 чер., по Petersen-Luschan); линіей ——— для швейцарцевъ (232 чер., по Kollmann); линіей ═══ для череповъ неолитическаго періода (688, по Salmon) и —·—·—·— для баварскихъ череповъ (1000, по Ranke).

у баварцевъ; показатель ихъ хотя и варіируетъ въ предѣлахъ 75—91, но у большинства концентрируется на цифрахъ 81—85, съ вершиной на 83, выказывая, впрочемъ, и двѣ меньшихъ вершины—на 81 и 86. Кривая для неолитическихъ череповъ уже шире, захватываетъ индексы отъ 64 до 90, хотя все-таки выказываетъ явственную вершину на 73, съ явственнымъ преобладаніемъ долихоцефальныхъ типовъ (менѣе 78). Но кривая для Швейцаріи указываетъ на значительную смѣшанность населенія; она очень широка (отъ 67 до 91) и не представляетъ явственной вершины (имѣется рядъ вершинъ—на 85, 81, 78, 75). Еще о большей гетерегоненности свидѣтельствуетъ кривая для греческаго населенія Малой

Азіи; въ ней видны двѣ рѣзко обособленныя вершины—одна на 74, другая на 88, что́ указываетъ на присутствіе какъ рѣзко долихоцефальнаго, такъ и крайне брахицефальнаго элемента. Первый элементъ—древнегреческій, эллинскій, второй— аллофильный, чуждый эллинскому по расѣ, но смѣшавшійся съ нимъ и ставшій тожественнымъ по языку. Методъ кривыхъ можетъ быть вообще полезнымъ во многихъ случаяхъ, когда имѣется въ виду выяснить серіацію извѣстнаго признака и большую или меньшую гомогенность извѣстной группы особей въ антропологическомъ отношеніи. Впрочемъ, такое значеніе кривыхъ обусловливается и количествомъ наблюденій; говоря вообще, кривая будетъ тѣмъ вѣрнѣе передавать дѣйствительныя отношенія, чѣмъ на большемъ числѣ данныхъ она построена; при маломъ числѣ данныхъ она можетъ значительно уклоняться отъ истинной для извѣстнаго населенія.

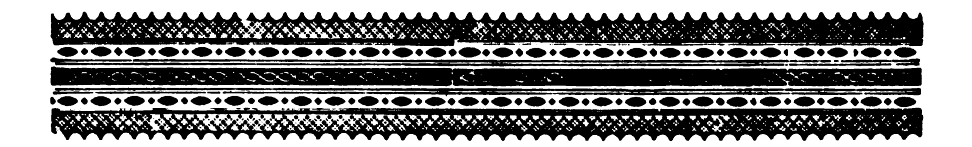
Какъ показываютъ нѣкоторыя наблюденія, съ теченіемъ вѣковъ можетъ измѣняться не только ростъ, но и цвѣтъ волосъ, и форма головы (черепа). Древняя бѣлокурость германцевъ уступила мѣсто бо́льшей темноволосости у современныхъ нѣмцевъ, и долихоцефалія ихъ смѣнилась брахицефаліей у современнаго населенія Германіи. Подобныя же измѣненія произошли и въ Россіи. Въ курганахъ Московской губ. (IX—XI вв., по многимъ признакамъ — славянскихъ) было найдено десятка $1^1/_2$ образцовъ волосъ, которые всѣ (за однимъ исключеніемъ) оказались темнорусыми, указывающими на то, что въ населеніи эпохи кургановъ преобладали брюнеты; въ настоящее время, хотя брюнеты и не составляютъ рѣдкости, въ общемъ типъ населенія болѣе свѣтловолосый. Съ другой стороны, черепа изъ кургановъ выказываютъ явное преобладаніе долихоцефаліи, которая на черепахъ изъ московскихъ кладбищъ XVI—XVII вв. уступаетъ мѣсто брахицефаліи, являющейся еще болѣе выраженною на черепахъ XVIII-го и начала XIX-го вѣка (хотя небольшой процентъ долихоцефаловъ сохранился и въ современномъ населеніи). Это измѣненіе типа съ вѣками объясняли различно: путемъ смѣшенія съ другими народностями (напр., германцевъ со славянами, славянъ съ финнами), послѣдовательнымъ вліяніемъ культуры, вымираніемъ одного типа и размноженіемъ другого и т. д.. Допуская у человѣка вліяніе естественнаго отбора, нѣкоторые изслѣдователи выражали мнѣніе, что наиболѣе дѣятельный и энергичный элементъ населенія могъ чаще гибнуть (въ войнахъ и т. д.), чѣмъ элементъ болѣе пассивный, который могъ поэтому съ теченіемъ времени возрастать въ своей численности. Въ Южной Германіи, напр., германскій пришлый элементъ, нѣкогда господствовавшій надъ основнымъ, кельтскимъ, могъ съ теченіемъ вѣковъ подвергаться вымиранію, тогда какъ кельтскій получилъ численное преобладаніе. Въ пользу такого толкованія говоритъ наблюденіе, что выдающіеся общественные элементы, особи, выдѣляющіяся изъ массы посредственностей, обыкновенно бываютъ

не въ состоянiи упрочить свой типъ въ потомствѣ. Фамилiи римскихъ императоровъ, англiйскихъ и французскихъ пэровъ, знаменитыхъ мыслителей, художниковъ, политическихъ дѣятелей и т. д. большей частью исчезаютъ черезъ одно-два-три поколѣнiя. Это справедливо даже по отношенiю къ горожанамъ вообще; въ Парижѣ, нѣкоторыхъ городахъ Германiи и т. д. изслѣдованiя показали, что лишь очень малый процентъ населенiя происходитъ отъ дѣдовъ, уже родившихся въ городѣ; нѣсколько больше такихъ, дѣды которыхъ явились въ городъ изъ провинцiи; значительно больше происходящихъ отъ отцовъ, поселившихся въ городѣ, и, наконецъ, масса родившихся въ провинцiи и только переселившихся въ городъ. Такимъ образомъ, города, гдѣ нѣкогда сосредоточивалась (да и теперь еще отчасти сосредоточивается) избранная, наиболѣе интеллигентная и дѣятельная часть населенiя, служатъ центрами, привлекающими къ себѣ людей изъ окрестныхъ провинцiй, способствующими ихъ выдѣленiю изъ массы, но и губящими многихъ изъ нихъ и, во всякомъ случаѣ, не гарантирующими ихъ потомство за предѣлами немногихъ поколѣнiй. Мало-по-малу, слѣд., прежнее городское населенiе вымираетъ и смѣняется новымъ, пришлымъ, а это можетъ вести къ существенному измѣненiю его антропологическаго типа.

Города влiяютъ, кромѣ того, на измѣненiе типа и въ другихъ отношенiяхъ. Они служатъ главными разсадниками многихъ болѣзней, алкоголизма, преступности и т. д.; здѣсь происходитъ смѣшенiе различныхъ типовъ, усвоиваются зачатки вырожденiя, дегенерацiи. Въ будущемъ задачею культурнаго человѣчества должно быть болѣе активное вмѣшательство въ процессъ этого измѣненiя типовъ, въ борьбу съ явленiями вырожденiя. Съ развитiемъ просвѣщенiя все болѣе и болѣе сознается необходимость борьбы съ алкоголизмомъ, факторами преступности, условiями, ведущими къ дегенерацiи и т. д. Но появляются голоса, взывающiе и къ болѣе активному вмѣшательству въ этотъ антропологическiй процессъ, хотя такое вмѣшательство и представляется покуда утопiей. Гальтонъ, напр., указалъ недавно на то, что судьба культурнаго человѣчества будетъ существенно зависѣть отъ того, какiе элементы въ немъ получатъ со-временемъ преобладанiе. Если элементы болѣзненные, вырождающiеся, порочные, вялые, лѣнивые, малоспособные, малоинтеллигентные будутъ размножаться сильнѣе, чѣмъ стоящiе выше нормы, то это не сулитъ блага въ будущемъ. Противодѣйствуя, по мѣрѣ возможности, развитiю и размноженiю въ своей средѣ отрицательныхъ элементовъ, культурное общество должно подумать и о томъ, какими бы мѣрами содѣйствовать развитiю, упроченiю, размноженiю элементовъ положительныхъ, всему тому, что выдается выше нормы, типамъ, способнымъ передать потомству выдающiяся умственныя и нравственныя качества. Каждый человѣкъ, выдѣляющiйся своими способностями и качествами надъ массой, если онъ къ

тому же здоровъ и можетъ производить потомство, имѣетъ шансы, въ случаѣ брака съ здоровою, интеллигентною женщиной, оставить по себѣ потомство, которое унаслѣдуетъ, по крайней мѣрѣ, въ части своихъ членовъ, качества своего родителя и въ состояніи будетъ, съ своей стороны, при условіяхъ здороваго физическаго развитія и правильнаго воспитанія, передать тѣ же свойства дальнѣйшимъ потомкамъ. Отсюда необходимость для общества, въ интересахъ собственнаго будущаго, содѣйствовать такимъ выдающимся выше нормы особямъ къ упроченію ихъ типовъ, съ предоставленіемъ имъ возможности основать семью, дать здоровое и подходящее воспитаніе своимъ дѣтямъ и подготовить изъ нихъ будущихъ носителей культуры. Съ умноженіемъ этихъ лучшихъ элементовъ, выказывающихъ гармоническое развитіе тѣла и духа, выдающихся своими способностями, своими умственными и нравственными качествами, тѣсно связанъ истинный прогрессъ культурныхъ націй, и, какъ бы подобныя мечты ни представлялись пока еще утопіей, но рано или поздно человѣчеству придется встать лицомъ къ лицу съ этой задачей — упроченія своихъ лучшихъ типовъ и содѣйствія къ ихъ сохраненію и развитію въ потомствѣ.

Д. Анучинъ.

Значеніе антропологіи въ медицинѣ.

Мм. гг.! Огромный прогрессъ сдѣлали медицинскія науки въ послѣднія десятилѣтія. Успѣшно изучены формы, симптомы и теченіе различныхъ болѣзней. Хорошо разработаны методы распознаванія послѣднихъ. Далѣе, благодаря преимущественно бактеріологіи и гигіенѣ, сдѣланы очень значительные успѣхи по изученію *внѣшнихъ причинъ болѣзней*,—причинъ, лежащихъ въ окружающей человѣка средѣ. Но до самаго послѣдняго времени очень мало изучались *причины заболѣванія, лежащія въ самомъ организмѣ человѣка*, такъ какъ вниманіе изслѣдователей было почти всецѣло отвлечено изученіемъ формъ болѣзненныхъ процессовъ, ихъ симптомовъ, методовъ распознаванія и внѣшней этіологіи. Изслѣдуя уже давно и съ большимъ вниманіемъ вліяніе окружающей человѣка среды на его организмъ, *врачи еще очень мало изучили самого человѣка, окруженнаго этой средой*. Этотъ серьезный пробѣлъ въ медицинѣ является уже почти общепризнаннымъ, и въ послѣдніе годы появился въ русской и иностранной литературѣ рядъ работъ по вопросу о наслѣдственности внутреннихъ, нервныхъ и психическихъ болѣзней и эволюціи болѣзненныхъ процессовъ въ рядахъ поколѣній. Но еще совсѣмъ мало удѣлено врачами вниманія *той роли, какую играютъ расовыя и племенныя особенности человѣческаго организма въ этіологіи болѣзней*. Расовыя и племенныя особенности, передающіяся изъ поколѣнія въ поколѣніе, служатъ очень часто причиной болѣзни при содѣйствіи такихъ внѣшнихъ факторовъ, которые у субъектовъ иной организаціи не вызываютъ обыкновенно никакихъ патологическихъ измѣненій. Вступая на новый путь изслѣдованія причинъ патологическихъ процессовъ, *медицина должна разработать анатомію, физіологію и патологію расъ* и указать, какія анатомическія и физіологическія особенности свойственны чистымъ и смѣшаннымъ расамъ и какіе типы въ смѣшанныхъ расахъ наичаще подвержены или, наоборотъ, иммунны къ тѣмъ или инымъ болѣзнямъ. Отсюда понятно, что при изученіи внутреннихъ причинъ патологическихъ процессовъ врачъ

не можетъ быть не знакомъ съ данными и методами изслѣдованія той науки, предметомъ которой является, между прочимъ, изученіе анатомическихъ, физіологическихъ и патологическихъ особенностей организма у различныхъ расъ и которая носитъ названіе антропологіи.

Наука антропологія должна быть понимаема въ смыслѣ естественной исторіи человѣчества, подобно тому какъ, напр., орнитологія есть естественная исторія птицъ и энтомологія—естественная исторія насѣкомыхъ. Она распадается на два отдѣла: *физическую и психическую антропологію*. Физическая антропологія можетъ быть названа также *соматологіей* человѣческихъ расъ; она изслѣдуетъ морфологическія различія человѣческаго рода и причины возникновенія этихъ различій. Она изучаетъ также физіологію и патологію расъ, но лишь постольку, поскольку физіологическія особенности и извѣстные болѣзненные процессы связаны съ особенностями строенія организма и могутъ такимъ образомъ служить отличительнымъ признакомъ той или иной расы. *Психическая антропологія* занимается изученіемъ психическихъ проявленій отдѣльныхъ человѣческихъ группъ, т.-е. ихъ духовной жизни и ея продуктовъ. Слѣдовательно, она разсматриваетъ человѣка не какъ морфологическую особь, но лишь въ связи съ извѣстной культурной группой, извѣстнымъ обществомъ людей.

Антропологія, представляя собою естественную исторію человѣчества, является, между прочимъ, *дисциплиной, обобщающей многіе важные отдѣлы медицины* и значительно расширяющей кругъ нашихъ свѣдѣній о человѣкѣ. Отсюда понятно ея научное значеніе и та роль, какую она можетъ играть въ общемъ образованіи врача-спеціалиста. «Главная цѣль всѣхъ человѣческихъ знаній,—говоритъ *Virchow*,—заключается въ покоющемся на твердой основѣ естественныхъ наукъ изученіи человѣка во всѣ времена и во всѣхъ проявленіяхъ его жизни», а къ этой цѣли ведетъ насъ антропологія.

Анатомія человѣческаго тѣла, являющаяся основой медицинскихъ знаній, должна представлять собою расовую анатомію, какъ часть физической антропологіи. Въ этомъ смыслѣ и понимаютъ анатомію многіе видные представители этой науки (Waldeyer, Schwalbe и др.). Она должна изучать человѣка такъ, какъ зоологъ изучаетъ животное въ ряду другихъ животныхъ. Вѣдь люди отличаются другъ отъ друга не только по внѣшнимъ признакамъ, но существуетъ разница въ строеніи или, по крайней мѣрѣ, въ относительной величинѣ органовъ тѣла, а вмѣстѣ съ этой разницей существуетъ, конечно, и разнообразіе въ качествѣ и интенсивности физіологическихъ функцій и различная степень иммунности или воспріимчивости къ тѣмъ или инымъ болѣзнямъ. При современномъ состояніи антропологическихъ знаній анатомія не должна ограничиваться изученіемъ и описаніемъ какихъ-то отвлеченныхъ представителей человѣческаго рода, homo sapiens, а изучать ихъ какъ принадле-

жащихъ къ той или другой расѣ, со всѣми присущими расѣ и врожденными особенностями, а также съ особенностями, обусловленными вліяніемъ окружающей природы, качествомъ пищи, условіями совмѣстной жизни, нравами и обычаями, ходомъ культурнаго развитія, общественнымъ положеніемъ, профессіей и пр. Приспособленіе человѣка къ различнымъ условіямъ борьбы за существованіе производитъ въ его тѣлѣ рядъ измѣненій, и эти измѣненія передаются по потомству.

Я не имѣю возможности изложить подробно тѣ данныя, которыя получены по изслѣдованію расовыхъ особенностей въ строеніи и функціяхъ органовъ человѣческаго тѣла. Всѣмъ извѣстно, что, помимо рѣзко бросающагося въ глаза внѣшняго несходства человѣческихъ расъ по цвѣту кожи, по пигментаціи радужной оболочки, формѣ и цвѣту волосъ, очертанію лица и пр., существуютъ значительныя различія въ формѣ, толщинѣ, длинѣ отдѣльныхъ частей скелета, а особенно въ формѣ черепа, которая наиболѣе тщательно изучена и изучается антропологами. Имѣются отдѣльныя указанія на различія въ мышечной системѣ, желудочно-кишечномъ каналѣ, брыжжейкѣ, печени и гортани. Подмѣчены также нѣкоторыя особенности въ строеніи бороздъ и извилинъ мозга, напр., въ недавнее время д-ромъ *Р. Л. Вейнбергомъ* для эстовъ, латышей и поляковъ [1]). Но должно, однако, замѣтить, что имѣющіяся въ настоящее время данныя относительно расовыхъ особенностей многихъ внутреннихъ органовъ, за исключеніемъ костей, еще крайне недостаточны, и потому предстоитъ пополнить въ этомъ отношеніи еще очень значительный пробѣлъ нашихъ знаній. *Необходимо самое подробное изученіе варіацій въ строеніи различныхъ органовъ тѣла* съ цѣлью подмѣтить въ такихъ варіаціяхъ расовые признаки.

Если анатомическія данныя по изученію человѣческихъ расъ требуютъ, какъ мы сказали, очень значительнаго пополненія, то это еще въ большей степени относится къ *расовой физіологіи*, которая въ данное время находится на самыхъ первыхъ ступеняхъ своего развитія. Однакоже относящіяся сюда данныя, хотя и очень малочисленныя, краснорѣчиво убѣждаютъ насъ въ томъ, что врачъ, который приступитъ къ научной разработкѣ нѣкоторыхъ вопросовъ изъ этой области, возьметъ на себя очень благодарный трудъ. Такъ, *Гульдъ* и *Бакстеръ* [2]), основываясь на американской военной статистикѣ, доказали, что представители бѣлыхъ расъ превосходятъ негровъ и индѣйцевъ прижизненной вмѣстимостью легкихъ. Такое явленіе стоитъ, какъ предполагаютъ, въ связи съ большей энергіей обмѣна веществъ и большимъ развитіемъ силы у бѣлыхъ.

---

[1]) *Р. Л. Вейнбергъ*. Das Gehirn der Letten. Cassel, 1896. О строеніи большого мозга у эстовъ, латышей и поляковъ. „Труды Антр. Отд.“, т. XIX. Эсты. „Рус. Антр. Журн.“ 1901 г., кн. VII—VIII.

[2]) *І. Ранке*. Человѣкъ, т. I., стр. 258 и 288.

Частота ударовъ пульса также не одинакова у разныхъ расъ. *Гульдъ* даетъ въ этомъ отношенiи слѣдующiя среднiя величины:

у мулатовъ	около	77	ударовъ	въ	минуту.
„ индѣйцевъ	„	76	„	„	„
„ бѣлыхъ	„	75	„	„	„
„ негровъ	„	74	„	„	„

У нѣкоторыхъ народовъ тропическихъ странъ *Jousset* [1]) отмѣчаетъ меньшую, по сравненiю съ европейцами, вмѣстимость легкихъ, большую частоту дыханiй, малый объемъ груди, болѣе слабо выраженный типъ брюшного дыханiя, большую частоту и меньшее напряженiе пульса. Вмѣстѣ съ такими особенностями констатируется слабость мускульной силы, уменьшенiе мочеотдѣленiя и увеличенiе отдѣленiя пота. Однако, еще не достаточно выяснено, поскольку наблюдаемыя *Jousset* явленiя зависятъ отъ климата и географическихъ условiй и поскольку они дѣйствительно составляютъ расовую особенность. Вышеприведенныя данныя *Гульда* болѣе цѣнны для насъ въ смыслѣ доказательства расовыхъ различiй въ физiологическихъ функцiяхъ организма, такъ какъ эти данныя основаны на изслѣдованiи очень большого числа индивидуумовъ, приблизительно одного возраста и находившихся въ одинаковыхъ условiяхъ жизни.

Что касается до важнаго вопроса о составѣ крови, то въ этомъ отношенiи не имѣется еще достаточно убѣдительныхъ наблюденiй и изслѣдованiй. Но одинъ изъ самыхъ видныхъ авторитетовъ въ области антропологiи, проф. *Ranke*, считаетъ вполнѣ достовѣрнымъ, что кровь, подъ влiянiемъ различiя климата и географическихъ условiй и особенно подъ влiянiемъ различiй общеупотребительнаго питанiя, должна представлять разницу въ своемъ химико-морфологическомъ составѣ.

По отношенiю къ расовой физiологiи нервной системы интересенъ тотъ фактъ, что у нѣкоторыхъ народовъ, напр. негровъ, существуетъ значительно меньшая, по сравненiю съ бѣлыми, болевая чувствительность. Эта особенность констатирована на основанiи точныхъ изслѣдованiй и хорошо извѣстна тѣмъ хирургамъ, которымъ приходилось производить операцiи неграмъ. Послѣднiе легко и почти безропотно переносятъ самыя тяжелыя операцiи.

Необходимо отмѣтить также менѣе тонкое развитiе зрѣнiя, слуха и обонянiя у нѣкоторыхъ т. наз. низшихъ расъ.

Многiе народы не различаютъ нѣкоторыхъ цвѣтовъ спектра. Такъ, напр., арабы употребляютъ слова: черный, зеленый и бурый, какъ синонимы. Корейцы не различаютъ зеленаго и голубого, называя эти цвѣта

[1]) *Jousset A.* Traité de l'acclimatiment et de acclilimatation. Paris, 1884.

однимъ словомъ «pehurada». Племя бонго, обитающее въ Центр. Африкѣ, употребляетъ для чернаго, голубого и зеленаго цвѣта также одно слово—«Kamakulutsch». У этого племени цвѣтовая скала состоитъ изъ трехъ цвѣтовъ: чернаго, краснаго и бѣлаго.

Должно замѣтить, что при указанныхъ особенностяхъ многимъ дикарямъ свойственна необыкновенная острота зрѣнія и слуха, позволяющая дикарю различать детально очень отдаленные предметы и слышать отчетливо самый слабый шумъ, совершенно недоступный уху европейца; однако, гармоническія сочетанія звуковъ, красокъ и тоновъ мало доступны дикарю.

Коснувшись вопроса объ анатомо-физіологическихъ особенностяхъ у разныхъ представителей человѣческаго рода, я не могу пройти молчаніемъ того интереснаго и поучительнаго факта, что *значительныя различія въ строеніи отдѣльныхъ частей тѣла могутъ имѣть мѣсто даже тогда, когда данныя части представляются для невооруженнаго глаза совершенно сходными*. Я имѣю въ виду то существенное расовое различіе, которое наблюдается въ строеніи человѣческихъ волосъ. Возьмемъ для примѣра, съ одной стороны, прямой или гладкій черный волосъ съ головы монгола, а съ другой—прямой же и черный головной волосъ великорусса. Изслѣдованіе покажетъ, что у монгола форма поперечнаго разрѣза волоса представляется почти круглой или широкоовальной, причемъ короткій діаметръ овала относится къ длинному, какъ 80—90 : 100. У великорусса же поперечный разрѣзъ головного волоса имѣетъ форму вытянутаго овала, короткій діаметръ котораго относится къ длинному, какъ 61—71 : 100. Въ волосахъ монгола зерна пигмента нѣсколько крупнѣе, чѣмъ въ волосахъ великорусса, и, кромѣ того, головной волосъ великорусса въ среднемъ нѣсколько тоньше волоса монгола. Возьмемъ для сравненія еще два одинаковыхъ по цвѣту волоса: рыжій головной волосъ араба и рыжій волосъ великорусса. Въ рыжемъ волосѣ араба я наблюдалъ лично, что зернистый пигментъ расположенъ преимущественно въ центральныхъ частяхъ корковаго вещества, а въ волосахъ великорусса—въ периферическихъ частяхъ этого вещества.

Быть можетъ, нѣчто подобное тому, что мы наблюдаемъ въ волосахъ, существуетъ и въ тѣхъ или другихъ внутреннихъ органахъ, т.-е., быть можетъ, при полномъ внѣшнемъ сходствѣ имѣется болѣе или менѣе значительное различіе въ гистологическомъ строеніи. Но въ этомъ отношеніи антропологія еще не даетъ намъ должнаго отвѣта и открываетъ лишь широкое поле для научныхъ изслѣдованій.

Считаю нужнымъ отмѣтить кстати *ту важную роль, какую могутъ играть волосы въ дѣлѣ изученія типа первобытнаго доисторическаго населенія различныхъ мѣстъ земного шара*, такъ какъ они сохраняются вмѣстѣ съ костями въ теченіе столѣтій и даже тысячелѣтій зары-

тыми въ землю, напр. въ могильникахъ и курганахъ. Я нашелъ, что по внѣшнему виду курганныхъ волосъ нельзя давать заключенія объ ихъ первоначальномъ цвѣтѣ, такъ какъ послѣдній можетъ значительно измѣниться подъ вліяніемъ химическихъ и физическихъ агентовъ; причемъ большей частью измѣняется не пигментъ, который вообще отличается необыкновенно большой стойкостью, а роговая субстанція волоса, которая принимаетъ желтый, коричневый или грязно-бурый цвѣтъ. Благодаря такому измѣненію рогового вещества, черные волосы могутъ посвѣтлѣть, а свѣтлые—потемнѣть. Лишь одно гистологическое изслѣдованіе волосъ на поперечныхъ разрѣзахъ даетъ намъ возможность опредѣлить съ положительностью или съ большей или меньшей вѣроятностью первоначальный цвѣтъ волосъ, а именно по густотѣ, цвѣту, расположенію зернистаго пигмента и нѣкоторымъ другимъ его свойствамъ. Изучая волосы изъ кургановъ средней Россіи, я нашелъ [1]), что курганное населеніе было темноволосое. Это обстоятельство противорѣчитъ очень распространенному мнѣнію, что наши предки-славяне были свѣтловолосые, и подтверждаетъ, наоборотъ, мнѣніе нѣкоторыхъ антропологовъ и въ томъ числѣ нашего сочлена по Антропологическому Отдѣлу д-ра *В. В. Воробьева* [2]), что праславянинъ имѣлъ, по всей вѣроятности, темные волосы.

Сдѣлавши краткій обзоръ нѣкоторыхъ данныхъ по вопросу объ анатомо-физіологическихъ расовыхъ различіяхъ, мы коснемся теперь *расовой патологіи*. Нужно сказать, что въ этомъ отношеніи мы имѣемъ гораздо больше данныхъ, чѣмъ по физіологіи расъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что у разныхъ человѣческихъ группъ, смотря по ихъ расовымъ особенностямъ, существуетъ различная степень иммунности или предрасположенности къ тѣмъ или инымъ патологическимъ процессамъ, подобно тому, какъ это мы наблюдаемъ въ мірѣ животныхъ. Извѣстно вѣдь, что одни виды животныхъ легко поражаются такими болѣзнями, къ которымъ другіе виды оказываютъ полную или относительную иммунность. Изученіе расовыхъ особенностей въ патологіи представляетъ многочисленныя затрудненія въ виду, во-первыхъ, невозможности исключить другіе факторы, которые сами по себѣ могутъ играть существенную роль въ этіологіи болѣзней, какъ-то: условій жизни, климата, питанія, а во-вторыхъ,—вслѣдствіе недостатка обширныхъ и повсемѣстныхъ медико-статистическихъ изслѣдованій. Вслѣдствіе этихъ причинъ мы встрѣчаемъ нерѣдко самыя противорѣчивыя мнѣнія по данному вопросу. Такъ, напр., нѣкоторые авторы считаютъ негровъ вполнѣ иммунными къ маляріи; другіе же говорятъ, что негры одинаково

---

[1]) Новыя данныя по изслѣдованію волосъ изъ древнихъ могилъ и отъ мумій. О цвѣтѣ и формѣ волосъ изъ кургановъ средней Россіи. „Тр. Антр. Отд.", т. XIX.

[2]) *В. В. Воробьевъ*. Великоруссы „Рус. Антр. Журн.", 1900, кн. I.

съ европейцами подвергаются этой болѣзни. Однако же, на основаніи имѣющихся данныхъ, слѣдуетъ полагать, что истина находится на срединѣ, какъ это часто оказывается при существованіи двухъ противоположныхъ мнѣній. Если малярія и встрѣчается между неграми, живущими на своей родинѣ, т.-е. въ тропическихъ странахъ, то гораздо рѣже, чѣмъ у европейцевъ, и переносится ими въ общемъ гораздо легче, чѣмъ европейцами. По переселеніи же въ болѣе холодныя страны, при рѣзкой перемѣнѣ всѣхъ условій жизни, негры теряютъ понемногу свою иммунность. Европейцы же, попавшіе въ тропическія страны на мѣста, населенныя неграми, несравненно чаще послѣднихъ подвергаются маляріи и въ болѣе тяжелыхъ формахъ.

Интересно, что *степень воспріимчивости къ маляріи у разныхъ типовъ бѣлой расы различна*. По *Buschan'у* [1]) наиболѣе воспріимчивыми къ этой болѣзни оказываются шведы и норвежцы; нѣсколько менѣе ихъ воспріимчивы нѣмцы и голландцы, еще менѣе—англосаксы, затѣмъ идутъ французы, жители Мальты, итальянцы и испанцы.

Монгольская раса, повидимому, сравнительно мало воспріимчива къ маляріи и туберкулезу.

Евреи, по нѣкоторымъ показаніямъ, рѣже поражаются чумой, маляріей и тифомъ; но зато, какъ извѣстно, особенно предрасположены къ нервнымъ и душевнымъ болѣзнямъ и чаще другихъ страдаютъ діабетомъ. Статистика показываетъ, что смертность отъ діабета у евреевъ въ 3—6 разъ превышаетъ смертность отъ этой болѣзни у другихъ расъ. Данныя, имѣющіяся по вопросу о заболѣваемости евреевъ нервными и психическими болѣзнями, убѣждаютъ насъ въ томъ, что ни особыми условіями жизни, ни общественнымъ положеніемъ, ни браками съ ближними родственниками нельзя объяснить всецѣло необыкновенную частоту заболѣванія. Если тѣ или иныя условія жизни евреевъ и не могутъ быть исключены изъ числа этіологическихъ факторовъ, то во всякомъ случаѣ они не играютъ доминирующей въ этомъ отношеніи роли, *и въ частыхъ случаяхъ заболѣванія нервными и душевными болѣзнями нужно видѣть прежде всего расовую особенность евреевъ*. *Ziemssen* [2]), *Blanchard* [3]) и особенно *Charcot* [4]) указываютъ, что ни одна раса не доставляетъ столь большого матеріала по невропатологіи, какъ еврейская. Статистическія данныя разныхъ странъ Европы указываютъ намъ, что число страдающихъ психическими болѣзнями евреевъ до 4—6 разъ превышаетъ число больныхъ у другихъ расъ. Изъ формъ психическихъ болѣзней чаще другихъ имѣетъ

[1]) *G. Buschan*. Einfluss der Rasse auf die Häufigkeit und die Formen der Geistes-und Nervenkrankheiten. „Allgem. Medicin. Central-Zeitung", 1897, № 9.

[2]) *Ziemssen*. Die Neurastenie, 1887, стр. 5.

[3]) *Blanchard*. „Bull. de la Soc. d'Anthropol. de Paris".

[4]) *Charcot* (нѣмецк. изд.). Poliklinische Vorträge. Wien, 1893, стр. 402 и 471.

мѣсто, повидимому, манія. Tabes встрѣчается у евреевъ много рѣже, чѣмъ у другихъ расъ (Миноръ, Stembo, Gajkiewitcz [1]).

По отношенію къ психическимъ заболѣваніямъ у *европейскихъ народовъ* отмѣчено, что народы, принадлежащіе къ скандинавско-германской группѣ, т.-е. представители свѣтлаго типа, чаще всего поражаются депрессивными формами психозовъ. У народовъ же кельто-романской группы и славянъ, т.-е. темноволосаго типа, наичаще встрѣчаются маніакальныя формы психозовъ (*Bannister* и *Hektoen*). У нѣмцевъ и шведовъ меланхолія наблюдается много чаще, чѣмъ манія. У датчанъ и норвежцевъ, по даннымъ *Bannister'a* и *Hektoen'a* [2]), меланхолія встрѣчается въ два раза чаще, чѣмъ манія. Въ Вост. Германіи, гдѣ славянскій элементъ преобладаетъ, меланхолія и манія, по статистикѣ психіатрическихъ заведеній, встрѣчаются приблизительно въ одинаковыхъ количествахъ или же послѣдняя чаще, чѣмъ первая.

Въ связи съ указаннымъ преобладаніемъ у германско-скандинавской группы меланхоліи, а у кельто-романовъ и славянъ маніи, повидимому, находится неодинаковая частота самоубійствъ у этихъ народовъ. По статистикѣ *James Weir'a* (у *Buschan'a*), съ 1880 по 1893 г., оказывается, что на одинъ милліонъ населенія у германско-скандинавской группы, т.-е. у представителей свѣтловолосаго типа, приходится *116* самоубійствъ ежегодно, а у кельто-романовъ, т.-е. представителей низкорослой темноволосой европейской расы, только *48* на одинъ милліонъ, слѣдовательно, почти въ два съ половиною раза меньше. Къ подобнымъ же выводамъ пришелъ и *Hovelacque*. Извѣстно далѣе, что въ тѣхъ мѣстахъ Австріи, гдѣ преобладаетъ нѣмецкое населеніе, самоубійства встрѣчаются много чаще, чѣмъ въ мѣстахъ съ преобладающимъ славянскимъ или венгерскимъ населеніемъ. Наименьшій % самоубійствъ отмѣчается у южно-европейскихъ народовъ. Такъ, напр., въ Италіи на одинъ милліонъ приходится 40, а въ Испаніи 35 случаевъ самоубійствъ въ годъ, т.-е. значительно меньше, чѣмъ въ Германіи, гдѣ на одинъ милліонъ приходится 271 случай самоубійства. Замѣчательно также, что въ южныхъ провинціяхъ Италіи—Апуліи и Калабріи, гдѣ преобладаетъ кельто-романское населеніе, на одинъ милліонъ жителей бываетъ *17 — 33* случая самоубійствъ, а въ сѣверныхъ провинціяхъ, какъ, напр., Ломбардіи и Венеціи, гдѣ въ значительномъ количествѣ живутъ представители германской группы,—около *65—66* случаевъ, т.-е. по крайней мѣрѣ вдвое больше, чѣмъ въ южныхъ провинціяхъ.

Относительно заболѣванія нервными и психическими болѣзнями у другихъ расъ, какъ-то: у монголовъ, негровъ и др., наши свѣдѣнія еще очень невелики. Имѣются, напр., указанія, что японцы болѣе предраспо-

[1]) *Gajkiewitz*. Syphilis du systéme nerveux. Paris, 1892, стр. 158.
[2]) У Buschan'a, l. cit., стр. 4.

ложены къ маніакальнымъ формамъ психическихъ разстройствъ. У остяковъ, самоѣдовъ, тунгусовъ, бурятъ, якутовъ и камчадаловъ наблюдается болѣзненная пугливость, сопровождаемая приступами неистовства. У качинцевъ, по *Палласу*, особенно часты менструальные психозы. Имѣются также указанія на своеобразныя психическія разстройства у малайцевъ и жителей Явы и Суматры; но требуются дальнѣйшія повѣрочныя наблюденія для выясненія связи подобныхъ психозовъ съ расовыми особенностями.

Какъ бы ни были еще малочисленны, отрывочны и во многихъ отношеніяхъ не полны данныя объ анатомическихъ, физіологическихъ особенностяхъ человѣческаго рода, объ его иммунности и предрасположенности къ болѣзнямъ, эти данныя все-таки вполнѣ достаточны для убѣжденія насъ въ томъ, что въ этіологіи болѣзней, помимо различныхъ внѣшнихъ факторовъ, играютъ несомнѣнно очень важную роль расовыя особенности организаціи и функцій человѣческаго тѣла. Эти особенности должны быть предметомъ дальнѣйшихъ наблюденій и изслѣдованій.

Быть можетъ, кто-либо поставитъ теперь вопросъ: есть ли необходимость примѣнять къ изученію связи внутренней этіологіи болѣзней съ антропологическимъ типомъ индивидуумовъ тамъ, гдѣ приходится имѣть дѣло съ однороднымъ, повидимому, матеріаломъ, съ однородными антропологическими элементами, напр. съ представителями великорусскаго народа, который говоритъ однимъ языкомъ, исповѣдуетъ единую вѣру, имѣетъ одно историческое прошлое? Но на самомъ дѣлѣ великорусскій народъ такъ же, какъ и малорусскій, не состоитъ изъ однородныхъ единицъ, а произошелъ въ отдаленномъ прошломъ изъ сліянія, по крайней мѣрѣ, двухъ или трехъ расъ. Между великоруссами и малоруссами мы встрѣчаемъ брахицефаловъ и долихоцефаловъ, высокорослыхъ и малорослыхъ, темноволосыхъ и свѣтловолосыхъ, и эти особенности являются унаслѣдованными отъ тѣхъ расъ, изъ сліянія которыхъ образовался современный великорусскій народъ.

Въ связи съ особенностями цвѣта волосъ, глазъ, формы черепа и пр. унаслѣдованы, конечно, и другія анатомо-физіологическія особенности, а вмѣстѣ съ ними—различная степень иммунности и предрасположенности къ тѣмъ или инымъ патологическимъ процессамъ. Въ этомъ отношеніи интересно наблюденіе нашего соотечественника д-ра *Эмме* [1]), который замѣтилъ, что предрасположенность къ маляріи различна у разныхъ типовъ малорусскаго народа: черноволосые малоруссы менѣе предрасположены къ маляріи, чѣмъ свѣтловолосые. Впрочемъ, еще *Геккель* отмѣтилъ, что черноволосые представители смѣшанныхъ европейскихъ расъ легче акклиматизируются въ тропическихъ странахъ и гораздо рѣже подверга-

[1]) *В. Эмме.* Антропологія и медицина. Докладъ первому губернскому съѣзду земскихъ врачей Полтавской губ. Полтава, 1882 г.

ются нѣкоторымъ эпидемическимъ болѣзнямъ, напр. желтой лихорадкѣ, чѣмъ свѣтловолосые европейцы.

Можетъ быть, кто-либо поставитъ и такой вопросъ: *имѣетъ ли антропологія, помимо научнаго значенія, и практическое примѣненіе?* На этотъ вопросъ я прежде всего позволю себѣ отвѣтить словами извѣстнаго антрополога *Топинара*: «Истинная наука, ведущая къ самымъ блестящимъ результатамъ, не имѣетъ въ виду практическихъ цѣлей. Ея единственнымъ двигателемъ служитъ потребность знанія, расширенія области человѣческой мысли, удовлетворенія законной любознательности. Приложенія производятся впослѣдствіи и являются сами собою» [1]... Но было бы однако несправедливо умолчать объ имѣющемся уже практическомъ примѣненіи антропологіи. Я укажу на нѣкоторые случаи такого примѣненія этой науки къ судебной медицинѣ.

Относительная длина отдѣльныхъ частей человѣческаго скелета, въ предѣлахъ извѣстныхъ расъ, обстоятельно изучена антропологами. Данныя такого изученія могутъ быть съ пользою примѣнены въ судебно-медицинскихъ случаяхъ при констатированіи тождества трупа, когда по отдѣльнымъ, найденнымъ гдѣ-либо, частямъ скелета приходится опредѣлить приблизительно ростъ и возрастъ субъекта.

Констатированный *Regnault'омъ* и мною [2]) фактъ, что *ногти* у правшей на правой рукѣ шире, чѣмъ на лѣвой, а у лѣвшей—обратно, можетъ имѣть примѣненіе при судебно-медицинскихъ вскрытіяхъ труповъ. Напр., на трупѣ умершаго при неизвѣстныхъ обстоятельствахъ человѣка находится колотая, рѣзаная или огнестрѣльная рана. Рана эта имѣетъ такое положеніе, направленіе и иныя свойства, что могла быть произведена или посторонней рукой, или лѣвой рукой самого покойнаго, но не правой его рукой. Тогда для выясненія вопроса, имѣло ли мѣсто въ данномъ случаѣ убійство или самоубійство, необходимо, между прочимъ, узнать, не былъ ли покойный лѣвша и не могъ ли онъ самъ себѣ нанести поврежденіе? Этотъ вопросъ съ большей или меньшей вѣроятностью можетъ быть разрѣшенъ путемъ измѣренія ногтей.

Многія профессіи обусловливаютъ въ человѣческомъ тѣлѣ болѣе или менѣе значительныя измѣненія, какъ внутреннія, такъ и внѣшнія, составляющія предметъ изученія для антрополога, гигіениста и судебнаго врача. Подобныя измѣненія имѣютъ мѣсто, между прочимъ, на рукахъ и причиняются тѣмъ орудіемъ, съ которымъ наичаще приходится работающему человѣку имѣть дѣло, напр., молотокъ у каменотеса, игла, наперстокъ и ножницы у портного, котлетный и хлѣбный ножъ у кухарки, ручка съ перомъ у писца и т. п. Подобныя орудія ежедневнаго употребленія про-

[1]) *Топинаръ*. Антропологія. Спб., 1879, стр. 9.
[2]) „Рус. Антр. Журн.“, 1900 г., № 2.

изводятъ на рукахъ мозоли, ссадины, царапины и пр., по формѣ и положенію которыхъ можетъ быть опредѣлена профессія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и личность трупа или живого человѣка, что очень важно при судебно-медицинскомъ изслѣдованіи неизвѣстныхъ лицъ.

Очень блестящее примѣненіе получила антропологія въ наукѣ права. Я разумѣю антропометрическій методъ распознаванія преступниковъ-рецидивистовъ, предложенный *Bertillon'омъ*. Описаніе этого метода введено теперь въ программу курса судебной медицины для врачей и юристовъ. Преступники-рецидивисты, или преступники по профессіи, для которыхъ та или иная преступная дѣятельность является правильнымъ источникомъ существованія, составляютъ самый опасный элементъ въ преступномъ мірѣ, самыхъ нежелательныхъ нарушителей права. На борьбу съ ними должно быть обращено очень серьезное вниманіе всего цивилизованнаго міра въ цѣляхъ сдѣлать, тѣмъ или инымъ способомъ, такихъ преступниковъ безвредными, безопасными для общества. Поэтому должны быть приняты всѣ средства для распознаванія прошлой жизни такихъ рецидивистовъ, ихъ прежней судимости. Опытъ показываетъ, что преступниковъ-рецидивистовъ удерживаетъ отъ преступленія не столько перспектива тяжести возмездія за нарушеніе права, т. е. тяжести наказанія, сколько боязнь неизбѣжности наказанія, боязнь того, что, при новомъ столкновеніи съ правосудіемъ, все ихъ прошлое будетъ открыто и всѣ ихъ преступленія снова будутъ хорошо извѣстны представителямъ правосудія. Существовавшіе до введенія метода Бертилльона и существующіе въ настоящее время другіе способы опредѣленія личности рецидивистовъ, какъ то: паспортная система, списки судимости и фотографическія карточки, оказались неудовлетворительными на практикѣ. Что касается паспорта, то преступникъ можетъ пользоваться и чужимъ, какъ это нерѣдко и бываетъ, или же вовсе не имѣть паспорта. Списки судимости оказываются полезными лишь только тогда, когда преступникъ-рецидивистъ откровенно называетъ свою собственную фамилію. Фотографическія карточки вовсе не оправдали тѣхъ надеждъ, которыя на нихъ возлагались. Борода, усы, прическа, костюмъ, настроеніе снимающагося субъекта, освѣщеніе, искусство фотографа,—все это болѣе или менѣе значительно мѣняетъ физіономію. Далѣе, карточки не поддаются никакой классификаціи, такъ что каждый разъ необходимо пересмотрѣть всѣ имѣющіяся въ бюро карточки, иногда въ количествѣ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ, чтобы найти ту, которая именно нужна, причемъ, конечно, ее всегда возможно просмотрѣть. Методъ Бертилльона основывается на многочисленныхъ антропометрическихъ изслѣдованіяхъ, показавшихъ, во-первыхъ, что, по достиженіи субъектомъ 23—25-лѣтняго возраста, костные размѣры отдѣльныхъ частей человѣческаго тѣла перестаютъ расти и затѣмъ остаются до извѣстнаго времени неизмѣнными и, во-вторыхъ, что нельзя найти

двухъ людей, достигшихъ указаннаго возраста, у которыхъ всѣ костныя длинноты тѣла были бы одинаковы, т. е. были бы одинаковы длина и ширина головы, рукъ, ногъ, пальцевъ и пр. Отсюда понятно, что если произведены измѣренія отдѣльныхъ частей тѣла у взрослаго преступника, то на основаніи записанныхъ цифръ возможно впослѣдствіи, по истеченіи даже многихъ лѣтъ, при повторномъ измѣреніи того же субъекта, идентифицировать его личность, т. е. доказать, что онъ раньше былъ измѣряемъ, и затѣмъ, конечно, можно справиться и о томъ, по какому поводу онъ былъ измѣренъ.

По Бертилльону, измѣренію подлежатъ: 1) ростъ, 2) высота бюста, 3) ширина размаха рукъ, 4) продольный діаметръ головы, 5) поперечный ея діаметръ, 6) длина средняго пальца и мизинца лѣвой руки, 7) длина лѣваго предплечья, 8) длина лѣвой стопы, 9) длина и ширина праваго уха. Кромѣ того отмѣчается: 1) цвѣтъ iris лѣваго глаза, 2) профиль носа, 3) особыя примѣты на тѣлѣ (рубцы, родимыя пятна и пр.). Всѣ эти данныя вносятся въ особую антропометрическую карточку, къ которой приклеивается и фотографическій снимокъ съ рецидивиста. Записывается также имя, фамилія и судимость измѣреннаго лица. Всѣ имѣющіяся карточки раздѣляются въ антропометрическомъ бюро на группы и раскладываются въ многочисленные ящики. Главныхъ группъ четыре: 1) группа женщинъ, 2) группа подростковъ до 17-лѣтняго возраста, 3) группа юношескаго и старческаго возраста отъ 17 до 25 лѣтъ отъ роду и отъ 45 лѣтъ и старше, 4) группа взрослыхъ мужчинъ въ возрастѣ 25—45 лѣтъ, у которыхъ костныя длинноты отличаются полной неизмѣнностью. Карточки, относящіяся къ послѣдней группѣ, распредѣляются прежде всего на три отдѣленія (три ящика или шкапа) по величинѣ продольнаго діаметра головы, т.-е. одно отдѣленіе съ малыми размѣрами длины головы, другое—со средними, третье—съ большими. Каждое изъ этихъ трехъ отдѣленій опять раздѣляется на три по величинѣ поперечнаго размѣра головы. Затѣмъ идутъ дальнѣйшія подраздѣленія по длинѣ средняго пальца, мизинца, ступни, локтя и т. д. Понятно, что при такомъ способѣ подраздѣленія легко отыскать карточку по полученнымъ вновь измѣреніямъ преступника-рецидивиста. Въ виду того, что въ группѣ преступниковъ-подростковъ нельзя распредѣлить карточки вышеописаннымъ способомъ, такъ какъ костные размѣры у такихъ субъектовъ еще не установились, принято раздѣленіе по цвѣту глазъ. У лицъ же въ возрастѣ отъ 17 до 25 и отъ 45 и выше въ основаніе подраздѣленія карточекъ положена длина и ширина головы, какъ величина постоянная, не подвергающаяся или очень мало подвергающаяся измѣненіямъ.

Антропометрическія бюро имѣются во многихъ городахъ Западной Европы и въ Россіи. Въ Парижскомъ бюро отождествляется ежегодно нѣсколько тысячъ рецидивистовъ.

Указанными мною примѣрами далеко, конечно, не исчерпывается научно-практическое значенie антропологiи. Знанie антропологiи необходимо для врача еще во многихъ другихъ случаяхъ. Напр., какой врачъ, пожелавшiй изучить влiянie школьной обстановки на физическое развитie учащихся дѣтей, не прибѣгнетъ къ методамъ изслѣдованiя человѣческаго организма, выработаннымъ антропологами? Далѣе, какой врачъ, пожелавшiй изслѣдовать, въ интересахъ охраненiя народнаго здравiя, влiянie той или иной географической обстановки или профессiи на человѣческiй организмъ, пройдетъ мимо антропологiи, если пожелаетъ, чтобы выводы, полученные имъ на основанiи его изслѣдованiй, могли быть названы строго научными? Какой, наконецъ, врачъ, пожелавшiй внести свою посильную лепту въ дѣло изученiя антропологическихъ типовъ населенiя нашей родины, обойдется безъ знанiя антропологiи? Таково отношенie къ медицинѣ и научно-практическое значенie антропологiи, какъ дисциплины, идущей на встрѣчу къ главной цѣли всѣхъ человѣческихъ знанiй, а именно «къ изученiю самого человѣка во всѣ времена и во всѣхъ проявленiяхъ его жизни».

П. Минаковъ.

Объ антропологическомъ изученіи славянскаго населенія Россіи.

Для врача, желающаго посвятить антропологіи лишь нѣкоторую часть своихъ досуговъ, наиболѣе простою и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе благодарною задачею является антропологическое изученіе различныхъ инородческихъ племенъ, одни изъ которыхъ совсѣмъ еще не изучены, другія же изучены пока недостаточно полно. И въ русской антропологической литературѣ можно, дѣйствительно, отмѣтить цѣлый рядъ посвященныхъ отдѣльнымъ народамъ Россіи монографій, значительную часть которыхъ составляютъ, кстати сказать, докторскія диссертаціи, написанныя вдали отъ центровъ интеллектуальной жизни, при условіяхъ, чрезвычайно затрудняющихъ созданіе научныхъ работъ въ большинствѣ другихъ областей знанія.

Можно было бы думать, что большинству врачей, живущихъ среди господствующаго славянскаго населенія Россіи, въ области изученія антропологическихъ, племенныхъ типовъ нечего уже дѣлать. Но такое представленіе было бы до крайности ошибочнымъ: по отношенію къ славянскому населенію Россіи, по отношенію даже къ самимъ великоруссамъ антропологами сдѣлано до сихъ поръ далеко не такъ уже многое, да и то, что сдѣлано, касается въ большинствѣ случаевъ небольшого числа антропологическихъ признаковъ и распространяется лишь на нѣсколько группъ населенія, выхваченныхъ изъ различныхъ областей и мѣстностей.

Древнее населеніе центра, въ которомъ сложилось и окрѣпло великорусское племя, было изучено, по найденнымъ во многихъ мѣстахъ въ старинныхъ могильникахъ и кладбищахъ черепамъ и другимъ остаткамъ скелетовъ, трудами А. П. Богданова, собравшаго воедино цѣлый рядъ своихъ личныхъ изслѣдованій, равно какъ и находокъ и изслѣдованій своихъ ближайшихъ учениковъ. На основаніи этихъ изслѣдованій могла быть установлена извѣстная хронологическая послѣдовательность въ измѣненіяхъ формы и типа череповъ, исходя изъ которой, проф. Богдановъ сдѣлалъ

попытку установки физическаго типа древняго славянина, равно какъ и пути, по которому шла эволюція этого типа вплоть до развитія типовъ современнаго славянскаго (великорусскаго) населенія. Работы другихъ изслѣдователей, занимавшихся изученіемъ современнаго великорусскаго населенія, касаются лишь отдѣльныхъ узко ограниченныхъ мѣстностей. Изъ работъ, произведенныхъ на скелетахъ, наиболѣе широкій районъ захватываетъ работа проф. Таренецкаго, изучившаго нѣкоторое количество череповъ великоруссовъ изъ различныхъ губерній сѣверной части области разселенія великоруссовъ, а именно изъ губерній: Архангельской, Олонецкой, Вологодской, Костромской, Ярославской, Петербургской, Псковской, Новгородской и Тверской, хотя при этомъ на каждую губернію падаетъ небольшое сравнительно число череповъ. Нѣкоторое, не очень, впрочемъ, большое, число великорусскихъ череповъ изслѣдовано проф. Landzert'омъ, проф. Маліевымъ и нѣкоторыми другими изслѣдователями.

Изъ изслѣдованій же, произведенныхъ на живыхъ, наиболѣе обобщающимъ, охватывающимъ всю Россію, а, слѣдовательно, и всѣ области разселенія великоруссовъ и остальныхъ славянскихъ племенъ Россіи, является изслѣдованіе проф. Д. Н. Анучина, посвященное разсмотрѣнію лишь одного антропологическаго фактора, а именно роста. Тѣмъ не менѣе, благодаря широтѣ захваченнаго изслѣдованіемъ района, проф. Анучинъ имѣлъ возможность сдѣлать нѣсколько чрезвычайно цѣнныхъ сопоставленій между варіаціями въ величинѣ средняго роста населенія отдѣльныхъ областей и нѣкоторыми племенными особенностями различныхъ великорусскихъ группъ и смѣшеніями ихъ съ другими народами, указанія на возможность которыхъ даются намъ изысканіями историковъ и лингвистовъ. Мы не можемъ останавливаться здѣсь на изложеніи хотя бы главнѣйшихъ выводовъ и положеній проф. Анучина. Необходимо, однако, выставить на первый планъ то обстоятельство, что цѣнные выводы проф. Анучина могли быть получены лишь при условіи захвата изслѣдованіемъ значительной массы славянскаго населенія, живущаго по всѣмъ областямъ обитанія его въ Россіи. Точныя данныя относительно роста проф. Анучинъ могъ получить, благодаря своду цифръ, добытыхъ при измѣреніяхъ роста въ воинскихъ присутствіяхъ за десять лѣтъ, прошедшихъ со времени введенія всесословной воинской повинности. Для другихъ антропологическихъ факторовъ у насъ нѣтъ подобнаго рода данныхъ; антропологи должны добывать ихъ, сами производя соотвѣтствующія изслѣдованія. Само собою разумѣется, что, когда мы будемъ имѣть въ своемъ распоряженіи данныя относительно многихъ признаковъ, характеризующихъ особенности строенія великоруссовъ, разсѣянныхъ по различнымъ областямъ ихъ обитанія, тогда возможно будетъ полученіе новыхъ чрезвычайно важныхъ выводовъ и обобщеній. Поэтому каждое новое изслѣдованіе великорусскаго населенія того или другого района имѣетъ въ настоящее время большое значеніе, обогащая науку

новыми свѣдѣніями, позволяющими сейчасъ же если и не разрѣшить, то все же намѣтить, подготовить къ разрѣшенію многія важныя научныя проблемы. Новыя изысканія тѣмъ болѣе необходимы, что сдѣланное до сихъ поръ очень и очень еще недостаточно. Такъ, для великоруссовъ изъ изслѣдованій на живыхъ, кромѣ вышеуказаннаго труда проф. Анучина, можно отмѣтить работу г. Талько-Грынцевича, изслѣдовавшаго т. наз. «семейскихъ», т.-е. великоруссовъ-старообрядцевъ, выселенныхъ изъ Россіи въ Сибирь еще въ половинѣ XVII в.; проф. Анучинъ далъ также свѣдѣніе о нѣкоторыхъ признакахъ (цвѣтѣ волосъ и глазъ и формѣ головы) у населенія Московской губ.; для нѣкоторыхъ измѣреній головы имѣются также данныя г. Икова. Въ работахъ г. Рождественскаго, а также нѣкоторыхъ другихъ авторовъ, особенно же врачей-гигіенистовъ, изучавшихъ рабочее населеніе подмосковнаго и нѣкоторыхъ другихъ фабричныхъ районовъ, равно какъ и школьныхъ врачей, занимавшихся изслѣдованіями учениковъ и ученицъ, мы имѣемъ рядъ свѣдѣній, касающихся большею частью немногихъ отдѣльныхъ антропологическихъ факторовъ, характеризующихъ различныя группы великорусскаго населенія.

Понятно, что и изслѣдованія другихъ славянскихъ племенъ, живущихъ въ Россіи, а именно бѣлоруссовъ, малороссовъ и поляковъ, также дадутъ намъ матеріалъ, чрезвычайно цѣнный какъ самъ по себѣ, такъ и по его значенію для сравнительно-антропологическаго изученія господствующаго населенія Россіи. Но и въ этомъ отношеніи до сихъ поръ сдѣлано не многое: для бѣлоруссовъ мы имѣемъ изслѣдованія Икова, Янчука, Эйхгольца; для малороссовъ—работы Diebold'а, Гильченко, Эмме, Майера и Коперницкаго и др. авторовъ; для поляковъ—Майера и Коперницкаго, Олехновича, Талько-Грынцевича, Элькинда и др. Но означенныя изслѣдованія далеко еще не достаточны для рѣшенія самыхъ основныхъ, кардинальныхъ вопросовъ антропологіи славянскаго населенія Россіи. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что современное славянское (по языку и обычаямъ) населеніе Россіи, по своему происхожденію и по расовымъ типамъ, представляется населеніемъ смѣшаннымъ, принявшимъ въ свой составъ многіе неславянскіе элементы. Историческія, археологическія и лингвистическія изысканія указываютъ на достовѣрную примѣсь финской крови, на вѣроятную примѣсь монгольской крови, можетъ быть, и германской (для великоруссовъ и бѣлоруссовъ чрезъ вліяніе варяговъ, т.-е. норманновъ, а для малороссовъ и поляковъ еще и чрезъ позднѣйшія соприкосновенія съ другими германскими племенами). Тѣ немногія данныя о физическомъ типѣ современнаго славянскаго населенія Россіи, какія имѣются уже на-лицо, указываютъ на существованіе болѣе или менѣе значительныхъ областныхъ различій даже и среди представителей одного и того же славянскаго племени. Мы можемъ, слѣдовательно, заключить, что современное славянское населеніе Россіи представляется не только смѣшаннымъ, но еще и по

различнымъ мѣстностямъ обитанія не вполнѣ однороднымъ, т.-е. составленнымъ или изъ различныхъ расовыхъ элементовъ, или же изъ однихъ и тѣхъ же элементовъ, но въ различныхъ мѣстностяхъ различно другъ на друга взаимодѣйствовавшихъ. Въ настоящее время предъ нами открывается рядъ важнѣйшихъ вопросовъ: 1) Каковъ физическій типъ современнаго славянскаго населенія различныхъ угловъ Россіи и какъ велики предѣлы различій между отдѣльными областными типами? 2) Вліяніе какихъ отдѣльныхъ физическихъ типовъ можетъ быть усмотрѣно при изученіи смѣшаннаго конгломерата, составляющаго современное населеніе различныхъ областей? 3) Какимъ народамъ исторіи или доисторической антропологіи соотвѣтствуютъ отдѣльные физическіе типы, вошедшіе въ составъ современнаго смѣшаннаго населенія и т. д. Даже самый важный для насъ вопросъ о томъ, каковъ былъ физическій типъ древняго славянина или, лучше сказать, праславянина, общаго родича всѣхъ славянъ, далеко еще не разрѣшенъ хоть сколько-нибудь удовлетворительно. По одному мнѣнію, исходящему отъ французской антропологической школы (школы Брока) и раздѣляемому авторитетными англійскими антропологами (Тайлоръ, Леббокъ и др.), предки славянъ родственны ближе всего кельтамъ и обладали лишь сравнительно свѣтлыми (рыжими, а можетъ-быть, русыми) волосами и короткоголовостью и большимъ ростомъ. По другому взгляду, наиболѣе распространенному среди нѣмецкихъ авторовъ и принятому изъ славянскихъ ученыхъ русскимъ проф. Богдановымъ, а въ послѣднее время и чешскимъ ученымъ проф. Л. Нидерле, предки славянъ сближаются съ древними германцами и представляются, слѣдовательно, въ видѣ высокорослаго же, но чисто бѣлокураго и голубоглазаго, длинноголоваго племени. Наконецъ, въ послѣднее время выдвигается третій взглядъ, нѣсколько отличный отъ перваго и представляющій древнихъ славянъ близкою къ кельтамъ разновидностью т. наз. Адріатической или Динарской расы—не очень высокорослой, круглоголовой, обладающей темнымъ цвѣтомъ волосъ и глазъ. Очевидно, что наиболѣе цѣнный матеріалъ для освѣщенія и болѣе вѣрнаго рѣшенія спорнаго вопроса о типѣ древняго славянина можетъ быть полученъ при накопленіи и тщательномъ анализѣ значительнаго числа наблюденій, производимыхъ въ различныхъ мѣстахъ обитанія славянъ, а въ томъ числѣ и въ различныхъ областяхъ Россіи.

Для того, чтобы выяснить хотя бы приблизительно ходъ и направленіе, въ которомъ могутъ идти подобнаго рода изслѣдованія, я позволю себѣ остановить ваше вниманіе на моихъ личныхъ изысканіяхъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ мною было изслѣдовано 325 взрослыхъ мужчинъ, уроженцевъ Рязанской губ. Всѣ изслѣдованные субъекты были раздѣлены мною на три группы: 1) субъектовъ темнаго, брюнетическаго типа, т.-е. обладающихъ черными или темно-русыми волосами и черными или темно-карими и карими глазами, 2) группу свѣтлаго типа (свѣтлые волосы и

свѣтлыя же радужныя оболочки) и 3) группу смѣшаннаго типа, т.-е. комбинаціи свѣтлыхъ волосъ и темныхъ глазъ и обратно. Преобладающимъ типомъ, давшимъ свыше 60% всѣхъ наблюденій, оказался смѣшанный типъ. Типъ блондиновъ въ своемъ чистомъ видѣ, т.-е. съ волосами цвѣта льна, соломенно-желтыми и другихъ оттѣнковъ настоящихъ бѣлокурыхъ волосъ и съ голубыми глазами, былъ представленъ лишь ничтожнымъ числомъ наблюденій; значительно же большее число (около 20% всѣхъ наблюденій) падало на долю относительныхъ блондиновъ, т.-е. субъектовъ съ свѣтлорусыми волосами и сѣрыми или сѣроголубыми глазами. Наиболѣе опредѣленно могла быть выдѣлена группа субъектовъ темнаго типа, давшая около 19% всѣхъ наблюденій. Изъ этихъ данныхъ можно уже сдѣлать слѣдующіе выводы: 1) современное великорусское населеніе Рязанской губ. представляется смѣшаннымъ, причемъ сліяніе составляющихъ его типовъ довольно полно (значительно преобладаетъ смѣшанный типъ); 2) типъ чистаго блондина входитъ, вѣроятно, въ число производителей современнаго населенія, но онъ почти растворился въ этой смѣси, не оставивъ по себѣ сколько-нибудь значительнаго числа потомковъ, сохранившихъ основныя его черты, и 3) лучше сохранились остатки брюнетическаго типа. Послѣднее обстоятельство могло произойти оттого, что среди нашихъ предковъ брюнеты или преобладали численно, или же представляли изъ себя болѣе стойкій типъ. Желаніе ближе познакомиться съ особенностями предполагаемаго брюнетическаго предка великоруссовъ заставило меня выдѣлить изъ общей массы изслѣдованныхъ рязанцевъ представителей темнаго типа и изслѣдовать отдѣльно отъ общей массы нѣкоторые другіе важнѣйшіе ихъ антропологическіе признаки, а прежде всего ростъ и форму головы (головной указатель). Оказалось, что представители темнаго типа, по сравненіи ихъ съ общей массой рязанцевъ, отличаются нѣсколько большей высокорослостью и большей же короткоголовостью (брахицефаліей). Обращаясь теперь къ даннымъ, имѣющимся въ антропологической литературѣ для другихъ славянскихъ группъ, напр., сербо-кроатовъ, чеховъ, поляковъ, русиновъ, малороссовъ, бѣлоруссовъ и т. д., мы можемъ замѣтить, что чѣмъ сильнѣе выражена въ какой-нибудь славянской группѣ темная комплексія, т.-е. чѣмъ большій въ ней процентъ темноволосыхъ и темноглазыхъ субъектовъ, тѣмъ оказывается эта группа, по сравненію ея съ другими группами, болѣе высокорослою и болѣе короткоголовою. Для всѣхъ, слѣдовательно, славянскихъ группъ можно отмѣтить участіе какого-то одного общаго производителя, характерными чертами котораго были: высокій ростъ, темный цвѣтъ волосъ и глазъ и короткоголовость. Но такъ какъ подобный производитель общъ всѣмъ славянскимъ группамъ, весьма вѣроятно, что это и былъ общій всѣхъ славянъ предокъ или праславянинъ. Такой выводъ, сближаясь съ кельтической или, точнѣе, съ динарской гипотезой происхожденія славянъ, ста-

новится въ противорѣчіе съ теоріей, сближающей славянъ съ германскими племенами и имѣющей большое число компетентныхъ защитниковъ. Число моихъ наблюденій (325) не достаточно велико для того, чтобы, опираясь на нихъ, можно было бы отвергнуть всѣ доводы защитниковъ только что упомянутой теоріи. Возможно, что въ моихъ наблюденіяхъ сказалось вліяніе какихъ-нибудь случайныхъ, мѣстныхъ условій, не повторявшихся при созданіи группъ великорусскаго населенія другихъ областей. Требуются, слѣдов., и въ этомъ направленіи новыя наблюденія, распространенныя на возможно большее число областей великорусскаго обитанія. Желательно также и введеніе въ изученіе значительно большаго числа антропологическихъ признаковъ, не достаточно полно разсмотрѣнныхъ въ предшествующихъ работахъ. Необходимо, наконецъ, чтобы по отдѣльнымъ областямъ были собраны болѣе значительныя числа индивидуальныхъ наблюденій. При численно большемъ матеріалѣ и вся масса субъектовъ темной комплексіи могла бы быть раздѣлена на подгруппы высокорослыхъ и низкорослыхъ субъектовъ; тогда можно было бы прослѣдить, не скажется ли въ послѣдней подгруппѣ вліяніе производителя низкорослаго, темнаго брахицефала, т.-е. монгола и т. д. Подобнымъ же образомъ и группа субъектовъ свѣтлой комплексіи можетъ быть расчленена на высокорослыхъ и низкорослыхъ, на длинноголовыхъ и короткоголовыхъ и т. д. Изслѣдованіе въ этихъ отдѣльныхъ подгруппахъ цѣлаго ряда другихъ антропологическихъ признаковъ и сравненіе ихъ съ признаками, характерными для тѣхъ или другихъ народовъ, имѣвшихъ, судя по историческимъ даннымъ, возможность вліять на физическій типъ современныхъ великоруссовъ, можетъ дать намъ отвѣтъ на много важныхъ и интересныхъ вопросовъ не только антропологіи, но и исторіи славянскаго населенія Россіи. Можно, наконецъ, оставивъ въ сторонѣ историческіе народы, сравнивать отдѣльные типы, наблюдаемые среди современнаго славянскаго населенія Россіи, съ главнѣйшими типами доисторическаго населенія Европы, строеніе котораго въ настоящее время довольно хорошо изучено по многочисленнымъ, найденнымъ въ различныхъ мѣстностяхъ, останкамъ его скелетовъ. Тогда у насъ откроется еще болѣе широкій горизонтъ, и глазъ антрополога будетъ въ состояніи проникнуть въ тѣ отдаленныя времена, которыя для историка остаются окутанными сплошною, непроницаемою тьмою.

Рядъ вопросовъ, освѣщеніе которыхъ можетъ быть сдѣлано на основаніи антропологическаго изученія современнаго славянскаго населенія Россіи, очень великъ, и я меньше всего претендую, конечно, хотя бы даже и на приблизительно полное его исчерпываніе. Но если изъ немногихъ, сдѣланныхъ выше, указаній уважаемые слушатели вынесутъ впечатлѣніе, что и среди господствующаго въ Россіи населенія можно про-

изводить рядъ сравнительно не сложныхъ изслѣдованій, обѣщающихъ, однако, дать чрезвычайно цѣнный и поучительный во многихъ отношеніяхъ матеріалъ, цѣль моего настоящаго сообщенія достигнута.

Литература по изученію славянскаго населенія Россіи.

Для оріентировки въ положеніи славянъ относительно другихъ человѣческихъ расъ могутъ служить слѣдующія сочиненія: *Deniker* — Les races de l'Europe. I. L'indice céphalique. Paris, 1899; *онъ же* — Человѣческія расы (рус. пер.). Спб., 1902 г.; *Kollmann*—Les races humaines de l'Europe et la question arienne. „Congr. intern. d'archéol. et d'anthr". Moscou, 1892; *Нидерле* — Человѣчество въ доистор. времена (рус. пер.), 1898; *Penka* — Die Herkunft der Arier. Wien, 1886.; *онъ же*—Origines Ariacae. Wien, 1883; *Poesche*—Die Arier. Jena. 1878; *Topinard*— De la race en anthropologie. „Congr. intern. d'archéol. et d'anthr". Moscou, 1892; *Тэйлоръ*—Происхожденіе арійцевъ и доисторич. человѣкъ (рус. пер.), 1897 и т. д. Доисторическое населеніе Россіи, курганы, могильники и ихъ населеніе, свѣдѣнія по археологіи Россіи и т. д. см. въ „Трудахъ Антр. Отд. Имп. Общ. Люб. Ест., Антр. и Этногр.", въ „Древностяхъ", „Матеріалахъ по археол. восточныхъ губ." и „Археол. Изв. и Замѣт.", изд. Моск. Арх. Общ., въ „Матеріалахъ по археол. Россіи", изд. Имп. Археол. Комис., въ „Трудахъ" археол. съѣздовъ и въ „Congr. internat. d'archéol. préhist. et d'anthr. à Moscou, 1892" и др.

Великоруссы: *Анучинъ Д. Н.*—О географ. распредѣл. роста мужск. насел. Россіи. „Изв. Имп. Рус. Геогр. Общ.", 1889; *онъ же* — Quelques données pour la craniol. de la popul. actuelle du gouv. de Moscou. „Congr. intern. d'arch. et d'anthrop. à Moscou, 1892"; *онъ же*—Великоруссы. „Энцикл. словарь Брокгауза и Ефрона"; *онъ же* — Россія въ антроп. отнош. Тамъ же; *Архиповъ* — О разм. груди у здор. людей по росту и возрасту. „Воен.-Мед. Жур.", 1874, кн. 8; *Baer*— Nachrichten über d. ethnogr.—craniol. Sammlung d. Kaiser. Acad. d. Wissensch." St.-Pet., 1858; *Бензенгръ*—Къ антроп. жен. насел. Москвы. „Антр. Выст.", т. III; *Бируля-Бялыницкій* — Къ вопросу о вѣсѣ мозга человѣка. „Тр. Антр. Общ. при Воен-Мед. Акад.", 1897, т. II; *Bloch* Type grand-russien. „Bull. de la Soc. d'Anthrop. de Paris", 1897; *Blosfeld*—Organostathmologie u. s. w. „Zeitschr. f d. Staatsarzenkunde", 88 Bd., Erlangen, 1864; *Богдановъ А. П.*— О черепахъ камен. вѣка, найден. до сихъ поръ въ Россіи. „Антр. Выст.", IV; *онъ же*—Quelle est la race la plus ancienne en Russie? „Congr. intern. d'archéol. et d'anthr. préh. à Moscou, 1892," и др. работы; *Бухштабъ*—Матер. къ вопросу о вѣсѣ, объемѣ мозга и т. д. Дис. Спб., 1884; *Бѣлиловскій* — Объ антроп. типѣ преступниковъ. Дис. Спб., 1895; *Бѣляковъ* -- Антроп. изслѣдов. убійцъ. „Арх. Псих. Ковалевскаго", 1884, № 1—2; *Бѣляевъ*—Матер. для изслѣд. вліянія учебн. завед. на физич. развит. учащихся. Дис., Спб., 1889; *Васильевъ*—Размѣры черепа и лица по отнош. къ возрасту и росту у учен. въ Серпухов. школахъ. „Тр. Антр. Отд.", XIX; *Welcker*— Bau und Wachsthum d. menschl. Schädels; *онъ же* — Kraniol. Mittheil. „Arch. f. Anthr.", 1866; *Виллямовскій*—Матер. для опред. санит. сост. петербур. гимназій. „Жур. М. Н. Пр.", 1866; *Воробьевъ* — Матер. къ антроп. великор. насел. нѣкот. уѣздовъ Рязанск. губ. „Тр. Антр. Отд.", XIX; *онъ же* — Наруж. ухо человѣка.

Ibid., XX; *онъ же*—О соотнош. между ростомъ и главными размѣрами головы и лица. „Рус. Антр. Журн.", 1900, № 3; *онъ же*—Великоруссы. Ibid. 1900, № 1-й; *онъ же*—Къ вопр. о т. наз. затылочномъ типѣ строенія черепа у вырож. душев.-больныхъ. „Журн. Невроп. и Псих. имени Корсакова", 1901, кн. 2; *Герценштейнъ*—Физич. качества рус. новобранцевъ. Докл. въ Воен.-Санит. Общ. въ Спб., 1888; *Гильченко*—Терскіе казаки. „Проток. засѣд. Рус. Антр. Общ. при Петерб. унив. за 1890—91 гг."; *онъ же*—Вѣсъ мозга и нѣкот. его частей. „Труды Антр. Отд.", XIX; *Граціановъ*—Матер. для изуч. физ. разв. дѣтск. и юнош. возр. Дис. Спб., 1889; *Грязновъ*—Опытъ сравн. изуч. гигіен. условій быта крестьянъ въ Черепов. у., 1880; *Déténtiev*—Influence de la race et des condit. hygién. et sociales sur le develop. phys. de l'homme. „Congr. intern. d'archéol. et d'anthr. à Moscou", 1892; *Dieberg*—Das Gewicht d. Körpers u. s. einzeln. Organe. „Viert-jahrschr. f. gerichtl. u. öffentl. Medic". Berl., Bd. 25, 1864; *Дикъ*—Мат. къ изслѣд. роста, вѣса и т. д. дѣтск. и юнош. возраста. Дис., Спб., 1883; *Даніельбековъ*—Мат. къ вопр. о вѣсѣ и объемѣ голов. и спин. мозга у дѣтей. Дис., Спб., 1885; *Erismann*—Untersuch. üb. d. körperl. Entwick. d. Arbeitbevölk. in Zentralrussland. „Arch. f. soc. Gesetzgeb. u. Statist". Tübingen, 1888; *Жбанковъ*—О вліяніи школы на физ. разв. учащ. „Вѣстн. Суд. Мед. и пр.", 1889, кн. 3; *Закъ*—Физич. разв. дѣтей въ сред.-уч завед. г. Москвы. Дис., М. 1892; *Зеландъ*—Къ антроп. зап.-сибир. крестьянина. „Рус. Антр. Журн.", 1900, № 3; *Зубковскій*—Опытъ изслѣд. по вопр. санит. сост. и гигіен. обст. военно-уч. завед. Дис., Спб., 1879; *Иковъ*-Замѣтки по кефалом. бѣлоруссовъ сравнит. съ велико- и малоруссами. „Дневн. Антр. Отд.", 1890, в. IV; *Калюбакинъ*—Антроп. изслѣд. надъ насел. нѣкот. Москов. фабрикъ. „Тр. Антр. Отд.", т. IV; *Копернацкій*—Предв. сообщ. о краніол. изслѣд. надъ славян. черепами. „Изв. Ун. Св. Влад.", 1861; *онъ же*—Quelques obsérv. céphalométr. sur les ruthenies, les russes et les finnois. „Bull. de la Soc. d'Anthr. de Paris", 1869, t. IV, sér. 2; *Красновъ*—Объ антроп. типахъ насел. Харьков. уѣзда. „Геогр. сборн. студ. Харьков. ун.", Харьк., 1891; *онъ же*—Объ антроп. изслѣд. и измѣр. въ Харьк. и Валковск. у. „Рус. Антр. Журн.", 1900, № 2; *Крумбмиллеръ*—Нѣкотор. данныя о ростѣ новобранцевъ Новгородскаго уѣз. „Протоколы и сообщенія Общества врачей Новгородской губ. за 1891/2 г."; *Куликова*—О формѣ жен. черепа. „Тр. Антр. Отд.", т. V; *Landzert*—Beitr. z. Kenntniss d. Grossrussenschädel. „Bericht üb. d. Zusammenkufnt einig. Anthropol. in Sept. 1861"; *Левицкій*—Къ вопр. о физ. сост. насел. Подольск. уѣзда. М., 1901; *Лесгафтъ*—Мат. для изуч. школ. возр. „Здоровье", 1879—80; *Лутохинъ*—Истор. обзоръ литер. о расов. отлич. таза. „Тр. Антр. Отд.", XIX; *Маліевъ*—Мат. для сравн. антроп. „Тр. Общ. Естествоисп. при Казан. ун.", т. IV, № 2; *онъ же*—О строеніи рус. черепа. „Врачъ", 1882; *Майновъ*—Помѣсь русскихъ съ якутами. „Рус. Антр. Журн.", 1900, № 4; *Мацокинъ*—Опытъ антропометр. изслѣд. насел. Забайк. обл. „Рус. Медиц", 1893, № 38; *Минаковъ П. А.*—О цвѣтѣ и формѣ волосъ изъ кургановъ Сред. Россіи. „Тр. Антр. Отд.", XIX; *онъ же*—О ногтяхъ человѣч. руки. „Рус. Антр. Журн.", 1900, № 2; *Михайловъ*—Мат. къ опред. физ. разв. въ сельс. школ. Рузск. у., М., 1887; *Нагорскій*—О вліян. школъ на физич. разв. дѣтей. Спб., 1881; *Нестеровъ*—Современ. школа и здоровье. „Тр. II съѣзда врачей въ Москвѣ", 1887, т. I; *Пантюховъ*—О ростѣ нѣкот. племенъ Закавказ. края. Тифл., 1890; *онъ же*—Закавказ. русскіе. Газ. „Кавказъ", 1891, № 155; *онъ же*—О вліяніи переселен. въ Закавк. край на физ. разв. русскихъ. „Рус. Мед.", 1891, № 35—37; *онъ же*—Антроп. наблюд. на Кавказѣ. „Зап. Кавказ. Отд. И. Р. Г. Общ.", кн. XV, Тифл., 1893; *Песковъ*—О вліяніи фабр. на здоров. рабочихъ. „Тр. VI съѣзда врачей". М., 1882; *Петровъ*—Сравн. антроп. данныхъ о призывныхъ Курск. губ. „Дневн.

Антр. Отд.", 1893, в. I; *Погожевъ*—Кирпично-гончар. производство въ Москов. у. М., 1881; *Проценко*—Антроп. этюды. „Зап. Общ. Естествоисп. въ Кіевѣ", 1872, т. II; *Пумпянскій*—Значеніе окружности груди въ дѣлѣ оцѣнки тѣлеснаго развитія молодыхъ людей призывного возраста. „Воен.-Мед. Жур"., 1892, февр.; *Рождественскій* — Величина головы человѣка въ ея завис. отъ пола, роста, возраста и расы. „Тр. Антр. Отд.", XVIII; *онъ же*—Къ вопр. о древн. насел. Рязан. губ. Изд. Рязан. учен. архив. комис. Рязань, 1893; *Райковъ* — Объ измѣр. груди здоров. матрос. Дис. Спб., 1889; *Рума* — Антроп. матер. для опред. физич. разв. учащ. „Сборн. сочин. по суд. мед. и пр.", т. III, 1880; *Рунге*— Къ учен. о формѣ таза взрос. женщ. Тазъ русск. женщ. Спб., 1888; *Рылинъ*—Тазъ великор. женщ. „Журн. Акуш. и Жен. бол.", 1892; *Снегиревъ*—„Воен.-Мед. Журн.", 1884 (свѣд. о ростѣ новобранц.); *Талько-Грынцевичъ* — Семейскіе великоруссы. Томскъ, 1898; *Тареницкій*—Beiträge z. Craniol. d. grossruss. Bevölker. „Mém. d. l'Acad. d. Sc. de S.-Pét." 1884; *Тарновская*—Étude anthropom. sur les prostit. et les voleuses (russes). Paris, 1889; *Тихоміровъ*—Объ антроп. выводахъ изъ измѣр. народонасел. Тульск. губ. „Тр. Антр. Отд.", т. V; *Троицкій*—Итоги кефалометр. изслѣд. у преступн. „Рус. Мед.", 1884; *Филатовъ*—Мат. для опред. формы и сред. вел. рус. женск. таза. М., 1887; *Харузинъ*—Къ антроп. насел. Эстлянд. губ. (великор.). „Времен. Эстл. губ. за 1893", Ревель, 1894; *Штейнбергъ*—Итоги краніо- и кефалометр. изслѣд. у душев.-больн. „Арх. Псих." (Ковалевскаго), 1884, № 2—3; *Эмме*—Антроп. и медиц., Полтава, 1882; *онъ же*—О множественности антроп. средн. типовъ великорус. и малорус. череповъ и о соотн. между цвѣтностью и форм. черепа. „Тр. Антр. Отд.", т. VIII—IX, в. 3—4.

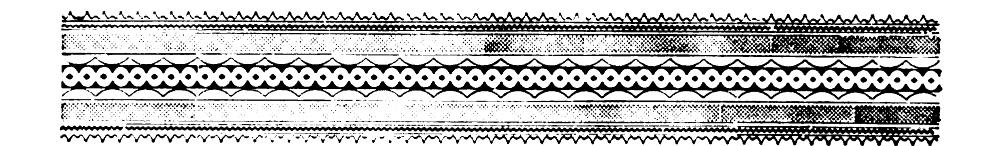
Малороссы: *Анучинъ Д. Н.*—О геогр. распр. роста муж. насел. Россіи. „Изв. Имп. Географ. Общ.", 1889; *Гильченко*—Кубан. казаки. „Тр. Антр. Отд.", XVIII; *онъ же*—Вѣсъ мозга и нѣкот. его частей. Ibid., т. XIX, *Diebold*—Ein Beitrag z. Anthrop. d. Kleinrussen. In.-Diss. Dorpat, 1886; *Иковъ*—Зам. по кефалом. бѣлорус. сравн. съ велико- и малорус. „Дневн. Антр. Отд.", 1890, в. IV; *Красновъ*—Объ антроп. типахъ нас. Харьк. у. „Геогр. сборн. студ. Харьк. ун.", Харьк., 1891; *онъ же*—Объ антроп. изслѣд. и измѣр. въ Харьк. и Валков. у. „Рус. Антр. Журн.", 1900, № 2; *Magierowski*—Wzrost ludności w powiecie Sanockim. „Mater. antrop.-archeol. i etnogr.", Krakow, t. IV (о русинахъ); *Маліевъ*—Матер. для сравн. антроп. „Тр. Общ. Естествоисп. при Казан. ун.", т. IV, № 2; *Mayer*—Roczny przyrost ciała u ludności galicyjskiej и т. д. „Zbior wiadom. do antrop. kraj." t. II, 1878; *онъ же*—Charakterystyka typiczna Russinow naddnieprzanskich. Ibid., т. III, 1879; *Mayer i Kopernicki*—Charakterystyka fizyczna ludności galicyjskiej. Ibid., т. I и IX; *Поповъ М.*—Къ ученію о черепахъ. Харьк., 1890; *Проценко*—Антроп. этюды: „Зам. Общ. Естествоисп. въ Кіевѣ", 1872, т. II; *Talko-Hryncewicz* — Charakterystyka fizyczna luda ukrainskjego. Krakow, 1890; *Эмме*—Антропол. и медицина. Полтава, 1882; *онъ же* — О множественности антроп. средн. типовъ великор. и малорус. череповъ и т. д. „Тр. Антр. Отд.", т. VIII—IX, вып. 3—4.

Бѣлоруссы: *Бируля-Бялыницкій*—Къ вопр. о вѣсѣ мозга человѣка. „Тр. Антр. Общ. при Воен.-Мед. Акад.", 1897, т. II; *Иковъ*—Зам. по кефалом. бѣлоруссовъ сравн. съ велико- и малорус. „Дневн. Антр. Отд.", 1890, в. IV; *Талько-Грынцевичъ*—Къ антроп. народностей Литвы и Бѣлорус. „Тр. Антр. Общ. при Воен.-Мед. Акад. за 1893"; *онъ же*—Къ антроп. населенія Подоліи. Ibid., т. II (работы того же автора на польск. яз. см. въ литерат. о малоруссахъ и полякахъ); *Янчукъ*—Нѣск. данныхъ по вопр. объ антр. типѣ бѣлоруссовъ. „Дневн. Антр. Отд.", 1890, в. IV; *Эйхгольцъ*—Мат. къ антроп. бѣлорус. Рославл. у. Дис. Спб. 1896.

Поляки: Литература о полякахъ на польск. языкѣ сосредоточена главн.

обр. въ краковскомъ изданіи „Zbior wiadom. do antrop. kraj.“ (до 1894 г.); съ 1895 г. это изд. переименовывается въ „Mater. antrop.-archeol. i etnograficzne“. Главнѣйшія свѣдѣнія изъ этой литературы изложены по-русски въ статьѣ г. *Талько-Грынцевича:* Польская антроп. литература въ „Рус. Антр. Журн.“, 1900, № 4. Обширная литер. о полякахъ въ антр. отн. (какъ на польск., такъ и на русск. языкахъ) собрана въ другой работѣ *Талько-Грынцевича*: Поляки. „Рус. Антр. Журн.“, 1901, № 1. Отсылая за справками къ этимъ двумъ работамъ, здѣсь мы приводимъ лишь болѣе доступныя работы, т.-е. такія, которыя или напечатаны по-русски или цитируются у русскихъ авторовъ: *Бируля-Бялыницкій*—Къ вопр. о вѣсѣ мозга человѣка. „Тр. Антр.Общ. при Воен.-Мед. Ак.“, 1897, т. II; *Вейнбергъ*—О строеніи больш. мозга у эстовъ, латышей и поляковъ. „Тр. Антр. Отд.“, XIX; *Гильченко*—Вѣсъ мозга и нѣкот. его частей. Ibid., т. XVIII; *Закржевскій*—Wzrost w Krolewstwi Polskiem. „Zbor wiad.“ и т. д., т. XV, 1891; *Коперницкій и Майеръ*—Charakter. fisyczna ludności galicyjskiej. Krakow, 1876; *Олехновичъ*—Charakt. antrop. ludności gub. Lubels. Krakow, 1893; *Talko-Hryncewicz*—Schlahta ukrainska. „Zbior wiad.“ и т. д., т. III; *Павловъ*— Тазъ польск. жен.„Жур. Ак. и Жен. бол.“, 1895; *Ящинскій*—Антроп. мат. къ изуч. роста, вѣса и т. д. у поляковъ, евреевъ въ ихъ школьн. возр.; *Элькиндъ*—Привислянск. поляки. „Тр. Антр. Отд.“, т. XVIII.

В. В. Воробьевъ.

Объ антропологическомъ изученіи инородческаго населенія Россіи.

Знаменитый представитель современной медицины и глава нѣмецкихъ антропологовъ, проф. Рудольфъ Вирховъ, въ одной изъ своихъ рѣчей высказалъ убѣжденіе, что антропологію ждетъ въ Россіи, благодаря разноплеменному составу ея населенія, особенно широкое и особенно интенсивное развитіе, что общій прогрессъ антропологической науки много зависитъ отъ успѣха изслѣдованій русскихъ антропологовъ, такъ какъ здѣсь, въ Россіи, хранятся ключи къ разгадкѣ цѣлаго ряда вопросовъ, выдвигаемыхъ требованіями современной антропологіи, и что Россія для западно-европейскихъ антропологовъ представляетъ страну, къ которой вполнѣ приложимы слова: «ex oriente lux». Въ самомъ дѣлѣ, антропологія, разсматривающая человѣка, какъ особь зоологическаго вида Homo, и желающая обнять весь циклъ формъ этого вида въ протяженіи, во времени и въ пространствѣ, принадлежитъ къ числу тѣхъ наукъ, для конечныхъ выводовъ которыхъ количество и разнообразіе проанализированнаго матеріала имѣетъ громадное значеніе. Подобно тому, какъ ботаника и зоологія стремятся къ описанію и изученію всѣхъ формъ и видовъ растительнаго и животнаго царства, точно такъ же и для антропологіи весьма важно зарегистрировать своими изслѣдованіями по возможности всѣ народности, всѣ племена, образующія своею совокупностью различныя человѣческія расы. Въ этой регистраціи на долю русской антропологіи выпадаютъ особенно сложныя и особенно трудныя задачи. Этническій составъ населенія Россіи отличается такимъ разнообразіемъ, какого мы не находимъ ни въ одномъ западно-европейскомъ государствѣ,—разнообразіемъ какъ физическихъ типовъ, такъ и культурныхъ степеней. Разложить этотъ составъ на входящіе въ него элементы, выдѣлить среди послѣднихъ главные и второстепенные, подмѣтить у нихъ черты сходства и различія, выяснить степень родства и взаимодѣйствія—задача, на удовлетворительное рѣшеніе которой мы мо-

жетъ надѣяться только черезъ продолжительное время, только тогда, когда не будемъ оставаться ни одного племени, котораго не коснулись бы антропометрическіе циркули и ленты.

Антропологія, понимаемая въ смыслѣ, близкомъ къ современному,—наука молодая вообще, а въ Россіи въ частности; она насчитываетъ здѣсь не болѣе 40—50 лѣтъ своего существованія. Естественно, что за такой недолгій періодъ времени она далеко еще не успѣла охватить своими изслѣдованіями всю массу тѣхъ народностей, которыя раскинуты на огромномъ пространствѣ Россіи. Но свои молодые годы она прожила не даромъ,—найдя въ Россіи благопріятную почву для своего развитія, она быстро стала рости, крѣпнуть, все болѣе и болѣе расширяться, и капиталъ, внесенный ею въ общую сокровищницу антропологической науки, достигъ къ нашему времени значительныхъ размѣровъ. Капиталъ этотъ составлялся изъ различныхъ взносовъ — крупныхъ и малыхъ, со стороны корифеевъ науки и простыхъ любителей ея. Накопленію его содѣйствовали какъ жертвователи, такъ въ особенности сборщики. При всякомъ сборѣ наибольшаго успѣха достигаютъ тѣ лица, которыя сами убѣждены въ важности дѣла, которому они служатъ, и умѣютъ вселить эти убѣжденія въ другихъ. Особенно искусными, съ этой точки зрѣнія, сборщиками антропологическаго капитала явились въ Россіи четыре лица: покойный профессоръ Московскаго университета А. П. Богдановъ, нашъ глубокоуважаемый предсѣдатель, проф. Д. Н. Анучинъ, начальникъ Военно-Медицинской Академіи, профессоръ анатоміи А. И. Таренецкій и бывшій профессоръ анатоміи Дерптскаго, нынѣ Кенигсбергскаго университета Л. Х. Штида. При проф. А. П. Богдановѣ, первомъ апостолѣ антропологіи въ Россіи, пересадившемъ ее съ французской почвы на русскую, основателѣ нашего Отдѣла и Общества, прогрессъ русской антропологической науки испыталъ два поступательныхъ движенія: одно, благодаря его личнымъ многочисленнымъ и цѣннымъ изслѣдованіямъ, происходило *въ* самой наукѣ, другое, благодаря его организаторскимъ способностямъ и умѣнью привлекать на научныя предпріятія крупныя денежныя средства, направлялось *къ* наукѣ. Проф. А. И. Таренецкій, основатель Антропологическаго Общества при Военно-Медицинской Академіи, много содѣйствовалъ росту нашей науки какъ своими собственными изслѣдованіями, главнымъ образомъ о великоруссахъ и айнахъ, такъ и привлеченіемъ къ занятіямъ антропологіей цѣлаго ряда своихъ учениковъ-врачей, представлявшихъ свои антропологическіе труды въ качествѣ докторскихъ диссертацій. Подъ его руководствомъ появились антропологическія изслѣдованія: осетинъ — Н. В. Гильченко, бурятъ — И. И. Шендриковскаго и М. Т. Поротова, кабардинцевъ — Я. Д. Вышогрода, армянъ — И. К. Тварьяновича, кумыковъ — П. Ф. Свидерскаго, башкиръ — Д. П. Никольскаго, таранчей — В. Э. Пайселя, бѣлоруссовъ — Э. Р. Эйхгольца, евреевъ — М. П. Яковенко и др. Проф. Л. Х. Штида

также поощрялъ представленіе диссертацій на антропологическія темы и, благодаря ему, появился рядъ изслѣдованій, преимущественно по антропологіи Прибалтійскаго края: эстовъ—Grube и Witt'a, ливовъ—Waldhauer'a, латышей—Waeber'a, литовцевъ — Brennsohn'a, евреевъ — Blechmann'a, малороссовъ—Diebold'a и др. Кромѣ того, проф. Штида оказывалъ и продолжаетъ оказывать важныя услуги русской антропологіи тѣмъ, что знакомитъ съ результатами русскихъ антропологическихъ работъ западно-европейскихъ ученыхъ, давая о всѣхъ ихъ обстоятельные отчеты и рефераты въ издаваемомъ подъ редакціей проф. J. Ranke нѣмецкомъ антропологическомъ журналѣ «Archiv für Anthropologie».

Успѣшно акклиматизировавшись въ Россіи и свивъ себѣ прочныя гнѣзда въ нѣсколькихъ центрахъ (въ Москвѣ — нашъ Антропологическій Отдѣлъ, въ Петербургѣ—Антропологическое Общество при Военно-Медицинской Академіи и Русское Антропологическое Общество при Петербургскомъ университетѣ, а также Русское Географическое Общество съ его многочисленными Отдѣлами и Подъотдѣлами), антропологія проявила у насъ свою дѣятельность особенно плодотворно по отношенію къ инородческому населенію. Русской антропологіи дѣлались даже упреки, что на изученіе инородцевъ обращено исключительное ея вниманіе, между тѣмъ какъ для изученія физическаго типа главнаго ядра населенія—русскихъ сдѣлано сравнительно мало. Но эти упреки едва ли могутъ быть названы вполнѣ справедливыми. Русскіе, соприкасаясь на громадномъ пространствѣ своего расселенія съ цѣлымъ рядомъ инородческихъ племенъ, во многихъ мѣстахъ успѣли подвергнуться большему или меньшему вліянію инородческой крови, и анализъ физическихъ чертъ русскихъ, произведенный только на нихъ однихъ, не былъ бы въ состояніи съ необходимою точностью уяснить намъ значеніе всѣхъ тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ слагается тотъ или иной антропологическій типъ. Современная физическая антропологія не довольствуется уже простымъ описаніемъ и констатированіемъ фактовъ, она стремится не только открыть морфологическія различія въ человѣческомъ родѣ, но также изслѣдовать и причины ихъ возникновенія.

Было бы долго и утомительно перечислять все, что сдѣлано антропологіей по изученію нашихъ инородцевъ. Матеріалъ, собранный ею, становится трудно объемлемымъ [1]). Я укажу вкратцѣ только на главнѣйшія изслѣдованія. Изъ сѣверныхъ инородцевъ болѣе обслѣдованными являются лопари А. И. Кельсіевымъ и финны (Финляндіи)—покойнымъ путешественникомъ д-ромъ А. В. Елисѣевымъ. По антропологіи Прибалтійскаго края мы имѣемъ рядъ диссертацій, о которыхъ я упоминалъ уже выше. Мордва-эрзя нашла себѣ обстоятельнаго изслѣдователя въ лицѣ Вл. Майнова.

---

[1]) Обзоръ литературы по антропологіи инородцевъ Россіи см. ниже.

Надъ антропологическимъ изученіемъ народностей восточной Россіи много потрудился бывшій профессоръ анатоміи Казанскаго, а впослѣдствіи Томскаго университета Н. М. Маліевъ, которому наша наука обязана антропологическими данными о башкирахъ, пермякахъ, черемисахъ, вотякахъ, вогулахъ, татарахъ и другихъ народностяхъ Волжскаго бассейна. Антропологіи башкиръ посвящены труды д-ра Д. П. Никольскаго, П. С. Назарова, д-ра С. А. Вайсенберга, Н. А. Абрамова, проф. Соммье и др. Казанскіе татары подробно изслѣдованы А. В. Варушкинымъ и д-ромъ А. А. Сухаревымъ (рукоп. матер.). О крымскихъ татарахъ имѣются изслѣдованія К. Н. Икова, А. Н. Харузина, И. Н. Лыжина и др. Типъ русскихъ евреевъ охарактеризованъ въ работахъ д-ра А. Д. Элькинда, д-ра С. А. Вайсенберга, д-ра М. Г. Яковенко, К. Н. Икова, проф. Л. Х. Штиды, Ю. Д. Талько-Грынцевича и др. Волжскіе калмыки, первыя антропологическія свѣдѣнія о которыхъ были даны знаменитымъ проф. И. И. Мечниковымъ, въ последнее время были изслѣдованы д-ромъ В. В. Воробьевымъ и С. А. Королевымъ. Наши антропологическія свѣдѣнія о различныхъ кавказскихъ народностяхъ обогащены особенно многочисленными изслѣдованіями д-ра И. И. Пантюхова, проф. Э. Шантра, Р. Ѳ. фонъ-Эркерта, а также д-ра Н. В. Гильченко (объ осетинахъ), д-ра И. К. Тварьяновича (объ армянахъ), д-ра П. Ѳ. Свидерскаго (о кумыкахъ), д-ровъ Я. Д. Вышогрода и Н. А. Вырубова (о кабардинцахъ), д-ра Н. П. Данилова (о курдахъ и адербейджанскихъ татарахъ), д-ра А. А. Арутинова (объ удинахъ), К. М. Курдова (о лезгинахъ-кюринцахъ) и др. Изъ средне-азіатскихъ народностей особенное вниманіе антропологовъ привлекли къ себѣ киргизы, которымъ посвящены изслѣдованія А. Н. Харузина, Н. А. Аристова, д-ра Н. Л. Зеланда, д-ра В. Д. Тронова, д-ра С. М. Чугунова и др., а также туркмены, изслѣдованные проф. И. Л. Яворскимъ, горные таджики гальча—С. Д. Масловскимъ; кромѣ того, антропологическія характеристики населенія Туркестана содержатся въ трудахъ проф. А. П. Богданова (на основаніи матеріаловъ, собранныхъ путешественникомъ А. П. Федченко), д-ровъ Мацѣевскаго и Пояркова, Уйфальви и др. Антропологія разноплеменнаго населенія Сибири представлена трудами акад. Шренка, покойнаго Н. М. Ядринцева—объ алтайскихъ инородцахъ, Е. И. Луценко—о теленгетахъ, д-ра С. М. Чугунова—объ остякахъ, К. И. Горощенко и И. П. Силинича—о сойотахъ, И. И. Майнова—о тунгусахъ, М. С. Сапожникова (рукоп. матер.) и д-ровъ М. Т. Поротова и И. И. Шендриковскаго—о бурятахъ, Н. Л. Геккера и Ф. Я. Кона—объ якутахъ, В. Богораза—о чукчахъ, д-ра Н. Л. Зеланда—о гилякахъ, проф. Д. Н. Анучина—объ айнахъ, В. П. Маргаритова—объ орочахъ и др.

Уже изъ этого краткаго перечня трудовъ русскихъ антропологовъ видно, что антропологія у насъ не бездѣйствуетъ, а стремится охватить своими изслѣдованіями все большее и большее число населяющихъ Россію

инородческихъ племенъ. Но, съ другой стороны, однако, не слѣдуетъ преувеличивать значеніе сдѣланнаго и давать достигнутымъ результатамъ оцѣнку выше той, какую они заслуживаютъ. Сдѣланное сравнительно ничтожно съ тѣмъ, что предстоитъ еще сдѣлать. Несмотря на свои успѣхи, антропологія находится у насъ все-таки еще въ періодѣ подготовительной стадіи; собранный ею матеріалъ еще далеко не достаточенъ для того, чтобы онъ съ большою пользою для дѣла могъ быть систематизированъ и классифицированъ. Антропологическая классификація нашего разнороднаго населенія—дѣло отдаленнаго будущаго. Мы по необходимости довольствуемся пока классификаціями, основанными на данныхъ этнографіи и преимущественно лингвистики. Но классификація народовъ по языку, какъ извѣстно, очень нерѣдко вовсе не совпадаетъ съ классификаціей расовой, племенной. «Бываетъ,—говоритъ Пешель,—что народы, проникнувъ въ иноплеменную область, перенимаютъ языкъ туземцевъ или, напротивъ, сохраняютъ свой языкъ неизмѣннымъ, между тѣмъ какъ раса мало-по-малу измѣняется подъ вліяніемъ смѣшенія съ племенами чуждаго происхожденія». И это въ особенности справедливо по отношенію къ Россіи, гдѣ смѣшеніе элементовъ финскаго, монгольскаго и тюркскаго представляетъ собою нерѣдкое явленіе. Новѣйшія попытки западно-европейскихъ и американскихъ ученыхъ, какъ, напр., Деникера и Риплея, построить свои классификаціи на антропологической основѣ естественно, вслѣдствіе недостатка необходимыхъ данныхъ, оказались неудовлетворительными, и по мѣрѣ накопленія матеріала онѣ должны будутъ испытать неоднократную перестройку. Но эти классификаціи и систематизаціи, какъ бы онѣ ни были преждевременны, имѣютъ ту важную сторону, что онѣ рѣзче подчеркиваютъ пробѣлы, къ пополненію которыхъ нужно стремиться. Поэтому, едва ли мы будемъ далеки отъ истины, если скажемъ, что одною изъ насущныхъ задачъ русской антропологіи является накопленіе матеріала, изслѣдованіе возможно большаго числа индивидуумовъ различныхъ племенныхъ группъ. Эта задача должна быть выдвинута впередъ также и потому, что съ изслѣдованіями нашихъ инородцевъ слѣдуетъ спѣшить, такъ какъ фактъ вымиранія ихъ не подлежитъ сомнѣнію. Такъ, въ Сибири вымерли, не оставивъ слѣда, омоки, котты, хойданы, шелаги, анюиты, маторы, асаны, аринцы и другія племена [1]), А. Бастіанъ энергично повторяетъ въ своихъ многочисленныхъ трудахъ, что «упорядоченіе матеріала придетъ само собою, на все есть время. Если же зданіе объято пламенемъ, какъ это можно сказать про этнологію быстро исчезающихъ первобытныхъ народовъ, то необходимо обладать исключительно выгодными психологическими задатками, чтобы самодовольно и невозбранно забавляться полировкою и чисткою, тогда какъ необходимо прежде всего поспѣшно

---

[1]) *Н. М. Ядринцевъ.* Сибирь какъ колонія. Спб., 1892, стр. 151.

спасать то, что могло еще остаться» [1]). Подобный же призывъ раздался недавно и изъ устъ профессора антропологіи въ Цюрихскомъ университетѣ Рудольфа Мартина. «Теперь самое время,—говорилъ онъ въ своей вступительной лекціи,—приняться за эту работу (т.-е. за собираніе матеріаловъ), такъ какъ первобытныя формы человѣческой организаціи, какъ онѣ еще нынѣ представлены многими дикими народами, постепенно исчезаютъ передъ наступающей европейской культурой; этого процесса уничтоженія первобытныхъ типовъ и культуръ намъ не удержать. Не будемъ же ждать, чтобы все уравнивающія наслоенія европейской культуры, въ которой предстоитъ расплыться индивидуальнымъ свойствамъ народовъ, распространились по землѣ; легче доставать теперь, еще съ поверхности, чѣмъ впослѣдствіи выкапывать изъ глубокихъ слоевъ» [2]). Русскіе изслѣдователи констатируютъ быстрое вымираніе нашихъ инородцевъ, и хотя раздавались одинокіе голоса (Н. М. Ядринцева, проф. Э. Ю. Петри, проф. А. И. Якобія), горячо призывавшіе къ спасенію ихъ, но факты, которыхъ мы теперь свидѣтелями,—проложеніе новыхъ желѣзнодорожныхъ путей, массовое выселеніе въ мѣста, занятыя инородцами, русскаго крестьянства, вытѣсненіе послѣднимъ первыхъ,—показываютъ, что нѣтъ симптомовъ, позволявшихъ бы надѣяться на остановку этого процесса. Одновременно съ нимъ наблюдается и другой процессъ,—процессъ смѣшенія, метисаціи. Антропологіи необходимо воспользоваться этимъ важнымъ для нея процессомъ и подвергнуть его самымъ тщательнымъ наблюденіямъ, такъ какъ онъ даетъ рѣдкую возможность изучить самый механизмъ, какимъ идетъ образованіе новыхъ типовъ. Какіе цѣнные результаты могутъ дать подобныя наблюденія, показало недавнее изслѣдованіе И. И. Майнова о помѣси русскихъ съ якутами [3]). Въ вопросѣ объ образованіи того или иного типа, о предѣлахъ варіацій характерныхъ для него формъ и о наслѣдственной передачѣ ихъ большой интересъ должны представить также *посемейныя* антропологическія изслѣдованія, которыя до сихъ поръ, къ сожалѣнію, совершенно игнорировались. Далѣе, какъ русская, такъ и иностранная антропологія страдаетъ однимъ крупнѣйшимъ недостаткомъ, удаленіе котораго является давно назрѣвшимъ вопросомъ, это—отсутствіе въ антропологическихъ изслѣдованіяхъ женщинъ, какъ измѣрительнаго матеріала. Антропологическое изученіе, сосредоточивающееся пока на мужскихъ представителяхъ человѣческаго рода, идетъ только по одной колеѣ, тогда какъ ихъ должно быть двѣ. Изъ двухъ производи-

---

1) *A. Bastian*. Vorgeschichte der Ethnologie. Berl., 1881, S. 28. Цит. по *Э. Петри*, Антропологія. Спб., 1890, стр. 36.

2) *Р. Мартинъ*. Антропологія какъ наука и предметъ преподаванія. Перев. въ „Мірѣ Божіемъ“, 1901 г., № 9, стр. 85.

3) „Русск. Антроп. Журн.“, 1900 г., № 4.

телей оно знаетъ только одного, расовыя же особенности другого остаются ему почти неизвѣстными. Хотѣлось бы надѣяться, что эта аномалія прежде всего начнетъ исчезать именно въ Россіи. Благодаря женскому медицинскому институту, у насъ получится скоро значительный контингентъ женщинъ-врачей, части которыхъ, безъ сомнѣнія, придется работать среди инородческихъ племенъ, и антропологію женскаго инородческаго населенія Россіи онѣ могутъ обогатить важными научными данными.

Только-что намѣченными этапами, черезъ которые лежитъ путь русской антропологіи среди нашихъ инородческихъ племенъ, еще далеко не достигаются ея конечныя цѣли. Антропологія не можетъ ограничивать свои задачи изученіемъ только *физическаго* человѣка, она должна вскрыть доступными ей средствами и *психику* его. Психическая антропологія начинаетъ дѣлать у насъ только свои первые робкіе шаги; она далеко отстала въ своемъ развитіи отъ физической антропологіи. И это вполнѣ понятно, такъ какъ объекты, подлежащіе ея изученію, представляютъ собою неизмѣримо большія трудности и препятствія для наблюденій и оцѣнки ихъ. Понять духовную жизнь инородца, разсмотрѣть всѣ тѣ, подчасъ почти неуловимыя, нити, изъ которыхъ она сплетается, проникнуть въ самые сокровенные тайники души его—задача, требующая и продолжительнаго наблюденія, и глубокой вдумчивости, и способности отрѣшиться отъ своего культурнаго «я» и встать на точку зрѣнія самого инородца. Мнѣ думается, что врачи, живущіе среди инородцевъ, достаточно знакомые съ ихъ бытомъ и имѣющіе возможность наблюдать ихъ въ разные моменты и при разныхъ условіяхъ ихъ жизни, болѣе, чѣмъ кто-либо иной, могутъ освѣтить эту темную область антропологіи.

Изученіемъ физическихъ и психическихъ чертъ нынѣ живущихъ инородческихъ племенъ еще не исчерпывается вся наша задача по отношенію къ антропологіи этихъ племенъ. Настоящее нерѣдко познается только анализомъ прошедшаго. Антропологія инородцевъ освѣтится тѣмъ большимъ свѣтомъ, чѣмъ глубже мы заглянемъ въ ихъ прошлое и чѣмъ больше найдемъ тамъ звеньевъ, изъ которыхъ составлялась ихъ генеалогическая цѣпь. Осуществленіе этой задачи потребуетъ громаднаго труда.

Вообще для русской антропологіи открыто широкое поле дѣятельности,—дѣятельности въ высшей степени разнообразной, богатой и плодотворной. Нужны только дѣлатели, и они, безъ сомнѣнія, будутъ. По справедливому замѣчанію акад. Бэра, «исторія громко говоритъ о цѣнности антропологіи, такъ какъ она свидѣтельствуетъ намъ, что съ пробужденіемъ культуры у извѣстнаго народа первыми вопросами, занимающими созрѣвающій умъ, являются вопросы о немъ самомъ, объ его происхожденіи и объ его положеніи въ природѣ. Можно даже утверждать,—прибавляетъ онъ, — что именно въ томъ-то и состоитъ пробужденіе культуры, что человѣкъ добивается свѣдѣній о существѣ своемъ». Культур-

ный ростъ той или иной страны неминуемо долженъ влечь за собою и ростъ въ ней антропологическихъ знаній.

Литература по антропологіи инородцевъ Россіи.

Абадзехи: *Р. Θ. фонъ-Эркертъ*—Антрополог. измѣренія нѣкоторыхъ кавказ. народовъ. „Изв. Кавказ. Отд. И. Р. Г. О.", т. VII. Тифл., 1882—3.

Абхазцы: *Е. А. Блюмъ*—Предварит. свѣдѣнія о результатахъ антроп. изслѣдованій кавказ. народовъ. „VIII съѣздъ рус. естествоисп. и врачей въ Спб.", т. II дополн. Спб., 1892; *А. П. Богдановъ*—О черепахъ изъ кавказ. кургановъ и могилъ (измѣренія А. А. Тихомирова). „Антр. Выст.", т. III, стр. 430; *И. И. Пантюховъ*—О ростѣ нѣкоторыхъ племенъ Закавказ. края. Тифл., 1890; *онъ же*—Населеніе Кутаис. губ. „Вѣстн. общ. гиг., судеб. и практ. медиц.", 1892, т. XV; *онъ же*—Антрополог. наблюденія на Кавказѣ. „Зап. Кавказ. Отд. И. Р. Г. О.", кн. XV. Тифл., 1893; *E. Chantre*—Recherches anthropologiques dans le Caucase, t. IV. Paris-Lyon, 1887.

Аварцы: *E. Chantre* — Recherches antropolog. dans le Caucase, t. IV. Paris-Lyon, 1887.

Авганцы: *Мацѣевскій* и *Поярковъ* — Краткія этнограф. замѣтки о туземцахъ бывшаго Кульджинскаго района. Омскъ, 1883.

Аджарцы: *Р. Θ. фонъ-Эркертъ* — Антрополог. измѣренія нѣкоторыхъ кавказ. народовъ. „Изв. Кавказ. Отд. И. Р. Г. О.", т. VII. Тифл., 1882—3.

Адыге (см. абадзехи, беслинеевцы, кабардинцы, темиргоевцы, шапсуги).

Айны: *Д. Н. Анучинъ* — Матер. для антропологіи Вост. Азіи. I. Племя айновъ. „Тр. Антр. Отд.", кн. 2. Москва, 1876 (приведена литература); *Шренкъ*— Объ инородцахъ Амур. края, т. I. Спб., 1883; *E. Baelz*—Menschen-Rassen Ost-Asiens. „Verhandl. d. Berl. Gesell. f. Anthr., Ethnol. u. Urgesch.", 1901; *J. B. Davis*— Description of the skeleton of an Aino woman and of three skulls of man of the same race. „Mem. read before the Anthrop. Soc. of London", 1870, vol. III; *Dönitz*—Bemerkungen über Aino. „Mittheil. der deutsch. Gesell. für Natur-und Völkerkunde Ostasiens". Yokohama, 1874, Heft 6; *B. Hitchcock*—The Ainos of Jezo. Wash., 1892; *Y. Koganei*—Beiträge zur phys. Anthropologie der Aïnos. I. Untersuchungen am Skelet. II. Untersuchungen am Lebenden. Tokio, 1893—94; *Y. Koganei und G. Osawa*—Das Becken der Aïno und der Japaner. „Mittheil. der medic. Facultät der K. Japan. Universität zu Tokio", Bd. IV. Tokio, 1900; *I. Kopernitzky*— O kościach i czaszkach Ainosów. „Pamitnik wyd. mat. przyr. Akad. Umiej.", t. VII; *D. Mac-Ritschie* — The Ainos, 1892 (прилож. къ IV т. „Arch. Intern. d'Ethnogr."); *Michaut*—Les Aïnos. „Bull. de la Soc. d'Anthr. de Paris", 1893, p. 259; *Scheube* - Die Ainos. „Mittheil. d. deutsch. Gesell. f. Natur-und Völkerkunde Ostsiens". Yokohama, 1882; *v. Schrenk* — Die Völker d. Amurlandes. St.-Pét., 1881; *A. Tarenetzky*—Beiträge zur Craniologie der Ainos auf Sachalin. „Mém. de l'Acad. Imp. des sciences de St.-Pét.", t. XXXVII, № 13. St.-Pet., 1890; *онъ же*—Weitere Beiträge zur Craniologie der Bewohner von Sachalin—Aino, Giljaken und Oroken. Ibid., t. XLI, № 6. St.-Pét., 1893; *A. v. Török*—Ueber den Yessoer Ainosschädel aus der ostasiat. Reise von H. Grafen Béla Széchenyi und über den Sachal. Ainosschädel des zoolog. und anthr.-ethnogr. Museum zu Dresden. „Arch. f. Anthr.", T. XVIII, 1888; *онъ же*—Ueber den Yezoer Ainoschädel. Ibid., T. XXVI, 1900;

R. Virchow—Ainos-und prähistor. Schädel. „Verhandl. der Berl. Gesell. f. Anthr., Ethn. und Urgesch.", 1882.

Айсоры: *И. И. Пантюховъ*—Антропологич. наблюденія на Кавказѣ. „Зап. Кавказ. Отд. И. Р. Г. О.", кн. XV. Тифл., 1893; *Р. Ѳ. фонъ-Эркертъ*—Антроп. измѣренія нѣкоторыхъ кавказ. народовъ. „Изв. Кавказ. Отд. И. Р. Г. О.", т. VIII; *E. Chantre*—Recherches anthropol. dans le Caucase, t. IV. Par.-Lyon, 1887; *онъ же*—Aperçu sur l'anthropométrie des peuples de la Transcaucasie. „Congr. intern. d'arch. et d'anthr. préhist". Moscou, 1893, t. II; *онъ же*—Missions scientif. en Transcaucasie, Asie Mineure et Syrie 1890—94. „Arch. de Museum d'Hist. Natur. de Lyon", t. VI. Lyon, 1895.

Андійцы: *E. Chantre*—Recherches anthropol. dans le Caucase, t. IV. Par.-Lyon, 1887.

Арбунсумуны: *Мацѣевскій и Поярковъ*—Краткія этнографич. замѣтки о туземцахъ бывшаго Кульджинскаго района. Омскъ, 1883.

Армяне: *Д. Н. Анучинъ*—Армяне въ антропол. и географич. отношеніи. Сборникъ „Братская помощь пострадавшимъ въ Турціи армянамъ", 2-ое изд. Москва, 1898; *Е. А. Блюмъ*—Преступникъ, какъ объектъ кримин.-психолог. изслѣдованія. „Сборн. Имп. Кавказ. Мед. Общ.", Тифл., 1886, № 42; *онъ же*—Предварительныя свѣдѣнія о результатахъ антропол. изслѣдованій кавказ. народовъ. „VIII съѣздъ рус. естествоисп. и врачей въ Спб.", т. II дополнит. Спб., 1892; *Н. В. Гильченко*—Вѣсъ головн. мозга и нѣкоторыхъ его частей у различныхъ племенъ, населяющихъ Россію. „Тр. Антроп. Отд.", т. XIX. Москва, 1899; *Л. П. Загурскій*—Антропол. измѣренія кавказ. народовъ, произведенныя ген. Р. Ѳ. фонъ-Эркертомъ и проф. Э. Шантромъ. „Изв. Кавказ. Отд. И. Р. Г. О.", т. VIII; *Н. М. Маліевъ*—Каталогъ краніолог. коллекціи Казан. унив. „Тр. Общ. Естествоисп. при Казан. унив.", т. XIX, в. 2; *И. И. Пантюховъ*—О ростѣ нѣкотор. племенъ Закавказ. края. Тифл., 1890: *онъ же* — Ахалкалакскій уѣздъ. Мед.-антропол. очеркъ. „Сборн. Имп. Кавказ. Мед. Общ.", Тифл., 1892, № 53; *онъ же*—Антроп. наблюденія на Кавказѣ. „Зап. Кавказ. Отд. И. Р. Г. О.", кн. XV. Тифл., 1893; *И. К. Тварьяновичъ*—Матеріалы къ антропологіи армянъ. Дисс. на степ. д-ра мед. Спб., 1897; *Р. Ѳ. фонъ-Эркертъ*—Антрополог. измѣренія нѣкотор. кавказ. народовъ. „Изв. Кавказ. Отд. И. Р. Г. О.", т. VII и VIII; *E. Chantre*—Recherches anthropol. dans le Caucase, t. IV. Paris-Lyon, 1887; *онъ же*—Aperçu sur l'anthropométrie des peuples de la Transcaucasie. „Congr. intern. d'arch. et d'anthr. préhist". Moscou, 1893, II; *онъ же*—Missions scientif. en Transcaucasie, Asie Mineure et Syrie 1890—94. „Arch. de Museum d'Hist. Natur. de Lyon", t. IV. Lyon, 1895; *R. v. Erckert*—Der Kaukasus und seine Völker. Leipz., 1887.

Башкиры: *А. П. Богдановъ*—Черепа башкиръ. „Антр. Выст.", т. III, стр. 286; *Н. В. Гильченко*—Вѣсъ головного мозга и нѣкотор. его частей у различныхъ племенъ, населяющихъ Россію. „Тр. Антр. Отд.", XIX. Москва, 1899; *Н. М. Маліевъ* — Антрополог. очеркъ башкиръ. „Тр. Общ. Естествоисп. при Казан. универс.", т. V, в. 5; *онъ же* — Каталогъ краніолог. коллекціи Казан. унив. Ibid., т. XIX, в. 2; *онъ же*—Къ вопросу о происхожденіи лѣсныхъ башкиръ. „Тр. Антроп. Общ. при Имп. Воен.-Медиц. Акад.", 1901; *П. С. Назаровъ*—Предварит. отчетъ о поѣздкѣ въ Башкирію. „Дневн. Антр. Отд.", 1890, вып. I и II; *онъ же*—Къ антропологіи башкиръ. Ibid., вып. II и IX; *Д. П. Никольскій*—Башкиры. Этнограф. и санит.-антрополог. изслѣдованіе. Дисс. на степ. д-ра мед. Спб., 1899 (приведена литература): *онъ же*—О размѣрахъ женск. башкир. таза. „Дневн. Антр. Отд.", 1891, в. I; *Соммье*—О башкирахъ. Перев. О. Н. Олениной подъ ред. и съ примѣч. Д. П. Никольскаго. „Зап. Урал. Общ. Люб. Естеств.", т.

XIII. Екатеринб., 1891; *С. Чугуновъ*—Матеріалы для антропологіи Сибири. Томскъ, 1893; *S. Sommier*—Fra i Basckiri. „Arch. per antr.", 1881, XI; *Ujfalvy de Mezö-Kövesd*—Expédition scientif. franç. en Russie, en Sibérie et dans le Turkestan. Paris, 1880, vol. 3; *S. Weissenberg*—Ein Beitrag zur Anthropologie der Turkvölker. Baschkiren und Meschtscherjaken. „Zeitschr. f. Ethnol.", Berl., 1892.

Белуджи: *А. И. Вилькинсъ*—Среднеазіат. богема. „Антр. Выст.", т. III, стр. 436.

Беслинеевцы: *Р. Ѳ. фонъ-Эркертъ*—Антропологъ. измѣренія нѣкотор. кавказ. народовъ. „Изв. Кавказ. Отд. И. Р. Г. О.", т. VII. Тифл., 1882—3.

Буряты: *А. П. Богдановъ*—Бурят. черепа. „Антроп. Выст.", т. II, стр. 413; *Н. М. Маліевъ*—О бурятскихъ черепахъ. „Тр. Общ. Естеств. при Казан. универ.", 1878; *онъ же* — Каталогъ краніолог. коллекціи Казан. унив. Ibid., т. XIX, в. 2; *П. Г. Мацокинъ* — Опытъ антропометр. изслѣдованій населенія Забайкальской обл. „Рус. Медицина", 1893, № 38; *М. Т. Поротовъ*—Къ антропологіи бурятъ. Буряты-аларцы. Дисс. на степ. д-ра мед. Спб., 1895; *И. И. Шендриковскій*—Матеріалы къ антропологіи бурятъ (селенгинцевъ). Дисс. на степ. д-ра мед. Спб., 1895; *Hamy*—Note sur l'anthrop. de la Transbaïkalie du Sud. „Bull. du Museum d'Hist. Natur." Par., 1896, № 3; *J. Fridolin*—Burjaten-und Kalmückenschädel. „Arch. f. Anthr.", Bd. XXVII, № 3.

Вогулы: *Н. М. Маліевъ*—Отчетъ о вогульской экспедиціи. „Тр. Общ. Естеств. при Казан. унив.", т. III, № 2; *онъ же* - Матеріалы для сравнит. антропологіи. Ibid., т. IV, № 2; *онъ же*—Каталогъ краніолог. коллекціи Казан. унив. Ibid., т. XIX, в. 2; *онъ же*—Вогулы. Антропол. очеркъ. „Рус. Антр. Журн.", 1901, № 1; *К. Д. Носиловъ* — Антропол. очеркъ вогуловъ. „Проток. засѣд. Антр. Отд. съ 4 дек. 1884 по 1886". Москва, 1887; *А. Г. Рождественскій*—Величина головы человѣка въ ея зависимости отъ роста, пола, возраста и расы. „Тр. Антр. Отд.", т. XVIII.

Вотяки: *Н. В. Гильченко*—Вѣсъ голов. мозга и нѣкотор. его частей у разл. племенъ, населяющихъ Россію. „Тр. Антр. Отд.", т. XIX; *Н. М. Маліевъ*—Антропологъ. очеркъ вотяковъ. „Тр. Общ. Естествоисп. при Казан. унив.", т. IV, № 2; *онъ же*—Матеріалы для сравнит. антропологіи. Ibid., т. IV, № 2; *онъ же*—Каталогъ краніолог. коллекціи Казан. унив. Ibid., т. XIX, в. 2; *Н. И. Тезяковъ*—Вотяки Больше-Гондырской вол., Осинскаго у. (Мед.-стат. и мед.-антроп. очеркъ). Изд. ред. „Зем. Врача", 1892.

Гальча: *А. П. Богдановъ*—Черепа племени гальча. „Проток. засѣдан. Антроп. Отд. съ 4 дек. 1884 по 1886". Москва, 1887; *С. Д. Масловскій*—Гальча (первобыт. населеніе Туркестана). „Рус. Антр. Журн.", 1901, № 2; *А. П. Федченко*—Путешествіе въ Туркестанъ. Антропол. замѣтки относительно туркестан. инородцевъ. Обработалъ А. П. Богдановъ. „Изв. Имп. Общ. Люб. Ест., Антр. и Этн.", т. XXXIV, в. 5; *P. Topinard*—Crânes Galtchas. „Bull. de la Soc. d'Anthr. de Paris", 1878, pp. 247, 381; *Ujfalvy de Mezö-Kövesd* - Le Kohistan, le Ferghanah et Kouldja. Paris, 1878; *онъ же*—Les Galtchas et les Tadjiks. „Rev. d'Anthr.", 1879, sér. 2; *онъ же*—Quelques observations sur les Tadjiks des montagnes, appelés aussi Galtchas. „Bull. de la Soc. d'Anthr. de Paris", 1887; *Zaborowski*—Galtchas, Savoyards, Sartes et Uzbègues. Ibid., 1899, p. 698.

Гиляки: *А. П. Богдановъ*—Черепъ гиляка. „Антр. Выст.", т. II, стр. 411; *Н. Л. Зеландъ*—Гиляки. „Проток. засѣд. Антр. Отд. съ 4 дек. 1884 по 1886". Москва, 1886; *Шренкъ*—Объ инородцахъ Амурскаго края, т. I. Спб., 1883; *I. Kopernicki*—Un crâne de ghiliak. „Bull. de la Soc. d'Anthr. de Paris", 1867, p.

571; *Prunner-Bey*—Description d'un crâne de Ghiliak et note sur les Ghiliaks. Ibid., 1867, 2 sér., t. II.

Греки: *И. И. Пантюховъ*—О ростѣ нѣкотор. племенъ Закавказ. края. Тифл., 1890; *онъ же*—Антропол наблюденія на Кавказѣ. „Зап. Кавказ. Отд. И. Р. Г. О.", кн. XV. Тифл., 1893; *Ch. Apostolides*—Quelques mesures sur le vivant prises en Grèce. „Bull. de la Soc. d'Anthr. de Par.", 1883, p. 614; *J. Deniker*—Les races de l'Europe. I. L'indice céphal. en Europe. Par., 1899; *G. Nicolucci*—Sull antropologia della Grecia. „Atti della R. Acad. delle Scienze fisiche e matem. di Napoli, 1867, t. III, № 23; *Quatrefages et Hamy*—Crania ethnica. Par., 1882; *E. Schmidt*—Die anthr. Samml. Deutschlands. Catalog. d. craniolog. Samml. d. Dr. Emil Schmidt. Braunschw., 1887; *R. Virchow*—Ueber griechische Schädel. „Sitzungsber. d. K. Preuss. Akad. d. Wiss.", Berl., 1893, № 34; *A. Weisbach*—Die Schädelform der Griechen. „Mittheil. der anthrop. Gesell. in Wien", 1881, T. XI.

Грузины: *Е. А. Блюмъ*—Преступникъ какъ объектъ кримин.-психолог. изслѣдованія. „Сборн. Имп. Кавказ. Мед. Общ.", Тифл., 1886, № 42; *онъ же*—Предварит. свѣдѣнія о результатахъ антроп. изслѣдованій кавказ. народовъ. „VIII Съѣздъ рус. естеств. и врачей въ Спб.", т. II дополнит. Спб., 1892; *Е. П. Веніаминова*—Отчетъ о поѣздкѣ въ Терскую обл. и Закавказ. край. „Дневн. Антр. Отд.", 1890, вып. I, стр. 6; *Н. В. Гильченко*—Вѣсъ голов. мозга и нѣкоторыхъ его частей у различ. племенъ, населяющихъ Россію. „Тр. Антр. Отд.", т. XIX. Москва, 1899; *Л. П. Загурскій*—Антропол. измѣренія кавказ. народовъ, произв. ген. Р. Θ. фонъ-Эркертомъ и проф. Э. Шантромъ. „Изв. Кавказ. Отд. И. Р. Г. О.", т. VIII; *И. И. Пантюховъ*—О ростѣ нѣкотор. племенъ Закавказ. края. Тифл., 1890; *онъ же*—Ахалкалакскій уѣздъ. Мед.-антроп. очеркъ. „Сборн. Имп. Кавказ. Медиц. Общ.", Тифл., 1892, № 53; *онъ же*—Антрополог. наблюденія на Кавказѣ. „Зап. Кавказ. Отд. И. Р. Г. О.", кн. XV. Тифл., 1893; *онъ же*—Грузины Тифлисскаго уѣзда. „Дневн. Антроп. Отд.", 1893, в. II; *онъ же*—Свѣтлоглазые грузины. „Труды V Съѣзда Общества рус. врачей въ память Пирогова", Спб., 1894; *Р. Θ. фонъ-Эркертъ*—Антроп. измѣренія нѣкотор. кавказ. народовъ. „Изв. Кавказ. Отд. И. Р. Г. О.", т. VII и VIII; *E. Chantre*—Recherches anthropol. dans le Caucase, t. IV. Paris-Lyon, 1887; *R. v. Erckert*—Der Kaukasus und seine Völker. Leipz., 1887; *Smirnow*—Crânes géorgiens. „Bull. de la Soc. d'Anthr. de Paris", 1879, p. 719.

Гурійцы: *Е. А. Блюмъ*—Предвар. свѣдѣнія о результатахъ антропол. изслѣдованій кавказ. народовъ. „VIII Съѣздъ рус. естествоисп. и врачей въ Спб.", т. II дополнит. Спб., 1892; *Л. П. Загурскій*—Антроп. измѣренія кавказ. народовъ, произведенныя ген. Р. Θ. фонъ-Эркертомъ и проф. Э. Шантромъ. „Изв. Кавказ. Отд. И. Р. Г. О.", т. VIII; *И. И. Пантюховъ*—О ростѣ нѣкотор. племенъ Закавказ. края. Тифл., 1890; *онъ же*—Населеніе Кутаисской губ. „Вѣстн. общ. гиг., судеб. и практ. медиц.", 1892, т. XV; *онъ же*—Антропол. наблюденія на Кавказѣ. „Зап. Кавказ. Отд. И. Р. Г. О.", кн. XV. Тифл., 1893; *E. Chantre*—Recherches anthropol. dans le Caucase, t. IV. Par.-Lyon, 1887; *R. v. Erckert*—Der Kaukasus und seine Völker. Leipz., 1887.

Даргинцы: *E. Chantre*—Recherches anthropol. dans le Caucase, t. IV. Paris Lyon, 1887.

Дидойцы: *E. Chantre*—Recherches anthropol. dans le Caucase, t IV Par.-Lyon, 1887.

Дунгане: *А. П. Богдановъ*—Черепа дунганъ. „Проток. засѣд. Антр. Отд. съ 4 дек. 1884 по 1886". Москва, 1887; *П. Горбачевъ*—Антропол. наблюденія надъ таранчами, дунганами, кашгарцами и киргизами Джаркента. Ibid.; *Ма-*

цњесскій и Поярковъ—Краткія этнограф. замѣтки о туземцахъ бывшаго Кульджинскаго района. Омскъ, 1883; *Ujfalvy de Mezö-Kövesd*—Le Kohistan, le Ferghanah et Kouldja. Paris, 1878.

Евреи: *Д. Н. Анучинъ*—О географ. распредѣл. роста муж. нас. Россіи. „Зап. Имп. Рус. Геогр. Общ. по отд. стат.", т. VII, в. 1. Спб., 1889; *онъ же*—Евреи. „Энцикл. слов. Брокгауза и Ефрона", полут. 21; *Н. Р. Ботвинникъ*—Матер. къ вопросу о близорукости у евреевъ. „Врачъ", 1899, № 42; *Н. В. Гильченко*—Вѣсъ головн. мозга и нѣкотор. его частей у разл. племенъ, населяющихъ Россіи. „Тр. Антр. Отд.," т. XIX; *Н. Закъ*—Физич. развитіе дѣтей въ ср.-учебн. завед. Москвы. Моск., 1892; *А. А. Ивановскій*—Евреи. „Рус. Антр. Журн.", 1900, № 2 (указана литература); *Г. Коварскій*—Физич. развитіе древн. евреевъ сравнит. съ современными. „Будущность", 1900, №№ 20—22; *И. И. Пантюховъ*—О ростѣ нѣкотор. племенъ Закавказ. края. Тифл., 1890; *онъ же*—Антроп. наблюденія на Кавказѣ. „Зап. Кавказ. Отд. И. Р. Г. О.", XV; *онъ же*—О вырождающихся типахъ семитовъ. „Прот. засѣд. Рус. Антр. Общ.", т. II. Спб., 1889; *онъ же*—Населеніе Кутаис. губ. „Вѣстн. общ. гиг., судеб. и практ. медиц.", 1892, т. XV; *Снигиревъ*—Мат. для медиц. стат. и геогр. Россіи. „Воен.-Медиц. Журн.", 1878—79; *Ю. Д. Талько-Грынцевичъ*—Къ антроп. украин. и литов. евреевъ. „Прот. засѣд. Рус. Антр. Общ. за 1890—91 гг."; *Л. Шейнисъ*—Псевдоантроп. основы антисемитизма. „Рус. Богатство", 1900, № 5; *А. Д. Элькиндъ*—Зам. о черепахъ изъ евр. катакомбъ въ Римѣ. „Тр. Антр. Отд.", XIX; *Р. Ѳ. фонъ-Эркертъ*—Антроп. измѣр. нѣкотор. кавказ. народовъ. „Изв. Кавказ. Отд. И. Р. Г. О.", т. VIII; *М. Г. Яковенко*—Матер. къ антроп. евр. насел. Рогачев. у., Минск. г. Спб., 1898; *С. Ячинскій*—Изслѣд. надъ развитіемъ роста, окружн. груди и вѣса поляковъ и евреевъ въ школ. возрастѣ. „Изв. Варшав. унив.", 1889; *M. Alsberg*—Rassenmischug im Judenthum. „Samml. der gemeinverst. wiss. Vorträge", V, H. 116; *R. Andrée*—Zur Volkskunde der Juden. Bielef. u. Leipz., 1881; *J. Beddoe*—On the physical characteristics of the Jews. „Trans. Ethnol. Soc.", Lond., 1861; *G. Bertin*—On the origin and primitive home of the Semites. „Journ. of the Anthrop. Instit.", 1881—82; *онъ же*—The races of the Babylonian Empire. Ibid., 1888, XVIII, № 2; *B. Blechmann*—Ein Beitrag zur Anthropologie der Juden. Dorp., 1882; *D. Brinton and M. Jastrow*—The cradle of the Semites. Philad., 1890; *E. Chantre*—Recherches anthropol. dans le Caucase. Paris-Lyon, 1887, t. IV; *J. B. Davis*—Thesaurus craniorum. Lond., 1867; *I. Deniker*—Les races de l'Europe. I. L'indice céphalique en Europe. Paris, 1899; *онъ же*—The races of man. Lond., 1900; *A. Elisyeef*—Les habitants de l'Arabie Pétrée. „Revue d'Anthrop.", 1883, sér. 3; *R. v. Erckert*—Kopfmessungen kaukas. Völker. „Arch. f. Anthr.", XVIII-XIX; *C. Flieger*—Zur Anthrop. der Semiten. „Mitteil. der anthr. Gesell. zu Wien", Bd. IX, 1880; *E. A. Freeman*—The Jews in Europe. „Saturday Review", 1877, Feb.; *E. Goldstein*—Introduction a l'étude anthrop. des Juifs. „Rev. d'Anthr.", 1885, sér. 2; *I. Guidi*—Della sede primitiva dei popoli semitici. „Atti R. Accad. dei Lincei", 1879; *C. Ikow*—Neue Beiträge zur Anthr. der Juden. „Arch. f. Anthr.", Bd. XV; *V. Jacques*—Types juifs. „Rev. des études juives", 1893, t. XXVI; *J. Jacobs*—On the racial characteristics of modern Jews. „Journ. of the Anthr. Instit.", Lond., XV, № 1; *J. Jacobs*—The comparative distribution of Jewish ability. Ibid., XV, № 3; *J. Jacobs*—Studies in Jawish statistics. Lond., 1891; *J. Jacobs and I. Spielman*—On the comparative anthropometry of English Jews. „Journ. of the Anthr. Instit.", XIX, № 1; *J. I. Kettler*—Die geograph. Vertheilung der Juden in Niedersachsen. „Zeit. f. wissensch. Geogr.", 1880; *J. Kollmann*—Schädel und Skeletreste aus einem Judenfriedhof des XIII. und XIV. Jahrh. zu Basel. „Ver-

handl. der Naturforsch. Gesell.", Basel, 1885, Bd. VII; *A. Leroy-Beaulieu*—Les Juifs et l'antisémitisme. Paris, 1893; *C. Lombroso*—L'antisemitismo e le scienze moderne. Tor., 1894; *F. v. Luschan*—Die anthrop. Stellung der Juden. „Corresp.-Blatt", 1892, Bd. XXIII (см. также „Mitteil. der anthr. Gesell. zu Wien", Bd. XII); *J. Majer*—Roczny przyrost ciała u żydów galicyjskich jako przyczynek do ich charakterystyki fizycznéj. „Zbiór wiad. do Anthrop. kraj". Kraków, 1880; *J. Majer i J. Kopernicki*—Charakterystyka fizyczna ludnosci galicyjskiej. Kraków, 1877—85; *A. Neubauer*—Notes on the race-types of the Jews. „Journ. of the Anthr. Instit.", XV; *G. Nicolucci*—I Semiti, quel che furono e quel che oggi sono. „Atti dell' Accad. pontaniana", XX, Napoli, 1890; *J. G. Nott*—The physical history of the Jewish race. Charleston, 1850; *Pruner-Bey*—Résultates de craniométrie. „Mém. de la Soc. d'Anthr. de Par.", t. II, f. 4; *Quatrefages*—Cours d'anthropologie. „Revue des cours scientif.", 1868; *J. Ranke*—Zur Statist. und Physiol. der Körpergrösse der bayer. Militärpflichtigen. „Beiträge zur Anthrop. und Urgesch. Bayerns", redig. von Joh. Ranke und N. Rüdinger, 1881, Bd. IV; *E. Renan*—Le Judaïsme comme race et comme religion. Paris, 1883; *W. Z. Ripley*—The racial geography of Europe. „Appletons Science Monthly", New-Jork, LIV, № 2—3 (см. также „Globus", 1899, № 12); *W. Z. Ripley*—The races of Europe. Lond., 1900; *Scheiber*—Untersuchungen über den mittleren Wuchs des Menschen in Ungarn. „Arch. f. Anthr.", Bd. XIII; *G. Schulz*—Bericht über Messungen an Individuen von verschied. Nationen. „Bull. de la classe phys.-mathémat. de l'Acad. Impér. des Sc. de St.-Pét.", 1845, t. IV, № 15—16; *L. Stieda*—Ein Beitrag zur Anthr. der Juden. „Arch. f. Anthr.", Bd. XIV; *J. Talko-Hryncewicz*—Charakterystyka fizyczna ludności żydowskiej Litwy i Rusi na podstawie własnych spostrezeń. „Zbiór wiad. do Antrop. kraj." Kraków, XVI, 1892; *R. Verneau*—Sur les Sémites aux îles Canaries. „Bull. de la Soc. d'Anthr. de Par.", 1881; *S. Virchow*—Gesammtbericht über die von der deutschen anthrop. Gesellschaft veranlassten Erhebungen über die Farbe der Haut, der Haare und der Augen der Schulkinder in Deutschland. „Arch. f. Anthrop.", Bd. XVI; *C. Vogt*—Vorlesungen über den Menschen. Giessen, 1863, Bd. II; *Wächter*—Bemerkungen über den Kopf der Juden. „Magazin der naturforsch. Freunde in Berlin", 1812; *A. Weisbach*—Körpermessungen verschied. Menschenrassen. „Zeit. f. Ethnol.", 1877, Bd. IX; *S. Weissenberg*—Die südrussischen Juden. „Arch. f. Anthr.", Bd. XXIII; *H. Welcker*—Craniol. Mitteilungen. „Arch. f. Anthr.", Bd. I; *G. Wolf*—Die Juden. Wien, 1883; *A. Zakrzewski*—Wzrost w królestwie Polskiem. Przyczynek do charakterystyki fizycznej Polaków. „Zbiór wiad. do Antrop. kraj". Kraków, 1891, XV; *A. Zakrzewki*—Ludność miasta Warszawy. Kraków, 1895.

Езиды: *А. А. Ивановскій*—Езиды. „Рус. Антр. Журн.", 1900, № 3.

Зыряне: *Н. В. Гильченко*—Вѣсъ голов. мозга и нѣкоторыхъ его частей у различ. племенъ, населяющихъ Россію. „Тр. Антр. Отд.", т. XIX. Москва, 1899; *S. Sommier*—Siriéni, Ostiacchi e Samoiedi dell' Ob. „Arch. per l'Antr.", t. XVII. Firenze, 1887.

Имеретины: *Е. А. Блюмъ*—Предварит. свѣдѣнія о результатахъ антроп. изслѣдованій кавказ. народовъ. „VIII Съѣздъ рус. естествоисп. и врачей въ Спб.", т. II дополн. Спб., 1892; *Л. П. Загурскій*—Антроп. измѣренія кавказ. народовъ, произведенныя ген. Р. Ѳ. фонъ-Эркертомъ и проф. Э. Шантромъ. „Изв. Кавказ. Отд. И. Р. Г. О.", т. VIII; *Н. И. Пантюховъ*—О ростѣ нѣкотор. племенъ Закавказ. края. Тифл., 1890; *онъ же*—Антропол. наблюденія на Кавказѣ. „Зап. Кавказ. Отд. И. Р. Г. О.", т. XV; *онъ же*—Населеніе Кутаис. губ. „Вѣст. общ. гиг., судебн. и практ. мед.", 1892, т. XV; *E. Chantre*—Recherches anthropol.

dans le Caucase, t. IV. Paris Lyon, 1887; *R. von Erckert*—Der Kaukasus und seine Völker. Leipz., 1887.

Ингуши: *Л. П. Загурскій*—Антроп. измѣренія кавказ. народовъ, произведенныя ген. Р. Ѳ. фонъ Эркертомъ и проф. Э. Шантромъ. „Изв. Кавказ. Отд. И. Р. Г. О.", т. VIII; *Н. И. Пантюховъ*—Ингуши. Антроп. очеркъ. Ibid., т. XIII, № 6. Тифл., 1901; *Р. Ѳ. фонъ-Эркертъ*—Антроп. измѣренія нѣкор. кавказ. народовъ. Ibid., т. VII; *E. Chantre*—Recherches anthrop. dans le Caucase, t. IV. Paris-Lyon, 1887; *R. v. Erckert*—Kopfmessugen der kaukas. Völker. „Arch. f. Anthr.", 1891.

Кабардинцы: *А. А. Вырубовъ*—Къ вопросу о сравнительной прочности зубовъ. „Дневн. Антр. Отд.", 1891, в. III и IV; *Н. А. Вырубовъ*—Отчетъ о поѣздкѣ на Кавказъ лѣтомъ 1890 г. Ibid., 1890, в. IX; *Я. Д. Вышогродъ*—Матеріалы для антропологіи кабардинскаго народа (адыге). Дисс. на степ. д-ра мед. Спб., 1895; *Р. Ѳ. фонъ-Эркертъ*—Антропол. измѣренія нѣкотор. кавказ. народовъ. „Изв. Кавказ. Отд. И. Р. Г. О.", т. VII; *E. Chantre*—Recherches anthropol. dans le Caucase, t. IV. Paris-Lyon, 1887.

Казикумухцы: *Р. Ѳ. фонъ-Эркертъ*— Антропол. измѣренія нѣкотор. кавказ. народовъ. „Изв. Кавказ. Отд. И. Р. Г. О.". т. VIII; *E. Chantre*—Recherches anthrop. dans le Caucase, t. IV. Paris-Lyon, 1887.

Калмыки: *В. В. Воробьевъ*—Наружное ухо человѣка. „Тр. Антр. Отд.", т. XX; *А. А. Ивановскій*—Монголы-торгоуты. „Тр. Антр. Отд.", т. XII (приведена литература); *П. И. Лесгафтъ* — О причинахъ развитія длинноголовыхъ и круглоголовыхъ череповъ. „Изв. С.-Петербургской Біологической Лабораторіи", 1899; *Н. М. Маліевъ*—Матер. для сравнит. антропологіи. „Тр. Общ. Естеств. при Казан. унив.", т. IV, № 2; *онъ же*—Каталогъ краніолог. коллекціи Казан. унив. Ibid., т. XIX, в. 2; *Мацѣевскій и Поярковъ* — Краткія этнограф. замѣтки о туземцахъ бывшаго Кульджинскаго района. Омскъ, 1883; *И. И. Мечниковъ* — Антропол. очеркъ калмыковъ. „Тр. Антр. Отд.", кн. 2, в. 1; *А. Г. Рождественскій*—Величина головы человѣка въ ея зависимости отъ роста, пола, возраста и расы. Ibid., т. XVIII; *А. Н. Харузинъ*—Два калмыц. черепа. „Дневн. Антр. Отд.", 1890, в. IV; *Р. Ѳ. фонъ-Эркертъ* — Антропол. измѣренія нѣкоторыхъ кавказ. народовъ. „Изв. Кавказ. Отд. И. Р. Г. О.", т. VIII; *Aitken Meigs*—Catalogue of human crania. Philad., 1857; *K. E. Baer*—Crania selecta. „Mém. de l'Acad. des Sc. de St.-Pét.", 1859, t. X; *P. Broca*—„Bull. de la Soc. d'Anthr. de Paris", 1861, p.p. 142 et 198, и 1873, p. 551, и „Rev. d'Anthr.", 1872, p 423; *G. Broesike*—Das anthrop. Material des anatom. Museums der K. Univers. zu Berlin, 1880; *E. Chantre*—Recherches anthropol. dans le Caucase, t. IV. Par.-Lyon, 1887; *I. B. Davis*—Thesaurus craniorum. Lond., 1867; *I. Deniker*—Sur les Kalmouks. „Bull. de la Soc. d'Anthr. de Par.", 1883, и „Rev. d'Anthr.", 1883, p. 671, и 1884, p. 277; *Dusseau*—Musée Yrolik. Amst., 1865; *A. Ecker*—Catalog. d. anthr. Samml. d. Univers. Freiburg 1878; *W. Flower*—Catalogue etc. Lond., 1879; *J. Fridolin*—Burjaten-und Kalmückenschädel. „Arch. f. Anthr.", Bd. XXVII, № 3; *G. Huhff*—De la configuration des paupières chez les Mongols. „Rev. d'Anthr.", 1875, t. IV; *Al. Iwanowski*—Zur Anthropologie der Mongolen. „Arch. für Anthrop.", Bd. XXIV; *онъ же*—Ueber gewisse Körperproportionen der Mongolen. „Compt.-rendus du XII Congrès internat. de médecine". Moscou, 1900; *I. Kollmann*—Kalmücken der kleinen Dörbeter Horde in Basel. „Verhandl. d. Naturforsch. Gesell. in Basel", 1884, S. 643; *I. Kopernicki*—The Kalmucks. „Journ. of the Anthr. Inst.", 1872, t. 1, № 3; *L. Kotelmann*—Die Augen von 22 Kalmücken. „Zeitschr. f. Ethnol.", 1884; *E. Metschnikoff*—Ueber die Beschaffenheit der Augenlieder bei den Mongolen und Kau-

kasiern. „Zeitschr. f. Ethnol.", 1874, S. 153; *Pruner-Bey*—Résultats de craniométrie. „Mém. de la Soc. d'Anthr. de Par.", 1865, t. II; *онъ же*—De la chevelure, comme caractéristique des races humaines. Ibid., 1865, t. II; *A. Quatrefages*—L'espèce humaine. Paris, 1879; *A. Quatrefages et E. Hamy*—Crania ethnica. Paris, 1882; *E. Regalia*—Orbita e obliquità dell' occhio mongolico. „Arch. per l'Antr.", 1888, vol. XVIII; *Spengel*—Anthr. Samml. der Univers. Göttingen, 1874; *Ten-Kate*—Zur Craniologie der Mongoloiden. Berl., 1882; *P. Topinard*—Les Kalmouks. „Rev. d'Anthr.", 1878, p. 576; *R. Virchow*—Der Schädel aus der Dschungarei. „Zeitschr. f. Ethnol.", 1875, S. 342; *Ujfalvy de Mezö-Kövesd*—Le Kohistan, le Ferghanah et Kouldja. Paris, 1878.

Карагасы: *Н. В. Зальсскій*—Къ этнографіи и антропологіи карагасовъ. „Тр. Антр. Общ. при Воен.-Медиц. Акад.", т. III. Спб., 1898.

Карачаевцы: *Р. Ѳ. фонъ-Эркертъ*—Антроп. измѣр. нѣкотор. кавказ. народовъ. „Изв. Кавказ. Отд. И. Р. Г. О.", т. VIII; *E. Chantre*—Recherches anthropol. dans le Caucase, t. IV. Paris-Lyon, 1887.

Карелы: *А. В. Елисѣевъ*—Антроп. замѣтки о финнахъ. „Протоk. засѣд. Антроп. Отд. съ 4 дек. 1884 по 1896". Москва, 1887; *J. Deniker*—Les races de l'Europe. I. L'indice céphal. en Europe. Paris, 1899.

Качинцы: *Ф. Я. Конъ*—Беременность, роды и уходъ за ребенкомъ у качинокъ. „Рус. Антр. Журн.", 1900, № 4.

Киргизы: *Н. А. Аристовъ*—Опытъ выясненія этническаго состава киргизъ-казаковъ Большой орды и каракиргизовъ на основаніи родословныхъ сказаній и свѣдѣній о существующихъ родовыхъ дѣленіяхъ и о родовыхъ тамгахъ, а также историческихъ данныхъ и начинающихся антропологическихъ изслѣдованій. „Живая Старина", 1894, в. III и IV; *П. Горбачевъ*—Антрополог. наблюденія надъ таранчами, дунганами, кашгарцами и киргизами Джаркента. „Проток. засѣд. Антр. Отд. съ 4 дек. 1884 по 1886 г." Москва, 1887; *Н. Л. Зеландъ*—Киргизы. „Зап. Зап.-Сибир. Отд. И. Р. Г. О.", кн. VII, в. 2. Омскъ, 1885; *А. А. Ивановскій*—Измѣренія киргизокъ Средней орды. „Тр. Антр. Отд.", т. XVIII, стр. 105; *Колбасенко*—Семирѣченская киргизка въ акушер. отношеніи, плодовитость и дѣтская смертность. „Проток. Кіев. Акуш.-Гинекол. Общ.", 1889, в. V и 1900, № 36; *Мацѣевскій и Поярковъ*—Краткія этнограф. замѣтки о туземцахъ бывшаго Кульджинскаго района. Омскъ, 1883; *В. Д. Троновъ*—Матеріалы по антропологіи и этнологіи киргизъ. „Зап. Имп. Рус. Геогр. Общ. по отд. этнографіи", т. XVII, в. II. Спб., 1891; *А. Н. Харузинъ*—Киргизы Букеевской орды. „Тр. Антр. Отд.", т. X и XVI (приведена литература о киргизахъ); *онъ же*—О нѣкоторыхъ соотношеніяхъ размѣровъ головы и лица по возрастамъ у киргизовъ. „Дневн. Антр. Отд.", 1890, в. 3; *онъ же*—По вопросу о происхожденіи киргизскаго народа. „Этнограф. Обозр.", 1895, кн. XXVI; *С. Чугуновъ*—Матеріалы для антропологіи Сибири. Томскъ, 1894; *E. Chantre*—Recherches anthropol. dans le Caucase, t. IV. Paris-Lyon, 1887; *Ujfalvy de Mezö-Kövesd*—Le Kohistan, le Ferghanah et Kouldja. Paris, 1878; *онъ же*—Expédition scientif. française en Russie, en Sibérie et dans le Turkestan. Paris, 1878—80.

Китайцы: *А. П. Богдановъ*—Черепа кульджин. китайцевъ. „Проток. засѣд. Антроп. Отд. съ 4 дек. 1884 по 1886 г." Москва, 1888; *Мацѣевскій и Поярковъ*—Краткія этнограф. замѣтки о туземцахъ бывшаго Кульджинскаго района. Омскъ, 1883; *Ю. Д. Талько-Грынцевичъ*—Замѣтки по антропологіи сѣвер. китайцевъ. „Тр. Троицкосавско-Кяхтин. Отдѣл. Приамур. Отд. И. Р. Г. О.", 1899, т. II, в. 3; *H. Girard*—Notes sur les chinois. „L'Anthropologie", 1898, t. IX, № 2; по краніологіи китайцевъ см. статьи *Fuzier*, *Mutel*, *Huquet* и *Richemond* въ

„Bull. de la Soc. d'Anthr. de Paris", 1861, p. 585, 1862, p. 438 и 1879, p.p. 569 и 697; *E. Schmidt* — Die anthrop. Samml. Deutschlands. Catalog d. craniol. Samml. d. Dr. Emil Schmidt. Braunschw., 1887.

Корейцы: *А. П. Богдановъ*—Черепа корейцевъ. „Антр. Выст.", т. II, стр. 405.

Кубачинцы: *E. Chantre*—Recherches anthropol. dans le Caucase, t. IV. Paris-Lyon, 1887.

Кумандинцы: *Н. М. Ядринцевъ*—Измѣренія алтайскихъ инородцевъ. „Проток. засѣд. Антр. Отд. съ 4 дек. 1884 по 1886 г." Москва, 1886.

Кумыки: *И. И. Пантюховъ*—О кумыкахъ. Антроп. очеркъ. Газ. „Кавказъ", 1894, №№ 138, 139 и 225; *П. Θ. Свидерскій*—Матеріалы для антропологіи Кавказа. Кумыки. Дисс. на степ. д-ра мед. Спб., 1898; *E. Chantre*—Recherches anthropol. dans le Caucase, t. IV. Paris-Lyon, 1887.

Курды: *Н. П. Даниловъ*—Къ характеристикѣ антропол. и физіологич. чертъ современнаго населенія Персіи. „Тр. Антр. Отд.", т. XVII. Москва, 1894; *Н. В. Насоновъ*—Таблица измѣреній курдовъ. „Дневн. Антр. Отд.", 1890, в. X; *И. И. Пантюховъ*—Антропол. наблюденія на Кавказѣ. „Зап. Кавказ. Отд. И. Р. Г. О.", кн. XV; *E. Chantre*—Aperçu sur les caractères ethniques des ansharies et des kurdes. „Bull. de la Soc. d'Anthr. de Lyon", 1882, t. I; *онъ же*—Recherches anthropolog. dans le Caucase, t. IV. Paris-Lyon, 1887; *онъ же*—Aperçu sur l'anthropométrie des peuples de la Transcaucasie. „Congr. intern. d'arch. et d'anthr. préhist." Moscou, 1893, t. II; *онъ же* —Missions scientif. en Transcaucasie, Asie Mineure et Syrie 1890—94. „Arch. de Museum d'Hist. Natur. de Lyon", t. IV, 1895; *Houssay*—Les peuples actuels de la Perse. „Bull. de la Soc. d'Anthr. de Lyon", 1887, t. IV.

Кюринцы см. Лезгины.

Лазы: *E. Chantre*—Recherches anthropol. dans le Caucase, t. IV. Paris-Lyon, 1887.

Ламуты: *А. Г. Рождественскій*—Матеріалы къ изученію физич. типа чукчей и ламутовъ (по матеріаламъ, доставленнымъ А. В. Олсуфьевымъ). „Зап. Приамур. Отд. И. Р. Г. О.", т. II, в. 1. Спб., 1896.

Латыши: *Р. Л. Вейнбергъ*—О строеніи большого мозга у эстовъ, латышей и поляковъ. „Тр. Антр. Отд.", т. XIX. Москва, 1899; *Ю. Д. Талько-Грынцевичъ*—Къ антропологіи народностей Литвы и Бѣлоруссіи. „Тр. Антр. Общ. при Воен.-Медиц. Акад.", т. I, в. 1. Спб., 1894; *R. Weinberg*—Das Gehirn der Letten. Cassel, 1896; *O. Waeber* — Beiträge zur Anthropologie der Letten. In.-Diss. Dorpat, 1879.

Лезгины: *Н. В. Гильченко*—Вѣсъ голов. мозга и нѣкотор. его частей у различ. племенъ, населяющихъ Россію. „Тр. Антр. Отд.", т. XIX. Москва, 1899; *К. М. Курдовъ*—Къ антропологіи лезгинъ (кюринцы). „Рус. Антр. Журн.", 1901, №№ 3—4; *И. И. Пантюховъ* —Антропол. наблюденія на Кавказѣ. „Зап. Кавказ. Отд. И. Р. Г. О.", т. XV; *онъ же*—Современные лезгины. Тифл., 1901; *А. Г. Рождественскій*—Величина головы человѣка въ ея зависимости отъ роста, пола, возраста и расы. „Тр. Антр. Отд.", т. XVIII; *Р. Θ. фонъ-Эркертъ*—Антропол. измѣренія нѣкотор. кавказ. народовъ. „Изв. Кавказ. Отд. И. Р. Г. О.", т. VIII; *E. Chantre*—Recherches anthropol. dans le Caucase, t. IV. Paris-Lyon, 1887.

Ливы: *F. Waldhauer*—Zur Anthropologie der Liven. In.-Diss. Dorpat, 1879; *R. Virchow*—Livländischer Schädel. „Verhandl. d. Berl. Gesell. f. Anthr., Ethnol. u. Urgesch." 1878, S. 141.

Литовцы: *Н. В. Гильченко*—Вѣсъ голов. мозга и нѣкоторыхъ его ча-

стей у различ. племенъ, населяющихъ Россію. „Тр. Антр. Отд.", т. XIX; *Ю. Д. Талько-Грынцевичъ*—Къ антропологіи народностей Литвы и Бѣлоруссіи. „Тр. Антр. Общ. при Воен.-Медиц. Акад." т. I, в. 1. Спб., 1894; *Н А. Янчукъ*—Къ вопросу объ антропол. типѣ литовцевъ. „Дневн. Антр. Отд.", 1900, в. V; *I. Brennsohn*—Zur Anthropologie der Litauer. In.-Diss. Dorpat, 1883; *J. Deniker*—Les races de l'Europe. I. L'indice céphal. en Europe. Par., 1899; *W. Olechnowicz*—Charakterystyka fizyczna Litwinów. „Zbior wiadomości do antropologii kraj., wydawanego staranyem Komisyi antropologicznej Akademii Umiejętnosci w Krakowie", 1895, t. XVIII; *J. Talko-Hryncewicz*—Charakterystyka fizyczna ludów Litwy i Rusi. Ibid., t. XVII.

Лопари: *А. И. Кельсіевъ*—Вопросы по изученію лопарей, затронутые въ антрополог. Обществахъ и спеціал. журналахъ послѣднихъ лѣтъ. „Антр. Выст.", т. I, стр. 114; *онъ же*—Антропол. очеркъ лопарей. Ibid., т. III, стр. 491 и т. IV, стр. 1; *Н. Н. Харузинъ*—Къ вопросу о двухъ типахъ лопарей. „Дневн. Антр. Отд.", 1890, в. IV; *Bertillon* — Crâniologie des Lapons. „Bull. de la Soc. d'Anthr. de Par.", 1869, t. IV; *R. Bonaparte*—The Lapps of Finmark. „Journ. of Anthr. Inst.", 1885, t. XV; *J. Deniker*—Les races de l'Europe. I. L'indice céphal. en Europe. Par., 1899; *Garson*—On the physical characteristics of the Lapps. „Journ. of Anthr. Inst.", t. XV; *P. Mantegazza* — I Lapponi. „Arch. per. l'Antr.", 1880, t. X; *P. Mantegazza et Sommier* — Studii antr. sui Lapponi. Tor., 1880; *E. Schmirt*—Die anthrop. Samml. Deutschlands. Catalog d. craniolog. Samml. d. Dr. Emil Schmidt. Braunschw., 1887; *S. Sommier* — Osservazioni sui Lapponi e sui Finlandesi settentrionali. „Arch. per. l'Antr.", XVI, 1886; *R. Virchow*—Die physischen Eigenschaften der Lappen. „Verhandl. d. Berl. Gesell. f. Anthr., Ethnol. u. Urgesch.", VII, 1875; *онъ же*—Ueber die Lappen. Ibid., 1879, S, 143; 1891, S. 478.

Люли: *А. И. Вилькинсъ*—Среднеазіат. богема. „Антроп. Выст.", т. III, стр. 436.

Мазанги: *А. И. Вилькинсъ*—Среднеазіат. богема. „Антр. Выст", т. III, стр. 436.

Мещеряки: *S. Weissenberg*—Ein Beitrag zur Anthropologie der Turkvölker. Baschkiren und Meschtscherjaken. „Zeitschr. f. Ethnol.", Berl., 1892.

Мингрельцы: *Е. А. Блюмъ*—Предварит. свѣдѣнія о результатахъ антрополог. изслѣдованій кавказ. народовъ. „VIII съѣздъ рус. естествоисп. и врачей въ Спб.", т. II дополн. Спб., 1892; *Л. П. Загурскій*—Антропол. измѣренія кавказ. народовъ, произведенныя ген. Р. Ѳ. фонъ-Эркертомъ и проф. Э. Шантромъ. „Изв. Кавказ. Отд. И. Р. Г. О.", т. VIII; *И. И. Пантюховъ*—О ростѣ нѣкотор. племенъ Закавказ. края. Тифл., 1890; *онъ же*—Населеніе Кутаис. губ. „Вѣст. общ. гиг., судеб. и практ. мед.", 1892, т. XV; *онъ же*—Антропол. наблюденія на Кавказѣ. „Зап. Кавказ. Отд. И. Р. Г. О.", кн. XV; *Р. Ѳ. фонъ-Эркертъ*—Антроп. измѣренія нѣкотор. кавказ. народовъ. „Изв. Кавказ. Отд. И. Р. Г. О.", т. VIII; *E. Chantre*—Recherches anthropol. dans le Caucase, t. IV. Par.-Lyon, 1887; *R. v. Erckert*—Der Kaukasus und seine Völker. Leipz., 1887.

Мордва: *Н. В. Гильченко*—Вѣсъ голов. мозга и нѣкоторыхъ его частей у различ. племенъ, населяющихъ Россію. „Тр. Антр. Отд.", т. XIX; *В. Н. Майновъ*—Результаты антрополог. изслѣдованій среди мордвы-эрзй. „Зап. Имп. Рус. Геогр. Общ. по отд. этногр.", т. XI. Спб., 1883; *онъ же*—Матеріалы по антропологіи мордвы-эрзй Нижегород. у. „Дневн. Антр. Отд.", 1891, в. IV; *Н. М. Маліевъ*—О мордвѣ Смоленской губ. (антропол. наблюденія). „Тр. Общ. Естествоисп. при Казан. унив.", 1878; *онъ же* — Каталогъ краніолог. коллекціи Казан. унив. Ibid., т. XIX, в. 2; *А. Г. Рождественскій* — Величина головы че-

ловѣка въ ея зависимости отъ роста, пола, возраста и расы. „Тр. Антр. Отд.“, т. XVIII; *Е. Т. Соловьевъ*—О ростѣ и объемѣ груди жителей Тетюшскаго у., Казанской г. „Проток. засѣд. Антроп. Отд. съ 4 дек. 1884 по 1886 г.“; *S. Sommier*—Mordvà. „Arch. per l'Antr.“, XIX, 1889.

Натухайцы: *А. П. Богдановъ*—О черепахъ изъ кавказ. кургановъ и могилъ. „Антр. Выст.“, т. III, стр. 431.

Ногайцы: *E. Chantre*—Recherches anthropol. dans le Caucase, t. IV. Paris-Lyon, 1887.

Нѣмцы: *Н. В. Гильченко*—Вѣсъ головн. мозга и нѣкотор. его частей у различ. племенъ, населяющихъ Россію. „Тр. Антр. Отд.“, т. XIX; *И. И. Пантюховъ*—О ростѣ нѣкотор. племенъ Закавказ. края. Тифл., 1890; *онъ же*—Антр. наблюденія на Кавказѣ. „Зап. Кавказ. Отд. И. Р. Г. О.“, кн. XV; *А. Н. Харузинъ*—Къ антропологіи населенія Эстляндской губ. „Временникъ Эстлянд. губ. 1893 г.“, Ревель, 1894.

Ороки: *A. Tarenetzky*—Weitere Beiträge zur Craniologie der Bewohner von Sachalin—Aino, Giljaken und Oroken. „Mém. de l'Acad. des Sc. de St.-Pét.“, t. XLI, № 6. St.-Pét., 1893.

Орочи: *В. П. Маргаритовъ*—Объ орочахъ Императорской гавани. Спб., 1888; *А. Рончевскій*—Измѣреніе 17 череповъ орочей. „Медиц. Прибавл. къ Морск. Сборн.“, 1888.

Орочоны: *А. А. Ивановскій*—Орочонскій черепъ. „Дневн. Антр. Отд.“, 1890, в. IV; *Н. М. Маліевъ*—Матеріалы для сравнит. антропологія. „Тр. Общ. Естествоисп. при Казан. унив.“, т. IV, № 2. Казань, 1874; *онъ же*—Каталогъ краніолог. коллекціи Казан. унив. Ibid., т. XIX, в. 2.

Осетины: *Е. А. Блюмъ*—Предварит. свѣдѣнія о результатахъ антроп. изслѣдованій кавказ. народовъ. „VIII съѣздъ рус. естеств. и врачей въ Спб.“, т. II дополнит. Спб., 1892; *Н. В. Гильченко*—Матеріалы для антропологіи Кавказа. I. Осетины. Дисс. на степ. д-ра мед. Спб., 1890; *онъ же*—Антроп. очеркъ осетинъ. „Проток. засѣд. Рус. Антр. Общ. при Петерб. унив. за 1890—91 г.“ Спб., 1892; *онъ же*—Вѣсъ голов. мозга и нѣкотор. его частей у различ. племенъ, населяющихъ Россію. „Тр. Антр. Отд.“, т. XIX; *Л. П. Загурскій*—Антрополог. измѣренія кавказ. народовъ, произведенныя ген. Р. Ѳ. фонъ-Эркертомъ и проф. Э. Шантромъ. „Изв. Кавказ. Отд. И. Р. Г. О.“, т. VIII; *А. А. Ивановскій*—Черепа изъ могильниковъ Осетіи. „Дневн. Антр. Отд.“, 1891, в. V; *Н. М. Маліевъ*—Матеріалы для сравн. антропологіи. „Тр. Общ. Естествоисп. при Казан. унив.“, т. IV, № 2. Казань, 1874; *онъ же*—Каталогъ краніолог. коллекціи Казан. унив. Ibid., т. XIX, в. 2; *И. И. Пантюховъ* — Антропол. наблюденія на Кавказѣ. „Зап. Кавказ. Отд. И. Р. Г. О.“, кн. XV; *онъ же* — О ростѣ нѣкоторыхъ племенъ Закавказ. края. Тифл., 1890; *А. Н. Харузинъ*—О вліяніи тюркской крови на иранскій типъ осетинъ. „Дневн. Антр. Отд.“, 1890, в. V; *Р. Ѳ. фонъ-Эркертъ*—Антропол. измѣренія нѣкотор. кавказ. народовъ. „Изв. Кавказ. Отд. И. Р. Г. О.“, т. VII и VIII; *E. Chantre*—Recherches anthropol. dans le Caucase, t. IV. Paris-Lyon, 1887; *R. von Erckert* — Der Kaukasus und seine Völker. Leipz., 1887.

Остяки: *А. П. Богдановъ*—Остяцкіе черепа. „Антр. Выст.“, т. II, стр. 408; *А. И. Таренецкій*—Остяцкіе черепа. „Тр. Антр. Общ. при Воен.-Медиц. Акад.“, т. III. Спб., 1898; *С. Чугуновъ*—Антропол. очеркъ остяковъ. „Сибир. Вѣстникъ“, 1890, №№ 85, 88 и 90; *онъ же*—Матеріалы для антропологіи Сибири. Томскъ, 1893; *S. Sommier*—Siriéni, Ostiacchi e Samoiedi dell'Ob. „Arch. per

l'Antr.", t. XVII. Firenze, 1887; *R. Virchow*—„Arch. f. Anthr.", Bd. IV; о черепахъ см. „Bull. de la Soc. d'Anthr. de Par.", 1898. f. 2.

Пермяки: *Н. В. Гильченко*—Вѣсъ голов. мозга и нѣкор. его частей у различ. племенъ, населяющихъ Россію. „Тр. Антр. Отд.", т. XIX; *Н. М. Маліевъ*—Антропол. очеркъ племени пермяковъ. „Тр. Общ. Естествоисп. при Казан. унив.", XVI, в. 4. Казань, 1887; *онъ же*—Каталогъ краніолог. коллекціи Казан. унив. Ibid., т. XIX, в. 2.

Персы: *Н. П. Даниловъ*—Къ характеристикѣ антропол. и физіолог. чертъ современ. населенія Персіи. „Тр. Антр. Отд.", т. XVII; *И. И. Пантюховъ*—О ростѣ нѣкотор. племенъ Закавказ. края. Тифл., 1890; *онъ же*—Антропол. наблюденія на Кавказѣ. „Зап. Кавказ. Отд. И. Р. Г. О.", кн. XV; *А. П. Федченко*—Путешествіе въ Туркестанъ. Антропол. замѣтки относительно туркестан. инородцевъ. Обраб. А. П. Богдановъ. „Изв. Имп. Общ. Люб. Ест., Антр. и Этн.", т. XXXV, в. 5; *E. Chantre*—Recherches anthropol. dans le Caucase, t. IV. Paris-Lyon, 1887; *Houssay*—Les peuples actuels de la Perse. „Bull. de la Soc. d'Anthr. de Lyon", 1887, pp. 101—130.

Пшавы: *Е. А. Блюмъ*—Предварит. свѣдѣнія о результатахъ антропол. изслѣдованій кавказ. народовъ. „VIII съѣздъ рус. естествоисп. и врачей въ Спб.", т. II, дополн. Спб., 1892; *E. Chantre*—Recherches anthropol. dans le Caucase, t. IV. Paris-Lyon, 1887.

Самоѣды: *А. П. Богдановъ*—Черепа самоѣдовъ. „Антр. Выст.", т. II, стр. 381; *Montefiore*—The Samoyeds. „Journ. of Anthr. Inst.", 1895, t. XXIV; *S. Sommier*—Siriéni, Ostiacchi e Samoiedi dell'Ob. „Arch. per l'Antr.", t. XVII, Firenze. 1887.

Самурзаканцы: *И. И. Пантюховъ*—Самурзаканцы. Газ. „Кавказъ", 1892, № 77; *онъ же*—О ростѣ нѣкотор. племенъ Закавказ. края. Тифл., 1890.

Сарты: *А. П. Богдановъ*—Краніолог. замѣтки о Туркестан. населеніи. „Проток. засѣд. Антр. Отд. съ 4 дек. 1884 по 1886 г". Москва, 1887; *Н. М. Маліевъ* — Каталогъ краніол. коллекціи Казан. унив. „Тр. Общ. Естествоисп. при Казан. унив.", т. XIX, в. 2; *Мацѣевскій* и *Поярковъ* — Краткія этнографич. замѣтки о туземцахъ бывшаго Кульджинскаго района. Омскъ, 1883; *А. П. Федченко*—Путеш. въ Туркестанъ. Антропол. замѣтки отн. туркест. инородцевъ. Обраб. А. П. Богдановъ. „Изв. Имп. Общ. Люб. Ест., Антр. и Этн.", т. XXXIV, в. 5; *И. Л. Яворскій* — Краткій отчетъ о научной командировкѣ въ Ср. Азію, исполненной лѣтомъ 1894 г. Матеріалы для краніологіи туркестан. населенія. Одесса, 1895; *Durante* — Crânes, ossements et objets des sartes. „Bull. de la Soc. d'Anthr. de Paris", 1898, p. 437; *Zaborowski*—Galtchas, Savoyards, Sartes et Uzbèques. Ibid., 1899, p. 698.

Сванеты: *Е. А. Блюмъ*—Предварит. свѣдѣнія о результатахъ антроп. изслѣдованій кавказ. народовъ. „VIII съѣздъ рус. естествоисп. и врачей въ Спб.", т. II дополн. Спб., 1892; *В. В. Ольдерогге*—О результатахъ антропolог. экскурсіи въ Сванетію. „Проток. засѣд. Рус. Антр. Общ. при Петерб. унив. за 1890—91 г."; *И. И. Пантюховъ*—О ростѣ нѣкотор. племенъ Закавказ. края. Тифл., 1890; *онъ же*—Населеніе Кутаис. губ. „Вѣстн. общ. гиг., судеб. и практ. медиц.", 1892. т. XV; *онъ же*—Антропол. наблюденія на Кавказѣ. „Зап. Кавказ. Отд. И. Р. Г. О.", кн. XV; *E. Chantre*—Recherches anthropol. dans le Caucase, t. IV. Paris-Lyon, 1887.

Сибо-шибинцы: *Мацѣевскій* и *Поярковъ*—Краткія этнографич. замѣтки о туземцахъ бывшаго Кульджинскаго района. Омскъ, 1883.

Сойоты: *К. И. Горощенко*—Сойоты. „Рус. Антр. Журн.", 1901, № 2;

И. П. Силиничъ — Къ краніологіи сойотъ. Ibid.; *Н. М. Ядринцевъ*—Измѣренія алтайскихъ инородцевъ. „Протох. засѣд. Антр. Отд. съ 4 дек. 1884 по 1886 г.“. Москва, 1886.

Таджики: *А. П. Богдановъ*—Краніол. замѣтки о туркестан. населеніи. „Проток. засѣд. Антр. Отд. съ 4 дек. 1884 по 1886 г.“; *А. П. Федченко*—Путеш. въ Туркестанъ. Антропол. замѣтки отн. туркестан. инородцевъ. „Изв. Имп. Общ. Люб. Ест., Антр. и Этн.“, т. XXXIV, в. 5; *Ujfalvy de Mező-Kövesd*—Le Kohistan, le Ferghanah et Kouldja, Paris, 1878; *онъ же*—Les Galtchas et les Tadjiks. „Rev. d'Anthr.“, 1879, sér. 2; *онъ же*—Quelques observations sur les Tadjiks des montagnes, appelés aussi Galtchas. „Bull. de la Soc. d'Anthr. de Paris“, 1887.

Таранчи: *П. Горбачевъ*—Антропол. наблюденія надъ таранчами, дунганами, кашгарцами и киргизами Джаркента. „Прот. засѣд. Антр. Отд. съ 4 дек. 1884 по 1886 г.“; *Мацъевскій* и *Поярковъ*—Краткія этнограф. замѣтки о туземцахъ Кульджинскаго района. Омскъ, 1883; *В. Е. Пайсель*—Матеріалы для антр. таранчей. Дисс. на степ. д-ра мед. Спб., 1897; *Ujfalvy de Mező-Kövesd*—Le Kohistan, le Ferghanah et Kouldja. Paris, 1878.

Татары — адербейджанскіе: *Е. А. Блюмъ*—Преступникъ какъ объектъ кримин.-психологич. изслѣдованія. „Сборн. Имп. Кавказ. Медиц. Общ.“, Тифл., 1886, № 42; *Н. П. Даниловъ*—Къ характеристикѣ антрополог. и физіолог. чертъ современ. населенія Персіи. „Тр. Антр. Отд.“, т. XVII; *И. И. Пантюховъ*—Антропол. наблюденія на Кавказѣ. „Зап. Кавказ. Отд. И. Р. Г. О.“, кн. XV; *Р. Ѳ. фонъ-Эркертъ*—Антрополог. измѣренія нѣкотор. кавказ. народовъ. „Изв. Кавказ. Отд.“, т. VII и VIII; *E. Chantre*—Recherches anthropol. dans le Caucase, t. IV. Paris-Lyon, 1887; *онъ же*—Aperçu sur l'anthropométrie des peuples de la Transcaucasie. „Congr. intern. d'arch. et d'anthr. préhist.“ Moscou, 1893, t. II; *онъ же*—Missions scientif. en Transcaucasie, Asie Mineure et Syrie 1890—94. „Arch. de Museum d'Hist. Natur. de Lyon“, t. IV. Lyon. 1895; горскіе татары Кавказа: *А. А. Вырубовъ*—Къ вопросу о сравнит. прочности зубовъ. „Дневн. Антр. Отд.“, 1891, в. III и IV; *Н. А. Вырубовъ*—Отчетъ о поѣздкѣ на Кавказъ лѣтомъ 1900 г. Ibid., 1890, в. IX; казанскіе: *Н. В. Гильченко*—Вѣсъ головного мозга и нѣкотор. его частей у различ. племенъ, населяющихъ Россію. „Тр. Антр. Отд.“, т. XIX; *Н. М. Малıевъ*—Матеріалы для сравнит. антропологіи. „Тр. Общ. Естествоисп. при Казан. унив.“, т. IV, № 2. Казань, 1874; *онъ же*—Каталогъ краніол. коллекціи Казан. унив. Ibid., т. XIX, в. 2; *Е. Т. Соловьевъ* — О ростѣ и объемѣ груди жителей Тетюшскаго у., Казанской г. „Проток. засѣд. Антроп. Отд. съ 4 дек. 1884 по 1886 г.“; касимовскіе: *В. Н. Бензенгръ*—Антропол. очеркъ касимовскихъ татаръ. „Антр. Выст.“, т. III, стр. 160; крымскіе: *Ѳ. К. Гинкуловъ*—Предварит. отчетъ о поѣздкѣ въ Крымъ. „Дневн. Антр. Отд.“, 1893, вып. II; *К. Н. Иковъ*—Къ краніологіи татаръ южн. берега Крыма. Ibid., 1891, в. I; *Н. И. Лыжинъ*—Антропол. наблюденія надъ таврич. татарами. Ibid., 1891, в. I; *К. С. Мережковскій*—Отчетъ объ антропол. поѣздкѣ въ Крымъ. „Изв. Имп. Рус. Геогр. Общ.“, 1881, т. XVII, в. 2; *А. Н. Харузинъ*—Замѣтка о татарахъ южн. берега Крыма. „Дневн. Антр. Отд.“, 1890, в. II; *онъ же*—Татары Гурзуфа. Ibid., 1890, в. VII и VIII; литовскіе: *Н. А. Янчукъ*—Нѣскол. новыхъ свѣдѣній о литов. татарахъ. „Тр. Антр. Отд.“, т. XVIII; томскіе: *С. Чугуновъ*—Матеріалы для антропологіи Сибири. Томскъ, 1893; туркестанскіе: *А. А. Ивановскій*—Черепъ татарина Семипалатин. обл. „Дневн. Антр. Отд.“, 1890, в. IV; *А. П. Федченко*—Путеш. въ Туркестанъ. Антропол. замѣтки отн. туркестан. инородцевъ. „Изв. Имп. Общ. Люб. Ест., Антр. и Этн.“, т. XXXIV, в. 5; черневые

(алтайскіе): *Н. М. Ядринцевъ*—Измѣренія алтайскихъ инородцевъ. „Протов. засѣд. Антр. Отд. съ 4 дек. 1884 по 1886 г.“.

Таты: *E. Chantre*—Recherches anthropol. dans le Caucase, t. IV. Paris-Lyon, 1887; *онъ же*—Les Tats de la vallée inférieure de la Koura. „Bull. de la Soc. d'Anthr. de Lyon“, 1891, t. X; *онъ же*—Aperçu sur l'anthropométrie des peuples de la Transcaucasie. „Congr. intern. d'arch. et d'anthr. préh.“ Moscou, 1893, t. II; *онъ же*—Missions scientif. en Transcaucasie, Asie Mineure et Syrie 1890—94. „Arch. de Museum d'Hist. Natur. de Lyon“, t. VI. Lyon, 1895.

Текинцы: *И. И. Пантюховъ*—Антропоолог. наблюденія на Кавказѣ. „Зап. Кавказ. Отд. И. Р. Г. О.“, кн. XV; *А. Г. Рождественскій*—Величина головы человѣка въ ея зависимости отъ роста, пола, возраста и расы. „Тр. Антр. Отд.“, т. XVIII.

Теленгеты, Телесы, Телеуты: *Е. И. Луценко* — Къ антропол. характеристикѣ алтайскаго племени теленгетъ. „Рус. Антр. Журн.“, 1902, № 1; *Н. М. Ядринцевъ* — Измѣренія алтайскихъ инородцевъ. „Проток. засѣд. Антр. Отд. съ 4 дек. 1884 по 1886 г.“ Москва, 1886.

Темиргоевцы: *Р. Ѳ. фонъ-Эркертъ*—Антропол. измѣренія нѣкотор. кавказ. народовъ. „Изв. Кавказ. Отд. И. Р. Г. О.“, т. VII.

Торгоуты см. Калмыки.

Тунгусы: *А. П. Богдановъ*—Тунгус. черепа. „Антр. Выст.“, т. II, стр. 418; *И. И. Майновъ*—Нѣкотор. данныя о тунгусахъ Якутскаго края. „Тр. Вост.-Сибир. Отд. И. Р. Г. О.“, 1898, № 2; *онъ же* — Два типа тунгусовъ. „Рус. Антр. Журн.“, 1901, № 2; *Шренкъ*—Объ инородцахъ Амурскаго края. Спб., 1883; *K. E. Baer*—Crania selecta. „Mém. de l'Acad. de St.-Pét.“, 1859, t. X; *Welcker*—Kraniolog. Mittheil. „Arch. f. Anthr.“, 1866, Bd. I.

Турки: *А. В. Елисѣевъ*—Антропол. замѣтки объ обитателяхъ Мал. Азіи. „Дневн. Антр. Отд.“, 1890, в. VI—X, и 1891, в. II, V—VII; *А. А. Ивановскій*—Туркмены и турки по краніом. изслѣдованіямъ. Ibid., 1891, в. III; *И. И. Пантюховъ*—О ростѣ нѣкотор. племенъ Закавказ. края. Тифл., 1890; *онъ же*—Антропол. наблюденія на Кавказѣ. „Зап. Кавказ. Отд. И. Р. Г. О.“, кн. XV; *E. Chantre*—Missions scientif. en Transcaucasie, Asie Mineure et Syrie 1890—94. „Arch. de Museum d'Hist. Natur. de Lyon“, t. VI. Lyon, 1895; *E. Schmidt* — Die anthrop. Samml. Deutschlands. Catalog d. craniol. Samml. d. Dr. Emil Schmidt. Braunschw., 1887; *A. Weisbach*—Die Schädelform der Türken. „Mittheil. der anthr. Gesell. in Wien“, 1873, t. III.

Туркмены: *А. А. Ивановскій*—Туркмены и турки по краніом. изслѣдованіямъ. „Дневн. Антр. Отд.“, 1891, в. III; *А. И. Таренецкій*—„Международ. Клиника“, 1883; *И. Л. Яворскій*—Краткій отчетъ о науч. командировкѣ въ Ср. Азію, исполненной лѣтомъ 1894 г. Антропол. и этнограф. очеркъ туркменъ. Одесса, 1895; *онъ же*—Антропол. очеркъ туркменъ. „Тр. Антр. Общ. при Воен.-Медиц. Акад.“, Т. II. Спб., 1897.

Тушины: *Е. А. Блюмъ*—Предварит. свѣдѣнія о результатахъ антропол. изслѣдованій кавказ. народовъ. „VIII съѣздъ рус. естествоисп. и врач. въ Спб.“, т. II дополн. Спб., 1892: *E. Chantre*—Recherches anthropol. dans le Caucase, t. IV. Paris-Lyon, 1887.

Удины: *А. А. Арутиновъ*—Къ антропологіи кавказ. племени удинъ. „Тр. Антр. Отд.“, т. XVIII.

Узбеки: *А. П. Богдановъ*—Краніол. замѣтки о туркест. населеніи. „Прот. засѣд. Антр. Отд. съ 4 дек. 1884 по 1886 г.“; *Н. М. Малiевъ*—Объ узбекскихъ черепахъ. „Прилож. къ проток. Общ. Естествоисп. при Казан. унив.“, 1886;

А. П. Федченко — Путеш. въ Туркестанъ. Антропом. замѣтки отн. туркестан. инородцевъ. Обраб. А. П. Богдановъ. „Изв. Имп. Общ. Люб. Ест., Антр. и Этн.“, т. XXXIV, в. 5; *Ujfalvy de Mezö-Kövesd*—Le Kohistan, le Ferghanah et Kouldja. Paris, 1878; *Zaborowski*—Galtchas, Sovoyards, Sartes et Uzbèques. „Bull. de la Soc. d'Anthr. de Paris“, 1899, p. 698.

Финны: *А. В. Елисѣевъ*—Антропол. замѣтки о финнахъ. „Прот. засѣд. Антр. Отд. съ 4 дек. 1884 по 1886 г.“; *Beddoe*—Tête des Finnois et des Suédois. „Bull. de la Soc. d'Anthr. de Paris“, 1865, p. 454; *J. Deniker* — Les races de l'Europe. I. L'indice céphal. en Europe. Paris, 1899; *Estlander* — Crânes finnois. „Bull. de la Soc. d'Anthr. de Par.“, 1879, p. 719; *K. Haellsten*, *K. Kyrklund*, *E. Weymarn*—„Bidrag till Kännedom of Finlands Natur och Folk“, Helsingfors, 1881, 1882—84, 1885, 1893; *I. Kopernicki*—Quelques observations cephalométr. etc. „Bull. de la Soc. d'Anthr. de Par.“, 1869, t. IV; *A. Retzius*—Om formen of Nordboernes kranier. „Förhandlingar vid de Scandinav. Naturforskarnes, 3 möte, Stockh., 1842 (см. также „Bull. Scientif. de l'Acad. des Sc. de S.-Pét.“, 1848, t. V, p. 316); *G. Retzius*—Finska kranier jämte nägra natur.-och literatur-studier inom. andra omraden of finsk antropologi. Stockh., 1878; *E. Schmidt*—Die anthrop. Samml. Deutschlands. Catalog d. craniol. Samml. d. Dr. Emil Schmidt. Braunschw., 1887; *Ujfalvy de Mezö-Kövesd* — Crânes finnois. „Bull. de la Soc. d'Anthr. de Paris“, 1877, p. 74.

Хевсуры: *Е. А. Блюмъ*—Предварит. свѣдѣнія о результатахъ антропол. изслѣдованій кавказ. народовъ. „VIII съѣздъ рус. естеств. и врач. въ Спб.“, т. II дополн. Спб., 1892; *E. Chantre*—Recherches anthropol. dans le Caucase, t. IV. Paris-Lyon, 1887.

Цыгане: *А. П. Богдановъ* — Матер. для изученія цыганъ въ антропол. отношеніи. „Антр. Выст.“, т. I, стр. 161; *Н. И. Лыжинъ* — Антропол. очеркъ цыганъ Таврической губ. „Дневн. Антр. Отд.“, 1893, в. II (въ прилож.); *Д. П. Никольскій*—Къ вопросу объ изученіи цыганъ. „Тр. Антр. Общ. при Воен.-Мед. Акад.“, т. IV. Спб., 1899; *Duhouset*—Tziganes de Perse. „Bull. de la Soc. d'Anthr. de Paris“, 1875, p. 597; *L. Glueck* — Zur physisch. Anthropologie der Zigeuner. „Wissensch. Mittheil. aus Bosnien und der Hercegovina“, V, 1897; *Hovelacque*—„Rev. d'Anthr.“, III; *I. Kopernicki* — Ueber den Bau der Zigeunerschädel. „Arch. f. Anthr.“, Bd. V, H. 3; *Obédénare*—Tziganes de Roumanie. „Bull. de la Soc. d'Anthr. de Paris“, 1875, p. 597; *Petersen und von Luschan*—Reisen in Lykien, Milyas und Kibyratis. Wien, 1889; *E. Schmidt*—Die anthrop. Samml. Deutschlands. Catalog d. craniol. Samml. d. Dr. Emil Schmidt. Braunschw., 1887; *Schwicker* — Die Zigeuner in Ungarn und Siebenbürgen. Wien, 1883; *Steinberg*—Progr. d. evangel. Gymnas. in Schlässburg. Hermannstadt, 1875; *Ujfalvy de Mezö-Kövesd*—Le Kohistan, le Ferghanah et Kouldja. Paris, 1878; *A. Weisbach*—Die Zigeuner. „Wiener medic. Jahrbücher“, 1864 и 1886 и „Mittheil. der anthr. Gesell. in Wien“, 1889, Bd. XIX.

Черемисы: *Н. В. Гильченко*—Вѣсъ голов. мозга и нѣкотор. его частей у различ. племенъ, населяющихъ Россію. „Тр. Антр. Отд.“, т. XIX; *Н. М. Малиевъ* — Матер. для сравнит. антропологіи. „Тр. Общ. Естествоисп. при Казан. унив.“, т. IV, № 2. Казань, 1874; *онъ же* — Каталогъ краніолог. коллекціи Казан. унив. Ibid., т. XIX, в. 2; *Д. П. Никольскій* — Этнограф.-антропол. очеркъ вост. черемисъ. „Тр. Антр. Общ. при Воен.-Мед. Акад.“, т. II. Спб., 1897 (приведена литература); *С. Соммье* — О черемисахъ. Этнограф.-антропол. очеркъ. Перев. В. Москалевой подъ ред. и съ примѣч. Д. П. Никольскаго. „Зап. Урал. Общ. Люб. Ест.“, т. XVII; *I. Kopernicki*—Quelques observations cephalométriques sur les Rutheniens, les Russes et les Finnois de l'Est. „Bull. de la Soc. d'Anthr. de Par.“, 1869, t. IV; *S. Sommier* — Ceremissi. „Arch. per. l'Antr.“, XVIII, 1888.

Чеченцы (см. также Ингуши): *Н. В. Гильченко* — Вѣсъ голов. мозга и нѣкотор. его частей у различ. племенъ, населяющихъ Россію. „Тр. Антр. Отд.", т. XIX; *Л. П. Загурскій*—Антр. измѣренія кавказ. народовъ, произведенныя ген. Р. Ѳ. фонъ-Эркертомъ и проф. Э. Шантромъ. „Изв. Кавказ. Отд. И. Р. Г. О.", т. VIII; *Р. Ѳ. фонъ-Эркертъ* — Антропол. измѣренія нѣкотор. кавк. народовъ. Ibid., т. VIII; *E. Chantre*—Recherches anthropol. dans le Caucase, t. IV. Paris-Lyon, 1887.

Чуваши: *Н. В. Гильченко*—Вѣсъ голов. мозга и нѣкотор. его частей у различ. племенъ, населяющихъ Россію. „Тр. Антр. Отд.", т. XIX; *Н. М. Маліевъ* — Матер. для сравнит. антропологіи. „Тр. Общ. Естествоисп. при Казан. унив.", т. IV, № 2. Казань, 1874; *онъ же* — Каталогъ краніолог. коллекціи Казан. унив. Ibid., т. XIX, в. 2; *Е. Т. Соловьевъ* — О ростѣ и объемѣ груди жителей Тетюшскаго у., Казанской г. „Прот. засѣд. Антр. Отд. съ 4 дек. 1884 по 1886 г."; *I. Kopernicki*—Quelques observations cephalom. etc. „Bull. de la Soc. d'Anthr. de Par.", 1869, t. IV.

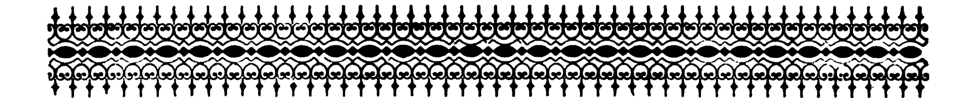
Чукчи: *А. А. Ивановскій*—Черепъ чукчи изъ бухты Провидѣнія. „Дневн. Антр. Отд.", 1890, в. IV; *Д. П. Никольскій*—О чукчахъ Колымскаго окр. „Рус. Антр. Журн.", 1900, № 2; *А. Г. Рождественскій* — Матер. къ изученію физич. типа чукчей и ламутовъ (по матеріаламъ, доставл. А. В. Олсуфьевымъ). „Зап. Приам. Отд. И. Р. Г. О.", т. II, в. 1. Спб., 1896. *W. Bogoras*—The Chukchi of Northeastern Asia. „Americ. Anthropologist", 1901, Jan.-March; *Ollivier*—„Bull. de la Soc. d'Anthr. de Paris", 1877, p. 586.

Шапсуги: *А. П. Богдановъ*—О черепахъ изъ кавказ кургановъ и могилъ. „Антр. Выст.", т. III, стр. 432; *Р. Ѳ. фонъ-Эркертъ* — Антропол. измѣренія нѣкотор. кавказ. народовъ. „Изв. Кавказ. Отд. И. Р. Г. О.", т. VII.

Эсты: *Р. Л. Вейнбергъ*—Эсты. „Рус. Антр. Журн.", 1901, №№ 3—4 (приведена литература); *онъ же*—О строеніи большого мозга у эстовъ, латышей и поляковъ. „Тр. Антр. Отд.", т. XIX; *А. Н. Харузинъ*—Къ антропологіи населенія Эстлянд. губ. „Времен. Эстл. губ. 1893 г.". Ревель, 1894; *P. Broca*—Les crânes des Fyzies et la théorie Esthonienne. „Bull. de la Soc. d'Anthr. de Par.", 1868, p. 454 et 509; *J. Deniker*—Les races de l'Europe. I. L'indice céphal. en Europe. Paris, 1899; *O. Grube*—Anthropol. Untersuchungen an Esten. In.-Diss. Dorp., 1878; *H. Meyer* — Beitrag zur Kenntniss der Estenschädel. „Arch. f. Anthr.", VIII; *I. Kopernicki*—Quelques observations cephalométr. etc. „Bull. de la Soc. d'Anthr. de Par.", 1869, t. IV; *H. Witt*—Die Schädelform der Esten. In.-Diss. Dorp., 1879; см. также краніол. замѣтки *R. Virchow'a* и *Schöler'a* въ „Verhandl. d. Berl. Gesell. f. Anthr., Ethn. u. Urg.", 1873 и 1875; *Chervin*, *Chervin et Stieda*, *Quatrefages* и *Welcker'a* въ „Bull. de la Soc. d'Anthr. de Paris", 1866, p. 284; 1868, p. 578; 1880, pp. 165 и 212; *E. Schmidt*—Die anthrop. Samml. Deutschlands. Catalog d. craniol. Samml. d. Dr. Emil Schmidt. Braunschw., 1887.

Якуты: *А. П. Богдановъ*—Якут. черепа. „Антр. Выст.", т. II, стр. 401; *Н. Л. Геккеръ*—Къ характеристикѣ физич. типа якутовъ. „Зап. Вост.-Сибир. Отд. И. Р. Г. О. по этнограф.", т. III, в. 1. Иркут., 1896; *Ф. Я. Конъ*—Физіолог. и біолог. данныя объ якутахъ. Минусинскъ, 1899; *И. И. Майновъ*—Помѣсь русскихъ съ якутами. „Рус. Антр. Журн.", 1900, № 4.

Ал. Ивановскій.

НЕКРОЛОГИ.

А. Я. Кожевниковъ. 10-го января сего года скончался почетный членъ Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, заслуженный профессоръ Московскаго университета по каѳедрѣ нервныхъ болѣзней, Алексѣй Яковлевичъ Кожевниковъ. Покойный родился въ Рязани въ 1836 г. Окончилъ курсъ по медицинскому факультету (въ Москвѣ) въ 1858 г.; въ 1865 г. защитилъ диссертацію, посвященную мало тогда еще изученной болѣзни — спинной сухоткѣ; съ тѣхъ поръ А. Я. посвятилъ свои силы главнымъ образомъ нервнымъ болѣзнямъ, будучи сначала приватъ-доцентомъ, а потомъ (съ 1869 г.) и профессоромъ по каѳедрѣ нервныхъ и душевныхъ болѣзней въ Москвѣ. Одно время, впрочемъ (съ 1871 по 1874 г.), А. Я. читалъ также курсъ частной патологіи. Въ области неврологіи А. Я. написалъ много серьезныхъ и цѣнныхъ изслѣдованій, сдѣлавшихъ его имя хорошо извѣстнымъ не только въ Россіи, но и за-границей. Такъ, одинъ изъ описанныхъ имъ видовъ падучей болѣзни— epylepsia continua—называется обыкновенно его именемъ. Покойный А. Я. отнюдь не былъ узкимъ спеціалистомъ и, помимо главной своей спеціальности, обнаруживалъ большой интересъ къ зоологіи, антропологіи, этнографіи, археологіи. Немногіе, свободные отъ научныхъ занятій по своей прямой спеціальности и по пріему больныхъ, часы своихъ досуговъ А. Я. охотно посвящалъ не только теоретическому изученію названныхъ предметовъ, но и практическимъ по нимъ занятіямъ, собирая коллекціи, производя раскопки и т. д.

Но значеніе личности покойнаго А. Я. опредѣляется отнюдь не одними только его научными трудами. Не менѣе важна и его общественно-научная дѣятельность, выражавшаяся главнымъ образомъ въ трудахъ А. Я. какъ преподавателя, какъ организатора Общества московскихъ невропатологовъ и психіатровъ и какъ устроителя клиникъ нервныхъ и душевныхъ болѣзней. Безусловно корректный въ сношеніяхъ съ окружающими, необыкновенно добросовѣстно относящійся къ принятымъ на себя обязательствамъ, А. Я. уже въ силу своихъ личныхъ качествъ не могъ не стать во главѣ созданной имъ школы москов-

скихъ невропатологовъ и психіатровъ. Изъ среды его многочисленныхъ учениковъ и почитателей сложилось, наконецъ, двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, и Общество московскихъ невропатологовъ и психіатровъ, несмѣняемымъ предсѣдателемъ и почетнымъ членомъ котораго А. Я. состоялъ со дня основанія Общества и по самый день своей смерти. Новыя клиники какъ нервныхъ, такъ и душевныхъ болѣзней строились и обставлялись при А. Я., бывшемъ директоромъ обѣихъ этихъ клиникъ. Сознавая невозможность одинаково успѣшно слѣдить за всѣми областями разрастающейся все шире и шире спеціальности, А. Я. добился обособленія психіатрической клиники, сданной въ надежныя руки покойнаго С. С. Корсакова. Самъ же А. Я. свою непосредственную дѣятельность сосредоточилъ на клиникѣ нервныхъ болѣзней. Помимо заботъ о снабженіи клиники богатымъ инвентаремъ необходимыхъ научныхъ пособій, А. Я. положилъ много труда и энергіи на учрежденіе при клиникѣ единственнаго пока въ Россіи неврологическаго музея, при учрежденіи котораго (въ 1892 г.) А. Я. внесъ изъ личныхъ средствъ 3000 руб. съ тѣмъ, чтобы проценты съ нихъ шли на содержаніе музея. Московскій университетъ постановилъ назвать этотъ музей музеемъ имени А. Я. Кожевникова. Все, что собрано въ настоящее время въ музеѣ, собрано главнымъ образомъ заботами самого А. Я., неусыпно разыскивавшаго различные объекты, такъ или иначе отвѣчающіе цѣлямъ музея. Главной цѣлью музея является собраніе различнаго рода матеріаловъ, необходимыхъ для возможно полнаго и широкаго изученія всего, что относится къ области нервной системы. Къ 1897 г., когда самимъ А. Я., совмѣстно съ д-ромъ Г. И. Прибытковымъ, былъ составленъ большой иллюстрированный каталогъ музея, тамъ находилось 1067 предметовъ, не считая очень большого числа различныхъ микроскопическихъ препаратовъ, фотографій, рисунковъ и т. д. Коллекціи музея раздѣляются на 6 отдѣловъ: 1) нормальная анатомія нервной системы человѣка, 2) исторія развитія нервной системы, 3) сравнительная анатомія нервной системы, 4) антропологія, 5) патологическая анатомія и 6) клиническій отдѣлъ. Наиболѣе интересными для насъ отдѣлами являются отдѣлы сравнительной анатоміи нервной системы и антропологіи. Въ отдѣлѣ сравнительной анатоміи хранится 200 препаратовъ (мозги, черепа, нервная система in toto) различныхъ животныхъ, начиная отъ шимпанзе (полный скелетъ) и другихъ обезьянъ (черепа и мозги), потомъ другихъ животныхъ, птицъ, рыбъ и кончая моллюсками, arthropoda и червями. Въ отдѣлѣ антропологіи собраны 120 череповъ представителей различныхъ народовъ, одна египетская мумія, слѣпки нѣкоторыхъ замѣчательныхъ доисторическихъ череповъ и нѣкоторые подлинные таковые черепа, затѣмъ рядъ ископаемыхъ череповъ изъ различныхъ областей Россіи (особенно изъ Рязани— 104 черепа VI—XVIII вв.), искусственно-деформированные керченскіе черепа и др. Полнѣе другихъ представлена коллекція по криминальной антропологіи, въ которой собрано 85 череповъ преступниковъ какъ великоруссовъ (главнымъ образомъ), такъ и нѣкоторыхъ другихъ племенъ, населяющихъ Россію. Музей былъ однимъ изъ любимыхъ дѣтищъ А. Я.; умирая, онъ завѣщалъ довольно

значительную сумму на его пополненіе и содержаніе. Общество московскихъ невропатологовъ и психіатровъ, желая почтить память покойнаго своего основателя, предсѣдателя и почетнаго члена, въ числѣ другихъ къ тому способовъ, постановило выстроить для музея имени А. Я. Кожевникова отдѣльное помѣщеніе и уже собрало часть необходимаго для того капитала. Надо надѣяться, что и недостающая часть его будетъ пополнена лицами, которымъ дорога память покойнаго Алексѣя Яковлевича, отдавшаго на служеніе обществу много силы и энергіи и имѣющаго всѣ права на признательность и увѣковѣченіе его имени.

В. В. Воробъевъ.

Ш. Летурно. 8-го февраля текущаго года скончался послѣ непродолжительной болѣзни одинъ изъ наиболѣе популярныхъ современныхъ антропологовъ, д-ръ Шарль-Жанъ-Мари Летурно. Летурно родился 11 сентября 1831 г. въ небольшомъ французскомъ городкѣ Орэ, получилъ медицинское образованіе и въ 1858 г. уже имѣлъ степень доктора медицины. Практическая медицина, однако, мало его интересовала, и онъ ею совсѣмъ почти не занимался. Въ гораздо большей степени привлекали его вниманіе чисто теоретическіе вопросы, сперва, конечно, находящіеся въ прямой связи съ его первоначальной спеціальностью, но затѣмъ все болѣе и болѣе отдалявшіеся отъ нея.

Широкую извѣстность пріобрѣло себѣ имя Летурно со времени выхода въ свѣтъ его книги: „Соціологія, основанная на этнографіи" (La sociologie d'après l'ethnographie), изданной въ 1880 г. и переведенной на разные европейскіе языки, въ томъ числѣ и на русскій (2 самостоятельныхъ перевода). Книга эта была одной изъ наиболѣе раннихъ попытокъ свести въ одно цѣлое наши разрозненныя свѣдѣнія о матеріальной, духовной и общественной жизни различныхъ племенъ, населяющихъ земной шаръ, и показать великую важность для соціологіи этнографическихъ данныхъ. Написанная чрезвычайно простымъ, яснымъ и живымъ языкомъ, охватывающая не одну какую-нибудь группу явленій, а самыя разнообразныя проявленія человѣческой дѣятельности и, наконецъ, проникнутая горячимъ стремленіемъ къ точному позитивному знанію, „Соціологія" была, какъ нельзя болѣе, пригодна для того, чтобы заинтересовать соотвѣтственными вопросами широкіе слои читающей публики, и, несомнѣнно, сыграла весьма крупную роль въ дѣлѣ популяризаціи этнографическихъ и антропологическихъ свѣдѣній.

Начиная съ 1887 г., Летурно предпринялъ какъ бы новую переработку, только въ колоссальныхъ размѣрахъ, своей „Соціологіи", разрабатывая отдѣльныя ея части въ объемистыхъ спеціальныхъ монографіяхъ. Въ эту серію входятъ: „L'évolution de la morale", „L'évolution du mariage et de la famille", „L'évolution de la propriété", „L'évolution politique", „L'évolution juridique", „L'évolution religieuse", „L'évolution littéraire", „L'évolution de l'education", „La guerre dans les diverses races humaines", „L'évolution de la commerce", «L'évolution de l'esclavage" и, наконецъ, „La

psychologie ethnique“, вышедшая въ свѣтъ лишь за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти автора, въ концѣ прошлаго года.

Летурно является довольно яркимъ представителемъ французскаго типа ученыхъ со всѣми сильными и слабыми сторонами французскаго склада ума. Съ одной стороны, ему не хватаетъ выдержки и терпѣнія, результатомъ чего оказывается довольно случайный и не такой ужъ большой, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда, подборъ фактическаго матеріала; мѣшаетъ ему также и слабо развитая способность къ творческому синтезу, заставляющая его порой останавливаться въ нерѣшительности передъ грудой сырыхъ фактовъ и отказываться отъ сколько-нибудь опредѣленныхъ выводовъ. Но за-то, съ другой стороны, слабость синтеза, до извѣстной степени, компенсируется осторожнымъ и критическимъ отношеніемъ къ различнымъ гипотезамъ и теоріямъ, выставленнымъ болѣе смѣлыми товарищами по спеціальности. Вообще стремленіе къ точности, положительности составляетъ отличительную черту всѣхъ произведеній Летурно. Другой такой чертой является раціонализмъ автора, проявляющійся какъ въ чисто раціоналистическомъ объясненіи многихъ явленій, такъ и въ глубокой вѣрѣ въ идею прогресса,—именно въ „вѣрѣ“, такъ какъ для Летурно идея прогресса не просто теоретическая истина, добытая путемъ логическихъ выкладокъ, а нѣчто болѣе широкое, охватывающее собою всю душу писателя, объединяющее для него всѣ отдѣльные факты и выводы, заставляющее мириться съ тяжелымъ прошлымъ и рисующее въ самомъ радужномъ свѣтѣ будущее.

Наконецъ, для характеристики Летурно, какъ ученаго, необходимо отмѣтить еще двѣ существенно важныхъ черты: чрезвычайно ясное и занимательное изложеніе и разнообразіе въ подборѣ фактовъ. Эти двѣ черты обезпечили и за его спеціальными монографіями широкій кругъ читателей, далеко выходящій за обычные предѣлы для книгъ подобнаго содержанія.

Не довольствуясь одной литературной работой, Летурно принималъ самое живое участіе въ дѣятельности различныхъ ученыхъ обществъ и учрежденій. Онъ былъ однимъ изъ главныхъ дѣятелей Парижской Антропологической Школы, въ которой читалъ, начиная съ 1885 г. и до самой смерти, лекціи по соціологіи, игралъ очень видную роль въ Антропологическомъ Обществѣ въ Парижѣ, гдѣ занималъ съ 1887 г. отвѣтственный постъ главнаго секретаря, былъ членомъ коммиссіи мегалитическихъ памятниковъ, принималъ дѣятельное участіе въ трудахъ Международнаго Соціологическаго института и т. д. Необходимо отмѣтить также, что онъ былъ однимъ изъ редакторовъ и самымъ дѣятельнымъ сотрудникомъ извѣстнаго „Словаря антропологическихъ наукъ“ (Dictionnaire des sciences anthropologiques) и перевелъ на французскій языкъ нѣсколько антропологическихъ работъ Геккеля. Изъ оригинальныхъ его работъ, не относящихся прямо къ этнографіи и антропологіи, самыми крупными являются: „La physiologie des passions“, „La biologie“, „Science et matérialisme“.

А. Максимовъ.

Ф. Д. Нефедовъ. Скончавшійся 12-го марта текущаго года извѣстный беллетристъ-народникъ Филиппъ Діомидовичъ Нефедовъ принималъ дѣятельное участіе въ трудахъ Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи и Московскаго Археологическаго Общества, изъ которыхъ въ первомъ онъ состоялъ непремѣннымъ членомъ, а во второмъ—дѣйствительнымъ. Многолѣтняя дѣятельность Ф. Д. Нефедова въ Обществѣ Любителей Естествознанія выразилась въ доставленіи цѣнныхъ краніологическихъ коллекцій изъ раскопокъ въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи, а также во многихъ рефератахъ, помѣщенныхъ въ изданіяхъ Общества. Начиная съ 1878 г., Ф. Д-чемъ было доставлено въ Общество въ разное время около 300 череповъ (изъ раскопокъ въ Касимовскомъ у., Рязанской губ., во Владимірской, Костромской, Самарской, Уфимской, Оренбургской губ., Тургайской обл. и съ южнаго берега Крыма), хранящихся въ настоящее время въ Антропологическомъ музеѣ Московскаго университета. Археологическіе предметы, добытые при раскопкахъ, находятся въ Историческомъ музеѣ. Въ «Извѣстіяхъ» Общества Любителей Естествознанія покойнымъ были напечатаны статьи: о раскопкахъ въ Касимовскомъ уѣздѣ («Антр. Выст.», т. I и II), о поѣздкѣ въ Приуральскій край (ibid., т. II и III), о поѣздкѣ въ Башкирію (ibid., т. III), объ этнографическихъ наблюденіяхъ по верхнему Поволжью («Труды Этногр. Отд.», кн. IV) и въ Костромской губ. («Извѣстія Общества», т. XXXVII), о раскопкахъ въ Крыму и во Владимірской губ. (ibid., т. LI, в. 1) и др. Большую часть своихъ поѣздокъ и раскопокъ Ф. Д. Нефедовъ совершилъ на собственныя средства, безъ всякаго матеріальнаго содѣйствія со стороны Общества. Въ 1895 г. Общество присудило Ф. Д-чу за его изслѣдованія и доставленныя имъ коллекціи премію по антропологіи имени Его Императорскаго Высочества, Великаго Князя Сергія Александровича. Дѣятельность Ф. Д. Нефедова въ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ началась въ концѣ 80-хъ годовъ: въ 1887 и 1888 гг. онъ, по порученію Общества, произвелъ обширныя археологическія изслѣдованія въ южномъ Приуральѣ; въ 1893 и 1894 гг. изслѣдованія его были перенесены на Прикамье, а въ 1895 и 1896 гг. имъ было раскопано большое число кургановъ въ Костромской губ. Подробные отчеты о всѣхъ этихъ археологическихъ изслѣдованіяхъ, съ приложеніемъ многочисленныхъ рисунковъ, напечатаны Ф. Д-чемъ въ III томѣ «Матеріаловъ по археологіи восточныхъ губерній», издаваемыхъ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ. Добытыя при раскопкахъ богатыя археологическія коллекціи послужили, между прочимъ, предметомъ двухъ обширныхъ изслѣдованій проф. Д. Н. Анучина, напечатанныхъ въ томъ же томѣ «Матеріаловъ»: 1) «Къ исторіи искусства и вѣрованій у Приуральской чуди. Чудскія изображенія летящихъ птицъ и мифическихъ крылатыхъ существъ», и 2) «О культурѣ костромскихъ кургановъ и особенно о находимыхъ въ нихъ украшеніяхъ и религіозныхъ символахъ».

Ал. Ивановскій.

Критика и библіографія.

---

1. Деникеръ. Человѣческія расы. Перевелъ съ французскаго В. Ранцовъ. Изданіе А. Большакова и Д. Голова. С.-Пб., 1902. Ц. 2 р. 50 к.

О книгѣ I. Деникера, вышедшей одновременно на англійскомъ и французскомъ языкахъ, уже данъ былъ отзывъ въ „Рус. Антр. Журн." (1900 г., кн. I), и появленіе ея въ русскомъ переводѣ можно бы только привѣтствовать, если бы послѣдній былъ выполненъ болѣе удачно. Къ недостаткамъ перевода должна быть отнесена, во-первыхъ, или невѣрная передача различныхъ антропологическихъ терминовъ, или введеніе новыхъ вмѣсто обычно установившихся, какъ, напр., плосконосый вм. широконосый (79,81 стр.), лепторины—длинноносые вм. узконосые (стр. 80), горизонтальный обводъ головы вм. горизонтальная окружность (82,87), личность вм. особь (6 стр.), безусловная длина вм. абсолютная (55), длинноватоголовые (72, 360, 405), коротковатоголовые (72,405), широковатоголовые (360—362, 395, 407), кратчайшеголовые и длиннѣйшеголовые (72), окраины глазницъ (75), височный вм. теменной (82), калибръ вм. циркуль (89, 90, 98), разверзаніе вм. отстояніе (96) или вм. размахъ (114), сочетаться и сочетаніе вм. смѣшиваться и смѣшеніе (356), грубый носъ вм. толстый (361), иберійцы и островитяне вм. иберо-островитяне (361,363), носъ сплющенный (aplati) вм. приплюснутый (361), сплюснутое лицо вм. плоское (362), меланохроидная группа—бѣлая (?) темноцвѣтная (367), кудрявые волосы вм. курчавые (368), волосность вм. волосатость (449), произвожденіе вм. производство (617) и др. Во-вторыхъ, встрѣчается масса ошибокъ въ собственныхъ именахъ и названіяхъ народностей: Стьеда вм. Штида (91), Терекъ вм. Тёрёкъ (111), Кэтеле вм. Кэтле (141), вездѣ Ж. Мортилье вм. Г. (Габріель) Мортиллье (384, 385 и др.), Саона (Sâone) вм. Сона (411), Зееландъ вм. Зеландъ (451, 703), Химкевичъ вм. Шимкевичъ (452), Банзангръ вм. Бензенгръ (457), Малѣевъ вм. Маліевъ (457), Гильченъ вм. Гильченко (702), голды вм. гольды (228), турки, туркскій вм. тюрки, тюркскій (243, 362, 363 и др.), орохоны вм. орочи (373), квадроны вм. квартероны (375), куринцы вм. кюринцы (434), туши вм. тушины (434), чернскіе татары вм. черневые и чулимскіе вм. чулымскіе (446), Nègres-Adouma превращены въ „негровъ Адама" (364), вмѣсто „Общество Любителей Естествознанія" у переводчика всюду—„Общество Друзей Естествовѣдѣнія" (115, 118) и др. Далѣе встрѣчаемъ рядъ фразъ и выраженій съ измѣнен-

нымъ, вслѣдствіе невѣрнаго перевода, смысломъ и значеніемъ, напр.: „Chez les peuples qui sont plus vêtus, on modifie le costume“ переведено: „Болѣе обстоятельно (?) одѣтыя народности перемѣняютъ *только* свой костюмъ“ (стр. 309); „corps glabre“—„тѣло не очень волосатое“ (361) вм. безволосое; „le groupe Océanien est formé de deux races, dont les rapports sont assez vagues“ (океанійская группа состоитъ изъ двухъ расъ, отношенія которыхъ между собою довольно неясны) переведено: „имѣющихъ другъ съ другомъ довольно слабыя соотношенія“ (367 стр.); на стр. 369-ой „угрская раса встрѣчается также въ смѣшеніи съ самоѣдами и, сверхъ того, кажется, съ якутами“ вмѣсто: „въ смѣшанномъ видѣ ее можно встрѣтить также у самоѣдовъ и, быть-можетъ, у якутовъ“ (on la retrouve encore, a l'état de mélanges, chez les Samoyédes et, peut-être, chez les Jakouts); на стр. 371-ой „природнымъ языкомъ многихъ индѣйскихъ племенъ въ Мексикѣ и въ Южн. Америкѣ *оказывается* испанскій“ вм. „нѣкоторые индѣйцы Мексики и Южн. Америки *считаютъ* испанскій языкъ за свой родной“ (plusieurs Indiens du Mexique et de l' Amérique du Sud reconnaissent l'espagnol comme leur langue maternelle); на стр. 376-ой, вслѣдствіе невѣрнаго перевода словъ „des détroits peu larges“, получилось, что Европа отъ Азіи „почти не отдѣляется неширокими морскими проливами“ (?); 100 километровъ превращаются у переводчика въ 250 верстъ (371 стр.); въ оригиналѣ „высокій ростъ для женщинъ начинается съ 158 сант. вм. 170“, а у переводчика—„не съ 187 сант., а съ 170“ (стр. 44); la coroncule (caruncula) онъ переводитъ словомъ „мочка“ (98); „arka“ переведено имъ „рака“ и „l'eau-de-vie de riz“—„аракъ“ (199 стр.) и т. п. Попадаются, далѣе, у переводчика совершенно безсмысленныя фразы, какъ, напр., на стр. 14-ой: „Изслѣдованіемъ этихъ двухъ категорій отличительныхъ свойствъ, какъ въ цѣлой ихъ совокупности, такъ и въ сочетаніяхъ, въ которыхъ они встрѣчаются у разныхъ народовъ, являются изученіемъ человѣка, задающимся цѣлью указать предѣлы отдѣльныхъ расъ, входящихъ въ составъ этническихъ группъ (,) и выяснить взаимныя связи и отношенія этихъ группъ другъ къ другу“. Указанные недостатки (а ихъ приведена только незначительная часть) заставляютъ признать переводъ книги I. Деникера неудовлетворительнымъ.

Ал. Ивановскій.

Николай Харузинъ. Этнографія. Лекціи, читанныя въ Императорскомъ Московскомъ университетѣ. Изданіе посмертное, подъ редакціею Вѣры и Алексѣя Харузиныхъ. Выпускъ I. 1. Часть общая. 2. Матеріальная культура. С.-Пб. 1901 г. X + 343 стр.

Настоящій I выпускъ „Этнографіи“ покойнаго Н. Н. Харузина содержитъ въ себѣ свыше 300 страницъ текста, а такъ какъ всѣхъ выпусковъ издателями обѣщано четыре, то, предполагая, что и послѣдующіе выпуски будутъ приблизительно одинаковыхъ размѣровъ съ первымъ, мы будемъ имѣть одно изъ самыхъ объемистыхъ сочиненій по этнографіи, какія только существуютъ на русскомъ языкѣ. Къ такой работѣ можно предъявлять строгія требованія относительно полноты содержанія, но требованіямъ этимъ книга Н. Н. Харузина не удовлетворяетъ. 2-ой выпускъ будетъ посвященъ „семьѣ и роду“, 3-ій — „собственности и первобытному государству“ и, наконецъ, 4-ый—„вѣрованіямъ“. Отсюда мы видимъ, что многіе очень существенные вопросы останутся не затронутыми ни въ одномъ изъ четырехъ выпусковъ; такъ, совершенно будутъ отсутствовать въ курсѣ слѣдующіе весьма важные

отдѣлы этнографіи: психологія некультурныхъ народовъ, ихъ характеръ, умственныя способности и нравственное развитіе; лингвистическая часть; письменность; народное творчество и т. д., и т. д.

Съ другой стороны, обработка имѣющихся отдѣловъ оставляетъ желать очень многаго, и ей также недостаетъ нужной фактической полноты. Въ смыслѣ справочнаго изданія настоящая работа совсѣмъ не имѣетъ никакого значенія, потому что приведенные въ ней факты подобраны совершенно случайно и имѣютъ значеніе лишь иллюстрацій къ составленнымъ заранѣе схемамъ. Это обстоятельство находитъ себѣ объясненіе въ томъ, что объемистая книга Н. Н. Харузина въ значительной степени является компиляціей. Авторъ не только усвоилъ готовые выводы своихъ предшественниковъ, но и зачастую слишкомъ рабски слѣдуетъ за ними и въ своемъ изложеніи. Какъ на примѣръ, можно сослаться на XIV и XV главы настоящаго выпуска („Украшенія“ и „Искусство“), въ которыхъ очень многія страницы представляютъ простой пересказъ своими словами изъ общеизвѣстной книги Э. Гроссе „Происхожденіе искусства“, имѣющейся и въ русскомъ переводѣ. Такой способъ составленія книги неминуемо долженъ былъ отозваться очень плохо на фактическомъ ея содержаніи. Заимствовать цѣликомъ изъ готовыхъ сводныхъ работъ весь арсеналъ приводимыхъ въ нихъ фактовъ невозможно, и потому приходится ограничиваться лишь отрывочными и случайными иллюстраціями, а не полными и систематическими фактическими доказательствами.

Далѣе, несамостоятельность выводовъ и изложенія Н. Н. Харузина приводитъ къ тому, что отдѣльныя главы его книги, написанныя по различнымъ источникамъ, не соединены въ одно стройное цѣлое, а такъ и остаются разрозненными отрывками, не связанными общей идеей и планомъ. Правда, чуть не въ каждой главѣ мы находимъ замѣчанія о зависимости человѣка отъ природы, о борьбѣ за существованіе и т. п., но эти замѣчанія остаются общими фразами, мало вытекающими изъ содержанія книги и къ тому же по своей слишкомъ большой широтѣ мало содержательными. Общаго стройнаго плана и руководящихъ идей у Н. Н. Харузина нѣтъ. Поэтому приходится оцѣнивать отдѣльныя главы его книги, какъ самостоятельныя и независимыя другъ отъ друга вещи. Нѣкоторыя изъ этихъ главъ вполнѣ удовлетворительны (гл. IX „Жилище“), другія же совсѣмъ слабы. Къ числу такихъ самыхъ слабыхъ главъ принадлежитъ и одна изъ важнѣйшихъ въ книгѣ—VIII-я, гдѣ идетъ рѣчь о хозяйствѣ первобытныхъ народовъ. Здѣсь приходится отмѣтить очень серьезный пробѣлъ въ эрудиціи автора и незнакомство съ такими работами, какъ большая исторія культуры Липперта и статьи Бюхера о первобытномъ хозяйствѣ. Теорія Липперта - Бюхера о раздѣльности мужского и женскаго хозяйства у первобытныхъ народовъ и о принадлежности земледѣлія къ женскому хозяйству, а охоты и скотоводства къ мужскому проливаетъ яркій свѣтъ на хозяйственную и соціальную жизнь дикарей, а между тѣмъ ей Н. Н. Харузинъ удѣлилъ въ своей книгѣ лишь нѣсколько отрывочныхъ строкъ, будучи знакомъ съ ней лишь по маленькой, переведенной на русскій языкъ, исторіи культуры Липперта.

Въ предисловіи къ настоящей книгѣ ея издатели особенно подчеркиваютъ то обстоятельство, что авторъ ввелъ въ свой курсъ много фактовъ изъ жизни русскихъ инородцевъ, въ большинствѣ случаевъ мало знакомыхъ западно-европейскимъ ученымъ. Это, конечно, положительная сторона, но размѣровъ ея не надо преувеличивать. Во-первыхъ, введеніе этихъ фактовъ въ качествѣ добавочныхъ иллюстрацій и примѣровъ не можетъ повліять на нашу оцѣнку книги,

какъ систематическаго курса, а во-вторыхъ, подборъ фактовъ изъ жизни русскихъ инородцевъ отличается полнѣйшей безсистемностью и случайностью, а потому не даетъ сколько-нибудь связной картины жизни соотвѣтственныхъ племенъ. Больше связности можно найти у Деникера, Ратцеля, чѣмъ у г. Харузина, что объясняется тѣмъ, что первые даютъ обзоръ матеріала по извѣстнымъ этническимъ группамъ, а послѣдній даетъ очерки отдѣльныхъ культурныхъ явленій.

Въ одномъ случаѣ предпочтительное знакомство автора съ русскими инородцами послужило даже въ ущербъ книгѣ Н. Н. Харузина, именно привело его къ неправильной сравнительной оцѣнкѣ земледѣлія и скотоводства. Онъ, правда, очень далекъ отъ того, чтобы считать охоту, скотоводство и земледѣліе тремя послѣдовательными и обязательными для всего человѣчества стадіями развитія, но все же думаетъ, что „земледѣліе безусловно стоитъ на культурной лѣстницѣ выше скотоводства“ (стр. 177). Разумѣется, что въ такой категорической формѣ подобное заявленіе ошибочно, и низшихъ земледѣльцевъ иногда бываетъ очень трудно поставить въ какомъ-нибудь отношеніи выше высоко развитыхъ пастушескихъ племенъ. Далѣе, не отрицая возможности непосредственнаго перехода отъ охоты и рыбной ловли къ земледѣлію, авторъ въ то же время съ особенной подробностью останавливается, какъ на нормальномъ типѣ развитія, на тѣхъ случаяхъ, гдѣ постепенное разрушеніе пастушескаго быта приводитъ къ земледѣлію и осѣдлости. Тутъ Н. Н. Харузинъ, очевидно, находился подъ сильнымъ вліяніемъ совершающейся у русскихъ инородцевъ эволюціи хозяйственной жизни и слишкомъ обобщилъ ее. Она, дѣйствительно, характерна, но характерна, какъ примѣръ разложенія пастушескаго быта, но не какъ примѣръ возникновенія земледѣлія и осѣдлости.

Такимъ образомъ, разбираемая нами книга въ общемъ неудовлетворительна. Объясняется это тѣмъ, что Н. Н. Харузинъ не предназначалъ ее пока для печати и за недостаткомъ времени еще не успѣлъ выработать стройнаго и цѣлостнаго курса этнографіи. Поэтому не приходится ставить въ упрекъ автору отмѣченныхъ нами недостатковъ, но трудно избавиться отъ вопроса, стоило ли наслѣдникамъ издавать черновыя и необработанныя лекціи и дѣйствительно ли они оказали родственную услугу покойному?

А. Максимовъ.

В. А. Левицкій. Къ вопросу о физическомъ состояніи населенія Подольскаго уѣзда. По даннымъ Подольскаго уѣзднаго воинскаго присутствія. „Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Московской губ. Отдѣлъ санитарный. Т. IX. Матеріалы по опредѣленію физическаго состоянія населенія Московской губ.“. Изд. Москов. Губ. Земства. М., 1901 г. Ц. 50 коп.

В. А. Левицкій, санитарный врачъ Подольскаго уѣзда, Московской губ., желая выяснить санитарное состояніе различныхъ частей уѣзда и болѣе точно опредѣлить, какіе районы его слѣдуетъ считать неблагополучными съ точки зрѣнія физическаго состоянія населенія, воспользовался съ этою цѣлью данными, собранными Подольскимъ уѣзднымъ воинскимъ присутствіемъ, и подвергъ ихъ детальной статистической обработкѣ. Разработанный авторомъ обширный матеріалъ и составленныя имъ картограммы и діаграммы даютъ возможность судить о распредѣленіи роста населенія Подольскаго уѣзда, оказавшагося неодинаковымъ въ отдѣльныхъ волостяхъ (въ сѣв.-восточныхъ—выше, а въ юго-западныхъ—ниже), о степени выживанія мужского населенія допри-

зывного возраста по отдѣльнымъ годамъ и районамъ уѣзда, о связи величины роста со степенью выживанія, о значеніи времени зачатій и рожденій въ процессѣ выживанія и т. п. Изслѣдованія подобнаго рода, имѣющія важное практическое значеніе, представляютъ большой интересъ и въ научномъ, въ частности антропологическомъ, отношеніи. Работа г. Левицкаго составляетъ первый выпускъ цѣлой серіи аналогичныхъ изслѣдованій, которыя предприняты Московскимъ губернскимъ земствомъ и которыя должны охватить собою всѣ уѣзды Московской губ. Можно только пожелать скорѣйшаго ихъ появленія.

Ал. Ивановскій.

Проф. С. Н. Делицинъ. Къ казуистикѣ аномалій arteriae medianae antibrachii (нѣсколько случаевъ прободенія ею nervi mediani). „Лѣтопись Русской Хирургіи", 1901, кн. 3.

Случаи чрезмѣрнаго развитія срединной артеріи у человѣка наблюдаются вообще довольно нерѣдко. Тѣмъ не менѣе описанные авторомъ варіанты этого сосуда имѣютъ немаловажный интересъ, между прочимъ, по причинѣ одновременно наблюдавшихся уклоненій въ устройствѣ срединнаго нерва. Во всѣхъ 6-ти случаяхъ, о которыхъ говоритъ авторъ, ненормально развитая срединная артерія достигала довольно значительныхъ размѣровъ и имѣла калибръ, равный 2—3—$3^1/_2$ и даже $4^1/_2$ миллим., въ то время какъ въ предѣлахъ т. наз. «нормы» этотъ — кстати сказать, чрезвычайно постоянный — сосудъ представляется лишь въ видѣ весьма тонкой нити. Относительный калибръ артерій предплечія въ разсматриваемыхъ случаяхъ былъ или «нормальный», т.-е. превалировала локтевая артерія, за нею слѣдовала лучевая, а уже ниже ея стояла срединная артерія, или даже послѣдняя превалировала надъ лучевою. Кромѣ того, во всѣхъ случахъ, о которыхъ идетъ рѣчь, срединная артерія *прободала одноименный нервъ* въ направленіи сзади напередъ. На одномъ препаратѣ авторъ наблюдалъ образованіе нервомъ желобка для воспріятія прободавшей его артеріи и высокое дѣленіе нерва выше собственной запасной ладонной связки.

Не останавливаясь на вопросѣ объ относительной частотѣ этихъ и имъ подобныхъ уклоненій въ развитіи сосудовъ и нервовъ, отмѣтимъ лишь, что срединная артерія чрезвычайно распространена въ царствѣ животныхъ. У многихъ млекопитающихся она представляетъ не только *главнѣйшій*, но нерѣдко даже *единственный артеріальный стволъ предплечія*. Сильно развитая срединная артерія составляетъ норму для лемура, виверы, кенгуру и др. У обезьянъ исчезновеніе или, правильнѣе, сокращеніе этого сосуда совершается *самымъ постепеннымъ образомъ:* у игрунковъ она сильно развита и достигаетъ поперечной ладонной связки; у плосконосыхъ обезьянъ она уже замѣтно слабѣе развита, причемъ оканчивается въ нижней трети предплечія; у узконосыхъ это сокращеніе выражено въ еще болѣе рѣзкой степени; наконецъ, у человѣкоподобныхъ мало замѣтная срединная артерія достигаетъ, въ большинствѣ случаевъ, того развитія, какое она обнаруживаетъ нормально у человѣка. Характернымъ отличительнымъ признакомъ приматовъ является, однако, то обстоятельство, что лишь на этихъ ступеняхъ филогенетическаго развитія срединная артерія вступаетъ въ опредѣленное сочетаніе съ локтевою артеріей — для образованія ряда варіантовъ ладонной сосудистой дуги.

Отсюда явствуетъ и *антропологическое значеніе разсматриваемыхъ аномалій срединной артеріи*, которыя, подобно многимъ другимъ сосудистымъ варіантамъ въ области верхнихъ конечностей, являются если не прямымъ

выраженіемъ атавистическаго развитія, то во всякомъ случаѣ аналогами опредѣленныхъ морфологическихъ признаковъ, свойственныхъ многимъ животнымъ.

Р. Вейнбергъ.

Б. П. Бабкинъ. Вліяніе искусственныхъ швовъ черепа у молодыхъ животныхъ на его ростъ и развитіе. „Неврологъ. Вѣстникъ", т. IX, вып. 3 и 4. Казань, 1901.

Во многихъ случаяхъ идіотизма и отсталаго умственнаго развитія у дѣтей (особенно микроцефалическаго) есть основаніе предполагать неблагопріятныя соотношенія между ростомъ мозга и ростомъ черепной капсулы. Исходя отсюда, знаменитый французскій хирургъ Lannelong предложилъ дѣлать въ соотвѣтствующихъ случаяхъ на черепѣ искусственный шовъ. Опредѣляющимъ моментомъ для указанія направленія и вида шва служитъ установленное Р. Вирховымъ положеніе, что преждевременное заращеніе того или другого шва вызываетъ задержку развитія черепа въ направленіи перпендикулярномъ заросшему шву и, наоборотъ, свободный, незаращенный шовъ обусловливаетъ большую свободу развитія черепа въ перпендикулярномъ къ этому шву. Операціи, до сихъ поръ продѣланныя самимъ Lannelong'омъ и его послѣдователями, не были еще достаточно многочисленными для того, чтобы можно было опредѣленно высказаться относительно достигаемаго ими результата. Г. Бабкинъ пожелалъ сдѣлать экспериментальную повѣрку этого вопроса, для чего и поставилъ въ лабораторіи проф. Бехтерева нѣсколько десятковъ экспериментовъ надъ щенками. Щенки, въ возрастѣ отъ 10 дней до одного мѣсяца и болѣе, послѣ тщательнаго измѣренія подвергались наложенію искусственнаго костнаго шва въ томъ или другомъ направленіи, обыкновенно на одной половинѣ черепа. Выбирались обыкновенно парные щенки одного помета, по возможности совершенно одинаковаго вѣса и роста; одинъ подвергался операціи, другой служилъ для контроля. Спустя мѣсяцъ, два и болѣе, если оперированное животное не погибало къ тому времени само, его, равно какъ и контрольнаго щенка убивали; производилось тщательное измѣреніе хордъ и дугъ черепа обоихъ животныхъ, а потомъ измѣренія и взвѣшиванія ихъ головного мозга.

Сужденіе о степени и видѣ вліянія операціи составлялось, какъ изъ сравненія опытнаго животнаго съ контрольными, такъ и изъ сравненія оперированной и неоперированной сторонъ черепа подвергшагося опыту животнаго. На основаніи своихъ опытовъ г. Бабкинъ приходитъ къ слѣдующимъ главнѣйшимъ выводамъ: подъ вліяніемъ искусственнаго шва черепной сводъ, на которомъ этотъ шовъ сдѣланъ, дѣйствительно усиленно растетъ по направленію перпенпендикулярному къ искусственному шву, но задерживается въ ростѣ по направленію параллельному шву; вмѣстѣ съ тѣмъ черепной сводъ становится замѣтно ниже. Слѣдствіемъ такой конфигураціи въ черепѣ является довольно значительное измѣненіе въ формѣ мозга, но лишь весьма незначительная прибыль въ его вѣсѣ. Отсюда — отрицательное отношеніе автора къ операціи Lannelong'a. Постановка опытовъ и самая техника ихъ были, насколько это можно судить по описанію, обставлены вполнѣ удовлетворительно, а потому работа г. Бабкина даетъ весьма цѣнныя указанія на родъ и характеръ зависимости роста черепа и мозга отъ искусственныхъ (и натуральныхъ) швовъ *у щенковъ*. Позволительно, однако, усомниться въ возможности перенесенія данныхъ, полученныхъ для щенковъ, на человѣка, а отсюда и въ доказательность отрицательнаго отношенія автора къ операціи Lannelong'a. Мы этимъ совсѣмъ не хотимъ защищать значеніе операціи Lannelong'a, но утверждаемъ лишь,

что отрицательное къ ней отношеніе еще не вытекаетъ изъ экспериментовъ г. Бабкина. Въ самомъ дѣлѣ, конфигурація, условія роста мозга, самая интенсивность роста мозга у ребенка и у щенка слишкомъ различны для того, чтобы мы имѣли право сказать, что уменьшеніе препятствія къ росту мозга со стороны черепной крышки приведетъ къ относительно одинаково сильному его разрастанію у человѣка и у собаки. Энергія роста человѣческаго мозга настолько значительнѣе таковой же для мозга собаки, что мы можемъ думать, что уменьшеніе препятствій для роста у человѣка даетъ большій эффектъ, чѣмъ у собаки. Не слѣдуетъ къ тому же упускать изъ виду и то обстоятельство, что эксперименты г. Бабкина производились надъ нормальными щенками, операція же Lannelong'а предложена для такихъ дѣтей, относительно которыхъ существуетъ подозрѣніе, что ростъ ихъ мозга задерживается патологическимъ ходомъ развитія черепной крышки. Въ первомъ случаѣ увеличеніе объема мозга представляло бы нѣкоторый, теоретически мало даже вѣроятный, плюсъ сверхъ нормы, во второмъ же дѣло идетъ о желаніи дать мозгу, съ его обычнымъ стремленіемъ къ росту, возможность доразвиться до нормы, устранивъ лишь препятствія къ нормальному его развитію. *В. В. Воробьевъ.*

J. Szombathy. Die Markhöhle in den langen Knochen von Elephus primigenius. „Mittheil. der anthrop. Gesell. in Wien“, XXXI, Sitzungsberichte, 74.

Уже нѣсколько лѣтъ между авторомъ и Makowsky'мъ ведется споръ о томъ, какого происхожденія полость въ длинныхъ костяхъ мамонта. При своихъ раскопкахъ близъ Брюна Makowsky нашелъ нѣсколько обломковъ костей мамонта съ квадратными полостями. Считая кости мамонта безполостными, онъ приписалъ найденныя полости дѣлу рукъ человѣческихъ. Эта находка служила для него лишнимъ доказательствомъ совмѣстнаго пребыванія въ той области человѣка и мамонта. Szombathy, не касаясь совершенно послѣдняго пункта, отрицалъ искусственное происхожденіе вышеназванной полости, считая ее естественной. Для доказательства вѣрности своего взгляда онъ сдѣлалъ нѣсколько распиловъ костей мамонта и современнаго слона, и приведенные въ работѣ рисунки наглядно показываютъ, что правда на сторонѣ Szombathy. *С. Вайсенбергъ.*

Д-ръ И. И. Пантюховъ. Современные лезгины. Тифл., 1901.

Мы уже не разъ имѣли случай указывать на труды д-ра И. И. Пантюхова по изученію антропологіи и этнографіи кавказскихъ народовъ. Новая работа неутомимаго автора представляетъ собою хотя небольшой (всего 32 стр. in 16°), но содержательный очеркъ, посвященный современнымъ лезгинамъ, живущимъ въ Дагестанской области. Очеркъ содержитъ преимущественно этнографическія данныя; для характеристики антропологическаго типа лезгинъ приведены лишь немногія среднія цифры, безъ указаній при этомъ числа измѣренныхъ особей.

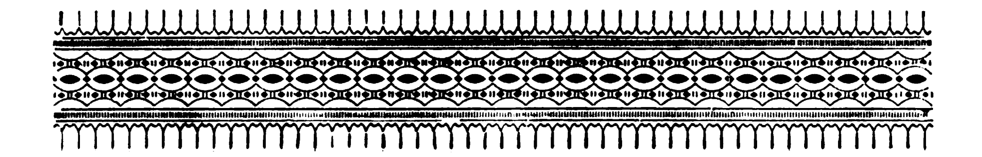
Ал. Ивановскій.

А. Н. Дьячковъ-Тарасовъ. Абадзехи. Историко-этнографическій очеркъ. „Записки Кавказскаго Отдѣла Имп. Рус. Геогр. Общ.“, кн. XXII, вып. 4.

Абадзехи принадлежатъ къ мало изученнымъ народностямъ Кавказа. Авторъ имѣлъ, повидимому, возможность долгое время наблюдать ихъ бытъ и хорошо познакомиться съ нимъ. Очеркъ составленъ на основаніи свѣдѣній, собранныхъ исключительно лично самимъ авторомъ. Лица, занимающіяся этнографіей Кавказа, найдутъ въ немъ не мало для себя интереснаго.

Ал. Ивановскій.

Извѣстія и замѣтки.

Антропологія на XI-мъ съѣздѣ русскихъ естествоиспытателей и врачей въ С.-Петербургѣ была представлена сравнительно небольшимъ количествомъ рефератовъ: *проф. Д. Н. Анучина.*—О черепѣ чукчей и другихъ народностей крайняго сѣверо-востока Азіи; *графа А. А. Бобринскаго*—Изложеніе теоріи Шетензака о значеніи Австраліи въ вопросѣ о перерожденіи человѣка изъ низшей формы; *К. Ѳ. Жакова*—О финнахъ Пермской группы; *д-ра Новгородцева*—Объ изученіи вліянія погоды на физическую и психическую организацію человѣка; *И. И. Пантюхова*—О лезгинахъ; *В. В. Передольскаго*—О новооткрытомъ населеніи начала неолитической эпохи на берегахъ оз. Ильменя; *кн. П. А. Путятина*—Вновь открытая мѣстность обработки орудій каменнаго вѣка на южномъ побережьѣ Бологовскаго озера; *проф. Б. И. Срезневскаго*—О вліяніи климатовъ на человѣка и *Е. М. Чепурковскаго*—О географическомъ распредѣленіи формы головы человѣка въ связи съ наслѣдованіемъ и строеніемъ основанія черепа.

Этнографическое отдѣленіе Русскаго музея Императора Александра III-го. Въ настоящее время приступлено къ организаціи этнографическаго отдѣленія музея, причемъ хранителемъ отдѣленія назначенъ бывшій хранитель этнографическаго музея Академіи Наукъ Д. А. Клеменцъ, а его помощниками—гг. Иностранцевъ, Ляцкій и Могилянскій. На пріобрѣтеніе этнографическихъ коллекцій ассигнуется ежегодно по 40.000 рублей. Особенное вниманіе будетъ обращено на собираніе предметовъ по этнографіи русскаго населенія. Недавно въ отдѣленіе поступила обширная коллекція предметовъ буддійскаго культа князя Э. Э. Ухтомскаго, на пріобрѣтеніе которой, по Высочайшему повелѣнію, было ассигновано 100.000 рублей.

Защита В. В. Воробьевымъ диссертаціи „Наружное ухо человѣка“. 10 декабря 1901 г. въ аудиторіи Анатомическаго института Московскаго университета непремѣнный членъ Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи В. В. Воробьевъ защищалъ диссертацію на степень доктора медицины, представивъ сочиненіе подъ заглавіемъ: „Наружное ухо человѣка“. Эта работа, составляющая XX-ый томъ „Трудовъ Антропологическаго Отдѣла“, удостоена, какъ это было уже отмѣчено въ нашемъ журналѣ, отъ Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи преміи имени А. П. Разцвѣтова. Оффиціальными оппонентами были проф. Д. Н. Анучинъ, проф. П. А. Минаковъ и прозекторъ В. Н. Алтуховъ. Проф. Д. Н. Анучинъ, при-

знавши серьезныя достоинства представленнаго труда, могущаго, вслѣдствіе всесторонняго разсмотрѣнія вопроса и представленія многочисленныхъ литературныхъ справокъ, служить справочнымъ изданіемъ для лицъ, интересующихся даннымъ вопросомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ привелъ значительное число указаній на нѣкоторые промахи и пробѣлы въ работѣ. Другіе оба оппонента, соглашаясь въ основныхъ взглядахъ съ первымъ отзывомъ, указали съ своей стороны на замѣченные ими частные недочеты работы, не вліяющіе, однако, по ихъ словамъ, серьезно на тѣ существенныя достоинства, которыми отличается разсматриваемый ими трудъ. По окончаніи диспута г. Воробьевъ, при громкихъ аплодисментахъ собравшейся публики, былъ удостоенъ факультетомъ искомой имъ степени доктора медицины.

Дѣятельность Русскаго Антропологическаго Общества въ 1901 г. 24 февр. 1901 г. состоялся докладъ *А. Л. Погодина:* «Культурныя сношенія Босфорскаго царства съ Востокомъ и Кавказомъ и этническіе элементы, вошедшіе въ составъ его». Докладчикъ основывался главнымъ образомъ на греческихъ надписяхъ черноморскихъ эллинскихъ колоній, среди которыхъ встрѣчается не менѣе 500 «варварскихъ» именъ. Изученіе ихъ, въ связи съ историческими данными, даетъ возможность выяснить, какія именно племена оставили своихъ представителей въ числѣ гражданъ Босфорскаго царства. Референтъ утверждалъ, что скиѳы уже въ VII в. до Р. Х. проникли въ Ассирію и, слѣдовательно, уже въ этомъ періодѣ существовали сношенія скиѳовъ съ племенами Кавказа. Греки сносились съ племенами Грузіи не позже III в. до Р. Х. Наконецъ, въ IV в. до Р. Х., на основаніи надписей, въ Пантикапеѣ уже были евреи. Но главнымъ вліяніемъ въ этомъ районѣ было персидское.— 5 мая 1901 г. *В. В. Передольскій* сообщилъ объ юкагирскихъ письменахъ, доставленныхъ ему С. М. Шаргородскимъ. — 28 сент. 1901 г. *Д. А. Клеменцъ* сдѣлалъ сообщеніе: «Кочевой бытъ азіатскихъ народовъ». Докладчикъ подвергъ критическому разбору установившуюся схему трехъ стадій культурнаго развитія человѣчества: охотничьей, скотоводческой и земледѣльческой, къ которой онъ относится отрицательно, а затѣмъ высказалъ рядъ соображеній по вопросу о времени возникновенія кочевого быта и его формахъ у азіатскихъ народовъ. Докладчикъ полагаетъ, что прирученіе домашнихъ животныхъ относится къ тому отдаленному періоду, когда отдѣленіе занятій земледѣліемъ и охотой еще было въ зачаткѣ. Земледѣлецъ не могъ приручить животнаго, потому что оно являлось для него врагомъ, нанося вредъ его посѣвамъ; охотникъ же знаетъ его бытъ до мельчайшихъ подробностей и потому можетъ приручить его съ большей легкостью. Среди азіатскихъ народовъ мы не встрѣчаемъ обычаевъ, которые были бы пережиткомъ нѣкогда существовавшаго земледѣлія, слѣды же охотничьяго быта весьма многочисленны, и къ нимъ относятся общія облавы. Что касается возникновенія кочевого быта, то первые зачатки его съ правильными періодическими передвиженіями докладчикъ видитъ у тѣхъ охотничьихъ племенъ, у которыхъ главнымъ предметомъ промысла является одинъ какой-нибудь или немногіе сходные виды животныхъ, напр. бизона въ Сѣв. Америкѣ. Первыя ступени прирученія ограничиваются лишь тѣмъ, что животное терпитъ около себя человѣка; примѣромъ можетъ служитъ Cervus elaphus въ Сибири. Вторая ступень прирученія начинается съ употребленія молока; примѣры весьма многочисленны у азіатскихъ народовъ: чукчей, якутовъ и т. д. Питаніе молокомъ кромѣ того, что сблизило человѣка съ животнымъ, коренным образомъ измѣнило его бытъ, давъ возможность заготовлять пищу впрокъ, а обиліе скота вызвало необходимость сожительства группами. Получило новое

развитіе понятіе о правѣ собственности и о правахъ пользованія угодьями. Явился досугъ и особый классъ, занимающійся исключительно наукой,—ламы. Докладчикъ полагаетъ, что причина стойкости кочевого быта лежитъ не въ косности кочевника, а въ тѣхъ выгодахъ, которыя представляетъ для него его образъ жизни. Этимъ объясняются и неудачи тѣхъ мѣропріятій, которыя направлены къ принужденію кочевниковъ взяться за земледѣліе. Напротивъ, иногда въ культурныхъ странахъ мы находимъ поворотъ къ кочеванію отъ земледѣлія, напр., переходъ къ овцеводству нормандскихъ прибрежныхъ крестьянъ подъ вліяніемъ потребности въ мясѣ Парижа. Въ общемъ выводѣ докладчикъ полагалъ, что насажденіе земледѣлія въ сухихъ степныхъ мѣстахъ представляетъ довольно рискованный опытъ, ближайшимъ результатомъ котораго можетъ быть возвышеніе цѣны на мясо и живой скотъ вмѣстѣ съ упадкомъ благосостоянія кочевниковъ.—Въ засѣданіи 9 ноября *Д. А. Клеменцъ* подробно ознакомилъ Общество съ дѣятельностью Восточно-Сибирскаго Отдѣла И. Р. Г. Общ. и съ нѣкоторыми новыми трудами по этнографіи.

Лѣтомъ 1901 г. студентъ *Д. Т. Яновичъ* былъ командированъ Обществомъ для антропологическихъ изслѣдованій корелъ.

Въ теченіе бывшихъ въ 1901 г. засѣданій продолжалась разработка программъ для антропологическихъ и этнографическихъ излѣдованій.

25 янв. 1902 г. состоялось засѣданіе, на которомъ *В. Г. Богоразъ* сдѣлалъ сообщеніе о поѣздкѣ на Камчатку и Чукотскую землю и *Е. М. Чепурковскій* прочелъ рефератъ сочиненія К. Пирсона „Woman as Witch“.

Антропологическій Отдѣлъ Общества Любителей Естествознанія. 3-го января 1902 г., по случаю собравшагося въ Москвѣ VIII-го съѣзда Общества русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова, Отдѣломъ было устроено публичное засѣданіе, въ которомъ сдѣлали сообщенія: *Д. Н. Анучинъ*—О задачахъ и методахъ антропологіи, *П. А. Минаковъ*—Значеніе антропологіи въ медицинѣ, *В. В. Воробьевъ*—Объ антропологическомъ изученіи славянскаго населенія Россіи и *А. А. Ивановскій*—Объ антропологическомъ изученіи инородческаго населенія Россіи. Кромѣ того, во всѣ дни занятій съѣзда членами Отдѣла демонстрировались въ актовомъ залѣ университета антропометрическіе инструменты и производились примѣрныя антропологическія изслѣдованія.

Въ послѣднихъ пяти засѣданіяхъ Отдѣла (5 дек. 1901 г., 26 янв., 20 февр., 13 и 30 марта 1902 г.) были доложены рефераты: *Д. Н. Анучина*—Древнѣйшіе ископаемые остатки человѣка, *Н. В. Берви*—О методѣ изслѣдованія ископаемыхъ череповъ, *Р. Л. Вейнберга*—Къ вопросу о формѣ мозга евреевъ, *Н. Л. Зеланда*—О темпераментѣ, *Ф. Я. Кона*—Къ 25-тилѣтію Минусинскаго мѣстнаго музея, *А. Н. Краснова*—Матеріалы для антропологіи русскаго народа, *В. Н. Розанова*—Къ вопросу объ усиленномъ и замедленномъ развитіи человѣческаго организма, *Г. В. Теръ-Давыдова*—Къ антропологіи армянъ Шушинскаго уѣзда и *Е. М. Чепурковскаго*—Соотношеніе между нѣкоторыми размѣрами и показателями черепа въ связи съ географическимъ распространеніемъ формы головы.

Труды Антропологическаго Отдѣла

Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи.

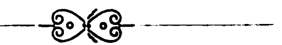
Томъ XVIII, вып. 1—3, подъ редакціей Д. Н. Анучина, Н. В. Гильченко и А. А. Ивановскаго. Москва. 1897 г. Цѣна 3 руб.

Содержаніе: Анатолій Петровичъ Богдановъ (съ портретомъ).—*А. Г. Рождественскій*—Величина головы человѣка въ ея зависимости отъ роста, пола, возраста и расы (съ 5-ю графич. таблицами).—*Н. В. Гильченко*—Матеріалы для антропологіи Кавказа. Кубанскіе казаки. *А. Д. Элькиндъ*—Привислинскіе поляки.— *Н. А. Янчукъ*—Нѣсколько новыхъ свѣдѣній о литовскихъ татарахъ.— *А. А. Арутиновъ*—Къ антропологіи кавказскаго племени удинъ.—*Н. П. Константиновъ-Щипунинъ* — Къ краніологіи древняго населенія Костромской губ.— *Д. Н. Анучинъ*—Е. А. Покровскій, К. Н. Иковъ и А. М. Раевская (некрологи.)— Протоколы засѣданій Антропологическаго Отдѣла.—Отзывы о трудахъ, представленныхъ въ Отдѣлъ для соисканія премій и золотой медали по антропологіи.

Томъ XIX, подъ редакціей Д. Н. Анучина и А. А. Ивановскаго. Москва, 1899 г. Цѣна 3 руб.

Содержаніе: *Р. Л. Вейнбергъ*—О строеніи большого мозга у эстовъ, латышей и поляковъ (съ 20 рис.).—*М. И. Лутохинъ*—Историческій обзоръ литературы о расовыхъ отличіяхъ таза.—*П. А. Минаковъ*—Новыя данныя по изслѣдованію волосъ изъ древнихъ могилъ и отъ мумій (съ 1 раскраш. табл.)·—*П. А. Минаковъ*—Ненормальная волосатость (съ 3 рис.).— *В. В. Воробьевъ*—Матеріалы къ антропологіи великорусскаго населенія нѣкоторыхъ уѣздовъ Рязанской губ. (съ 9 діаграм.).—*В. И. Васильевъ*—Размѣры черепа и лица по отношенію къ возрасту и росту у учащихся въ школахъ Серпуховскаго у., Московской губ. (съ 4 діаграм.).—*Н. В. Гильченко*—Вѣсъ головного мозга и нѣкоторыхъ его частей у различныхъ племенъ, населяющихъ Россію.—*А. А. Ивановскій*—Къ вопросу о различіяхъ формъ глазной щели.—*П. А. Минаковъ*—О формѣ и цвѣтѣ волосъ изъ кургановъ Ср. Россіи.—*А. Д. Элькиндъ*—О черепныхъ типахъ проф. Серджи въ связи съ черепнымъ указателемъ (съ 4 діагр.)*А.—. Д. Элькиндъ*— Замѣтка о черепахъ изъ еврейскихъ катакомбъ въ Римѣ (съ 1 рис.).—*Д. Н. Анучинъ*—Памяти Г. Д. Филимонова и Г. де-Мортиллье.— *А. А. Ивановскій*—Секція антропологіи XII-го международнаго съѣзда врачей (съ 6 рис.).—Протоколы засѣданій Антропологическаго Отдѣла.—Отзывы о трудахъ, представленныхъ въ Отдѣлъ для соисканія премій и золотой медали по антропологіи.

Вышелъ XX-ый томъ: В. В. Воробьевъ—Наружное ухо человѣка. Москва, 1901 г. Цѣна 3 руб.

Русскій Антропологическій Журналъ.

1900 годъ (кн. I—IV): *Д. Н. Анучинъ*—Бѣглый взглядъ на прошлое антропологіи и на ея задачи въ Россіи; *Н. А. Аристовъ*—Этническія отношенія на Памирѣ и въ прилегающихъ странахъ по древнимъ, преимущественно китайскимъ, историческимъ извѣстіямъ; *В. В. Воробьевъ*—Великоруссы (съ 6 рис); *онъ же*—О соотношеніи между главнѣйшими размѣрами головы и лица человѣка и его ростомъ (съ 6 діагр.); *Н. Л. Зеландъ*—Къ антропологіи западно-сибирскаго крестьянина; *А. А. Ивановскій*—Дм. Ник. Анучинъ (съ портретомъ); *онъ же*—Чествованіе проф. Д Н. Анучина по поводу его 25-лѣтней дѣятельности въ Императорскомъ Обществѣ Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи; *онъ же*—Езиды (по изслѣдованіямъ К. И. Горощенко); *Ф. Я. Конъ*—Беременность, роды и уходъ за ребенкомъ у качинокъ; *А. Н. Красновъ*—Объ антропологическихъ изслѣдованіяхъ и измѣреніяхъ въ Харьковскомъ и Валковскомъ уѣздахъ; *И. И. Майновъ*—Помѣсь русскихъ съ якутами (съ 4 рис.); *П. А. Минаковъ*—Волосы въ антропологическомъ отношеніи (съ 4 рис.); *онъ же*—Ногти человѣческой руки (съ 1 рис.); *Д. П. Никольскій*—О чукчахъ Колымскаго округа; *В. Н. Розановъ*—Гинекомастія (съ 5 рис.); *Ю. Д. Талько-Грынцевичъ*—Древніе обитатели Центр. Азіи; *онъ же*—Польская антропол. литература (съ портретами Майера и Коперницкаго). Изъ иностранной литературы: *Д. Н. Анучинъ*—Аномальные швы и кости мозгового черепа человѣка по изслѣдованіямъ проф. І. Ранке (съ 3 рис.); *онъ же*—Объ останкахъ германцевъ III—IV вв. въ торфяникахъ Шлезвига и сосѣднихъ съ нимъ странъ (съ 4 рис.); *В. В. Воробьевъ*—Наружное ухо въ антропол. отношеніи; *А. А. Ивановскій*—Положеніе человѣка въ ряду животныхъ; *онъ же*—Евреи (съ 10 рис.); *онъ же*—Фамильные типы и фамильное сходство; *Е. И. Луценко*—Общественная среда, какъ факторъ развитія и красоты человѣческаго лица; *П. А. Минаковъ*—Мозгъ Герм. Гельмгольца (съ 2 рис.); *И. П. Силиничъ*—Формы колыбелей и ихъ развитіе; *онъ же*—Роль химическаго анализа въ вопросахъ доисторической археологіи; *Л. Д. Синицкій*—Географическая будущность европейскихъ расъ. Некрологи: *Д. Н. Анучинъ*—Питтъ-Риверсъ; *В. В. Воробьевъ*—Проф. С. С. Корсаковъ; *А. А. Ивановскій*—Фил. Сальмонъ.—Критика и библіографія.—Извѣстія и замѣтки.

1901 годъ (кн. V—VIII): *Д. Н. Анучинъ*—Руд. Вирховъ (съ 2 портр. и 2 рис.); *Н. А. Аристовъ*—Этническія отношенія на Памирѣ и въ прилегающихъ странахъ по древнимъ, преимущественно китайскимъ, историческимъ извѣстіямъ (продолж.) *Н. В. Берви*—Обработка антропологь. наблюденій при помощи теоріи вѣроятностей; *Р. Л. Вейнбергъ*—Къ вопросу объ исполинскомъ ростѣ (съ 3 рис.); *онъ же*—Новѣйшіе успѣхи въ области антропологіи костной системы (съ 3 рис.); *онъ же*—Эсты (съ 12 рис.); *В. В. Воробьевъ*—Наружное ухо человѣка (съ 6 рис.); *К. И Горощенко*—Сойоты (съ 1 рис.); *К. М. Курдовъ*—Къ антропологіи лезгинъ: кюринцы (съ 4 рис.); *И. И. Майновъ*—Два типа тунгусовъ (съ 4 рис.); *Н. М. Маліевъ*—Вогулы (съ 2 рис.); *С. Д. Масловскій*—Гальча; *Л. О. Перфильевъ*—Сомалійцы; *И. П. Силиничъ*—Къ краніологіи сойотъ; *Ю. Д. Талько-Грынцевичъ*—Поляки (съ 14 рис.). Изъ иностранной литературы: *Б. Ѳ. Адлеръ*—Происхожденіе и переселеніе народовъ съ географической точки зрѣнія; *онъ же*—Происхожденіе европейскихъ народовъ; *Р. Л. Вейнбергъ*—Анатомическія особенности первобытнаго человѣка (съ 6 рис.); *А. А. Ивановскій*—Классификація человѣческихъ расъ І. Деникера; *онъ же*—Зубы у различныхъ человѣческихъ расъ (съ 2 рис.;) *онъ же*—Карлики и пигмеи; *Д. А. Коропчевскій*—Кинъ и его руководства по этнологіи.—Критика и библіографія.—Извѣстія и замѣтки.

2р

Русскій Антропологическій Журналъ,

издаваемый Антропологическимъ Отдѣломъ

Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, подъ редакціей секретаря Отдѣла А. А. Ивановскаго (основанъ ко дню 25-лѣтія дѣятельности въ Антропологическомъ Отдѣлѣ, 30 марта 1900 года, предсѣдателя Отдѣла, проф. Д. Н. Анучина), выходитъ 4-мя книжками въ годъ, размѣромъ каждая въ 8—10 печатныхъ листовъ, съ рисунками.

Въ журналѣ принимаютъ участіе: Б. Ѳ. Адлеръ, Н. В. Алтуховъ, проф. Д. Н. Анучинъ, Н. А. Аристовъ, проф. Н. В. Берви, С. А. Вайсенбергъ, проф. Вальдейеръ (Берлинъ), В. И. Васильевъ, Р. Л. Вейнбергъ, Ѳ. К. Волковъ (Парижъ), В. В. Воробьевъ, Н. В. Гильченко, К. Н. Горощенко, І. Е. Деникеръ (Парижъ), Н. Л. Зеландъ, А. А. Ивановскій, проф. І. Колльманъ (Базель), Ф. Я. Конъ, Д. А. Коропчевскій, проф. А. Н. Красновъ, К. М. Курдовъ, Е. Н. Луценко, проф. Ф. фонъ-Лушанъ (Берлинъ), И. И. Майновъ, А. Н. Максимовъ, проф. Н. М. Маліевъ, С. Д. Масловскій, проф. П. А. Минаковъ, проф. Л. Г. Нидерле (Прага), Д. П. Никольскій, И. И. Пантюховъ, Л. О. Перфильевъ, проф. М. А. Поповъ, проф. Фр. Ратцель (Лейпцигъ), А. Г. Рождественскій, В. Н. Розановъ, проф. Ж. Серджи (Римъ), проф. И. А. Сикорскій, И. П. Силиничъ, Л. Д. Синицкій, Ю. Д. Талько-Грынцевичъ, проф. А. И. Таренецкій, граф. П. С. Уварова, А. С. Хахановъ, Е. М. Чепурковскій, С. М. Чугуновъ, проф. Г. Швальбе (Страсбургъ), проф. Э. Шмидтъ (Лейпцигъ), проф. Л. Х. Штида (Кенигсбергъ), А. Д. Элькиндъ, Н. А. Янчукъ и др.

Цѣна годовому изданію 5 руб. съ доставкой и пересылкой, за границу 6 руб. Цѣна отдѣльной книжки 1 р. 50 к. (двойной—3 р.).

Съ требованіями обращаться: Москва, Политехническій музей, въ Антропологическій Отдѣлъ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, или: Москва, Историческій музей, секретарю Антропологическаго Отдѣла А. А. Ивановскому.

